
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2024

Воронежский государственный университет
Научная школа в области общего и русского языкознания
профессоров З.Д. Поповой и И.А. Стернина
Кафедра английского языка естественно-научных факультетов
Кафедра общего языкознания и стилистики
Центр коммуникативных исследований ВГУ
имени проф. И.А. Стернина

Сопоставительные исследования 2024

Продолжающееся
научное издание

Выходит с 2004 г.

Выпуск 21

*Посвящается 25-летию утверждения Научной
школы ВГУ в области общего и русского языкознания*

RITM.TECH
Москва
2024

УДК 81-23
ББК 81

Редакционная коллегия:

проф. М.А. Стернина – научный редактор
доц. А.В. Рудакова – зам. научного редактора
проф. А.П. Бабушкин, доц. Н.М. Шишкина

Сопоставительные исследования 2024: сборник научных статей / Науч. ред. М.А. Стернина – Продолжающееся научное издание. Вып. 21. – Москва: издательство ООО «РИТМ», 2024. – 178 с.

Предлагаемый сборник научных трудов является двадцатым первым в серии ежегодных публикаций Воронежского государственного университета, посвященных проблемам сопоставительных исследований.

В сборнике представлены итоги работы по сопоставительной проблематике в 2023 году членов теоретико-лингвистической школы ВГУ в области общего и русского языкознания, а также материалы проведенной в рамках работы школы десятой Всероссийской научной конференции с международным участием «Стернинские чтения: Сопоставительные методы в лингвистических исследованиях. Межъязыковое и внутриязыковое сопоставление», состоявшейся 2 февраля 2024 г.

Для студентов, аспирантов, преподавателей вузов, научных работников.

Рецензенты: *проф. В.М. Топорова, д.фил.н. Е.А. Маклакова*

Компьютерная верстка, оригинал-макет – *М.А. Стернина*

ISBN 978-5-00208-092-2

© Коллектив авторов, 2024
© Издательство «РИТМ», 2024

Раздел 1. Вопросы теории сопоставительных исследований

М.А. Стернина

Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований: 20 лет развития

Аннотация: В статье описывается двадцатилетний опыт развития сопоставительно-параметрического метода лингвистических исследований, разрабатываемый Воронежской теоретико-лингвистической школой.

Ключевые слова: сопоставительно-параметрический метод, индексализация, шкалирование.

Abstract: The paper describes twenty years of the development of the comparative parametric method of linguistic research within the framework of Voronezh Theoretical Linguistic School.

Key words: comparative parametric method, indexing, scaling.

В 2024 году исполняется 20 лет с начала разработки в рамках Воронежской теоретико-лингвистической школы (Научной школы в области общего и русского языкознания профессоров З.Д. Поповой и И.А. Стернина) сопоставительно-параметрического метода лингвистических исследований.

Суть данного метода заключается в разработке и использовании формализованных параметров описания языков, концептосфер и их национальной специфики. Характеристика того или иного языкового или когнитивного явления в рамках соответствующего параметра выражается в виде определенного индекса, представленного в численной форме. Сопоставление одноименных индексов в разных языках и концептосферах дает возможность сделать вывод о наличии или отсутствии национальной специфики по данному параметру, а также о степени ее проявления.

Разработка сопоставительно-параметрического метода началась с защищенного под нашим руководством в апреле 2004 г. диссертационного исследования Н.М. Шишкиной, в котором впервые для характеристики национальной специфики были введены и использованы два представленных в виде индексов формализованных параметра: *индекс полисемантичности*, вычисляемый как отношение общего количества семем, развиваемых лексемами данной подгруппы/группы, к общему количеству лексем этой подгруппы/группы и *индекс принадлежности к исследуемой ЛСГ*, вычисляемый как отношение общего количества семем с семой данной лексической группировки, развиваемых лексемами данной подгруппы/группы, к общему количеству семем этой подгруппы/группы.

Исследование, проведенное автором на материале глаголов речевой деятельности в русском и английском языках, показало, что средний индекс полисемантичности ЛСГ глаголов речевой деятельности в

английском языке почти в полтора раза больше, чем в русском: 2,65 и 1,91 соответственно, в то время как средний индекс принадлежности к исследуемой ЛСГ в английском языке по сравнению с русским меньше: соответственно 49,8 % и 60,6%. На основании выявленных значений введенных индексов диссертанткой были сделаны выводы о национальной специфике полисемии глаголов речевой деятельности в русском и английском языках (Шишкина 2004).

В течение пяти следующих лет исследователи активно вводили и использовали для характеристики национальной специфики семантики новые индексы – к началу 2009 года в лингвистический обиход было введено в общей сложности 44 индекса для сопоставительных и контрастивных исследований. Таким образом, был накоплен значительный исследовательский материал и апробированы различные параметры сопоставления.

Осень 2008 г. ознаменовала начало второго этапа развития сопоставительно-параметрического метода – этапа, связанного с разработкой шкал для определения национальной специфики семантики на основе значений введенных индексов. Таким образом, определились две основные исследовательские процедуры сопоставительно-параметрического метода: *индексализация* параметров анализа и *шкалирование* выявленных различий в рамках этих параметров.

Работой, положившей начало второму этапу в развитии сопоставительно-параметрического метода, стала защищенная под нашим руководством кандидатская диссертация С.В. Колтаковой (Колтакова 2008), в которой были предложены две *шкалы определения степени проявления национальной специфики лексических группировок по отдельным параметрам* (для параметров, выраженных в абсолютных числах и параметров, выраженных в процентах), а также *шкала определения выраженности национальной специфики лексической группировки в целом* (см. Колтакова 2008; Стернина 2009).

На новом этапе развития сопоставительно-параметрического метода исследователи стали сравнивать отдельные лексические группировки по предложенным С.В. Колтаковой шкалам и делать выводы о характере выраженности национальной специфики лексических группировок в разных языках.

В результате применения предложенных шкал к сопоставлению разных лексических группировок выяснилась необходимость дополнить их. Так, шкала выраженности национальной специфики лексических группировок, разработанная С.В. Колтаковой (Колтакова 2008), первоначально имевшая всего две градации: если при сравнении лексических группировок в двух языках преобладают **существенные** и **заметные** расхождения в показателях сопоставляемых индексов, национальная специфика данных групп характеризуется как **ярко выраженная**, при преобладании **видимых**

и **несущественных** расхождений национальная специфика признается *неярко выраженной*, была уточнена С.И. Деркач (Деркач 2010), С.Н. Черниковой (Черникова 2013), И.Ю. Востриковой (Вострикова 2018) и в результате приобрела следующий вид:

<i>Характер преобладающих национально-специфических различий</i>	<i>Степень выраженности национальной специфики</i>
несущественные и видимые	неярко выраженная
видимые и существенные	умеренно выраженная
видимые и заметные	умеренно выраженная
несущественные и существенные	умеренно выраженная
заметные и существенные	ярко выраженная
гипер- и сверхгиперсущественные	гипервыраженная

В ходе дальнейшего развития сопоставительно-параметрического метода, помимо перечисленных выше шкал, были разработаны еще пять:

- Шкала степени проявления национальной специфики семантического развития сопоставимых лексем
- Шкала выраженности национальной специфики семантом
- Шкала ранжирования степени выраженности исследуемых параметров
- Шкала определения типов межъязыковых соответствий
- Шкала определения типов переводных соответствий

Одновременно продолжилось введение и использование новых представленных в виде индексов параметров – на данный момент их насчитывается 217.

Среди последних введенных индексов отметим введенный И.С. Карпенко *индекс стабильности семантом группы*, вычисляемый через отношение количества семантом, в которых словарная семантина совпадает с актуальной, к общему количеству исследованных семантом. Поясним, что под актуальной семантикой исследовательницей понимается семантина, которая в отличие от словарной, фиксирующей перечень всех отмеченных в словаре значений конкретной лексемы, включает только актуальные, т.е. реально используемые носителями языка на современном этапе его развития семемы, выстроенные в порядке убывания их коммуникативной релевантности, определяющей их номинативную и коммуникативную значимость для современных носителей языка (Карпенко 2022).

Упомянем также два введенных в защищенной в Минске и посвященной семантике и прагматике дейксиса в белорусском и английском языках докторской диссертации О.А. Артемовой индекса:

индекс изоморфизма, вычисляемый через отношение совокупности белорусских единиц, имеющих полные английские эквиваленты к общему количеству единиц белорусского дейктического корпуса и индекс алломорфизма, определяемый через отношение совокупности белорусских безэквивалентных дейктиков и дейктиков, имеющих англоязычные соответствия, к общему объему белорусского дейктического корпуса (Артемова 2022).

Отметим, что факт постоянного пополнения арсенала индексов сопоставительно-параметрического метода свидетельствует о востребованности последнего.

Результаты развития сопоставительно-параметрического метода показали, что он с успехом может применяться как для сопоставительных, так и для контрастивных и внутриязыковых исследований.

Используемые в рамках сопоставительно-параметрического метода формализованные параметры позволяют придать субъективным наблюдениям лингвистов объективный количественный характер, применение же соответствующих шкал позволяет дать представленным в количественном виде данным объективные качественные характеристики.

Таким образом, через систему представленных в виде индексов формализованных параметров и шкал сопоставительно-параметрический метод дает возможность лингвистам делать объективные выводы о степени выраженности того или иного языкового явления в языке или проявлении национальной специфики и давать выявленным различиям качественную характеристику.

В рамках сопоставительных исследований сопоставительно-параметрический метод может использоваться для изучения лексических группировок, изучения семантом лексем, а также сем, концептов, национальной специфики текстов перевода и оригинала.

Результатом проведенных с помощью сопоставительно-параметрического метода контрастивных исследований являются контрастивные семные словари нового типа. Такие словари предназначены, прежде всего, для переводчиков, поскольку в них, помимо полного перечня совпадающих и несовпадающих в контрастивных парах сем, на основании введенных шкал определяется и указывается тип переводного соответствия.

Использование сопоставительно-параметрического метода для внутриязыковых исследований показало его возможности для исследования как лексических, так и психолингвистических значений.

Развитие сопоставительно-параметрического метода показало также, что он может использоваться для создания семантической типологии. Попытки создать семантическую типологию в середине прошлого века не увенчались успехом, и в результате были учеными оставлены.

Сопоставительно-параметрический метод предоставляет возможность вернуться к этой идее на новом уровне и создает перспективы построения семантической типологии лексических группировок, семантом и семем.

В рамках Воронежской теоретико-лингвистической школы уже проведена большая работа по созданию семантической типологии семантом лексем русского и английского языков. С помощью сопоставительно-параметрического метода по единому алгоритму исследованы семанты 100 наиболее частотных субстантивных (Кривенко 2013), глагольных (Никитина 2013), адвербиальных (Кочетова 2017) и адъективных (Карпенко 2022) лексем русского и английского языков. Теперь стоит задача объединить эти исследования в рамках единой семантической типологии русских и английских семантом.

Таким образом, сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований дает лингвистам возможность проводить как межязыковые, так и внутриязыковые сопоставительные семантические исследования, преодолевая при этом извечный субъективизм последних, а также является инструментом построения семантической типологии.

На данный момент с использованием сопоставительно-параметрического метода защищено 2 докторские (одна – в Минске) и 31 кандидатская диссертации, опубликовано около 400 научных статей, что подтверждает его эффективность и востребованность.

Литература

1. Артемова О.А. Семантика и прагматика дейксиса в белорусском и английском языках: Автoref. дисс. ... докт. филол. наук. – Минск, 2022.
2. Вострикова И.Ю. Особенности проявления национальной специфики минигруппы «Трудовая деятельность, направленная на разрушение» в русском и английском языках // Сопоставительные исследования 2018 – Воронеж, 2018. – С.19-22.
3. Деркач С.И. Номинативная плотность тематической группы «Избирательный процесс» в русском и английском языках // Сопоставительные исследования 2010. – Воронеж, 2010. – С.46-50.
4. Карпенко И.С. Национальная специфика семантом русской и адъективной лексики: Автoref. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2022.
5. Колтакова С.В. Национальная специфика тематических групп «Труд» и «Отдых» в русском и английском языках: дис. ...канд. филол. наук – Воронеж, 2008.
6. Кочетова Н.В. Национальная специфика семантом русской и адвербиальной лексики: Автoref. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2017.
7. Никитина И.Н. Национальная специфика семантом русской и английской глагольной лексики: Автoref. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2013.
8. Стернина М.А. Параметрический метод сопоставительных исследований // Мова: научово-теоретичний часопис з мовознавства. – Одеса, 2009. – № 14. – С. 16–19.

9. Черникова С.Н. Фразеологизмы, включающие наименования *природных комплексов* в русском и английском языках // Сопоставительные исследования 2013. – Воронеж, 2013. – С. 87 – 97.
10. Шишкина Н.М. Национальная специфика полисемии глаголов речевой деятельности в русском и английском языках: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2004.

Н.Ю. Павловская

Оценка и модальность в сопоставлении и языковой реализации

Аннотация: В статье с позиций внутриязыкового сопоставления детализированы прототипические характеристики оценки и модальности. Уточнен когнитивно-дискурсивный статус собственно оценочных и модальных единиц. Актуализированы их реализация и корреляции в высказываниях.

Ключевые слова: оценка, модальность, прототип, субъективность, объективность, корреляции.

Abstract: The paper details prototypical characteristics of evaluation and modality from the point of intralingual comparison. Cognitive-discourse status of proper evaluative and modal units has been specified. Their realization and correlation in utterances have been considered.

Key words: evaluation, modality, prototype, subjectivity, objectivity, correlations.

Оценка и модальность – универсальные явления, изучаемые в различных областях гуманитаристики – в философии, логике, лингвистике, литературоведении, психологии, этике, эстетике, социологии, правоведении, журналистике – в качестве концептов, процессов, речевых актов, понятий, категорий, языковых единиц.

Междисциплинарное, широкое понимание оценки объединяет различные способы восприятия и осмыслиения мира индивидом, а также его отношение к объектам действительности.

Оценка в узком (собственно оценочном) смысле интегрирует значения разноуровневых единиц, связанные отношениями *хорошо/нейтрально/плохо*, реализованные «сенсорно–вкусовыми, психологическими, эстетическими, этическими, утилитарными, нормативными, телесологическими» смыслами (Арутюнова 1999, с.198–199).

Структурированные на разных основаниях, оценочные единицы правомерно свести к трем базовым разновидностям: физиологическая (связанная с жизнедеятельностью организмов), рациональная (гносеологическая квалификация, относящаяся к знанию, к общепринятым стандартам), эмоциональная (основанная на чувственных, душевных переживаниях). В зарубежном и отечественном языкоznании для номинации оценочных квалификаций используется термин *modus* – способность индивидуума осуществлять интеллектуальную и

эмоциональную обработку текста или того, что за ним стоит. Человек осознанно или подсознательно отграничивает субъективный момент от информативного, нейтрально-фактического, что закономерно коррелирует с дилеммой высказывания *модус – диктум*, предложенной Ш. Балли (Балли 1955, с.57). Любому значению, дополняющему понятийное и грамматическое содержание языковой единицы, соответствует также понятие *коннотация*.

Структура оценки традиционно включает субъект (говорящий) – эксплицитно или имплицитно представленный индивид или социум, оценивающий предмет, ситуацию и т. д.; объект – фрагмент реального/ирреального мира, который оценивается; основание (мотивация, отправная точка) и характер оценки – оценочная пропозиция (чаще предикат), выражаяющая суть оценки.

Модальность, как результат рациональной обработки информации, выступает одной из составляющих оценки в широком ее понимании и взаимодействует с компонентами высказывания, имеющими семантику *хорошо/нейтрально/плохо*. Модальный тип субъективной обработки информации соотносит высказывание и действительность в соответствии с полнотой знаний и степенью удовлетворения потребностей, желаний, стремлений, интересов, целей говорящего. Все отраженные в высказывании или в дискурсе события репрезентируются модально осмысленными. Модальность, согласно положениям когнитивно-дискурсивной парадигмы, полевой организации языковых явлений, правомерно ранжировать как особую суперструктуру со специфическими макрополями, полями, макропропозициями. Суперструктура модальности репрезентируется макрополем вероятности (с полями проблематической, простой, категорической достоверности, возможности) и макрополем волеизъявления (с полями оптативности, императивности, необходимости). Номинации и организация макрополей вероятности и волеизъявления согласуются с центральными положениями современной квантовой теории: составной частью системы должен быть наблюдатель; все утверждения действительны с разной степенью вероятности; любой процесс – это превращение начального состояния в конечное; каждому полю соответствуют частицы, каждой частице соответствуют поле, причем частицы могут иметь внутренние степени свободы (Иванов 2012, с.2, с.29, с.195, с.288).

Модальность задается стратегиями а) информирования о событиях, явлениях в соответствии с полнотой знаний говорящего о них; б) адресованного/неадресованного воздействия говорящего на получателя информации с целью изменения ситуации.

Реализуясь в языковых единицах любого уровня, оценочные и модальные значения могут выступать как семантическая составляющая слова, находиться в центре построения высказывания или целостного

дискурса, представляя его доминанту. Они могут фокусироваться как в номинациях, так и в предикациях, выступая пропозициональным, т.е. выводным компонентом.

Прототипическими характеристиками оценки и модальности выступают следующие.

Антропоцентричность, заданная физическими и психологическими параметрами человека, его ментальными предпочтениями и являющаяся составной частью познавательного процесса индивида. Оценка и модальность выполняют координирующую функцию между человеком и миром.

Релятивность значения, трактуемая Н.Д. Арутюновой как устанавливаемое человеком «соответствие между миром и его идеализированной моделью» (Арутюнова 1999, с.182), что согласуется с психологической операцией говорящей личности (модусом) над дескриптивной, базисной частью высказывания (диктумом). Диктум является, отражением определенных событий предметной ситуации, имеющей место в действительном или ином мире. Модус свидетельствует об интеллектуальной или эмоциональной квалификации диктумной информации, зависящей от вкусов, пристрастий, мировоззренческих позиций субъекта.

Семантический синкретизм, который объединяет отношения субъективного порядка и информацию об объективных свойствах предметов и событий как знаний индивида о мире. В семантике оценки и модальности наблюдаются взаимодействие, неразрывная связь субъективного (оценочного) и объективного (дескриптивного, предметно-логического) факторов, представляющих диалектическое единство (Н.Д. Арутюнова, Е.М. Вольф, Т.В. Маркелова, И.А. Стернин, В.И. Шаховский). Релятивный компонент – субъективная составляющая оценки, дескриптивно-денотативный – ее объективная (понятийная) часть. Даже в дефинициях *хорошо, плохо, вкусно, противно, необходимо, можно* и им подобных присутствует их объективное содержание – глубинная логическая структура, определенный стандарт, соответствующий данным понятиям. Так, семантика лексемы *хорошо* представлена следующим образом: наречие к *хороший* ‘обладающий положительными качествами, свойствами, вполне отвечающий своему назначению (СРЯ, т.4, с.620)’. Данное значение и есть прототип лексемы *хорошо*. Он зависит от выработанных человечеством стереотипов, норм, встроен в семантическую структуру различных оценочных средств и в коммуникации большей частью проявляется имплицитно. Оценочные и модальные единицы, таким образом, неотделимо включают две позиции: номинацию отношения говорящего и его мнение, суждение о качестве этого отношения. Говорящий как бы «присваивает» себе объективные знания о мире и в то же время явно или латентно, выражает свою оценку.

Прагматичность, предполагающая обязательное наличие говорящего и слушающего (в том числе и при обращении говорящего к самому себе), учет иных экстралингвистических факторов. В оценочных и модальных средствах «семантический и прагматический аспекты неразделимы» (Вольф 1985, с.203). Не противопоставляясь друг другу, они отражают взаимодействие, взаимовлияние, нередко слияние в процессе коммуникации.

Интерпретирующий характер оценочных и модальных категорий, реализованный переменной величиной, зависимой от свойств объекта и изменяемой по мере его преобразования. В различных высказываниях в соответствии с коммуникативными задачами на первом плане оказываются то оценочный или модальный компонент при частичной убыли дескриптивного смысла, то денотативный «объективный».

Оценочным средствам присущи градуирование и шкалирование: реализуя семантические отношения *хорошо/нейтрально/плохо*, собственно оценочные единицы соотносятся с понятием *нормы* как стандарта, точки отсчета, соединяющей разнообразные параметрические значения. Градационные отношения присутствуют и в модальных экспликаторах, например, с семантикой достоверности: *проблематическая / простая / категорическая достоверность*.

Разнообразна дискурсивная палитра оценочных и модальных средств. В высказываниях они могут иметь обязательный «денотативный» статус, когда выступают в качестве полноценного предиката, и логико-предметные отношения равны оценочному или модальному: *Хорошо это или плохо, каждый решает сам, но разнообразие интересных предложений для активных клиентов может снизиться*¹. Для проводимого анализа *необходимо, чтобы представляющие интерес параметры изменились по шкале, не зависящей от времени*.

Собственно оценочный и модальный компоненты могут реализоваться в качестве коннотативных по отношению к логико-предметному значению слова и находиться за его пределами: *Маг слишком хорошо умел владеть собой, чтобы я успела это понять. Для начала необходимо провести анализ кадровой ситуации в регионе*.

Оценочное и модальное значения могут быть совмещены (кумулированы) в одной единице: *А еще он может использовать информацию бортового компьютера* – в предикате заключены семантика возможности и положительная оценка действий субъекта.

Собственно оценочный и модальный компоненты могут присутствовать имплицитно. Так, высказывание *Лето по температуре будет умеренно теплое, а по осадкам немножко засушливое* содержит имплицитные положительную оценочность и модальность простой достоверности.

¹ Здесь и далее примеры почерпнуты из Национального корпуса русского языка.

Собственно оценочные и модальные средства способны вступать в разнообразные соотношения и взаимодействия, обусловленные намерениями говорящего, коммуникативными условиями, прагматической ситуацией, контекстом:

- паритетности: *Такой способ вам должен быть хорошо известен;*
- субординации: *Все эти некрупные детали были столь примечательны, что заметить их можно было с любого конца зала...;*
- координации: *Делать такой салат лучше как минимум за шесть часов до Нового года – он должен обязательно настояться в холодильнике;*
- контрастности: *Все в общем хорошо, но необходимо все как бы приподнять, сделать сильнее;*
- взаимопроникновения: *Давайте забудем об этой истории.* Императивная модальность виртуально содержит положительное собственно оценочное значение.

Модальные и собственно оценочные единицы, таким образом, могут пересекаться, дополняя друг друга, их значения могут совмещаться в одном экспликаторе, создавая единый «аккорд» (терминология В.Г. Адмони) и формируя единую тональность высказывания. Они могут сопоставляться и противопоставляться, связываясь линиями тождеств и контрастов, обнаруживая доминирование или переход на вторые роли того или иного средства. В этом смысле одна из категорий играет роль смысловой доминанты, на фоне которой реализуются возможности иных языковых явлений.

В завершение следует подчеркнуть неоспоримый вклад в развитие теории и практики сопоставительных и контрастивных исследований выдающихся ученых З.Д. Поповой и И.А. Стернина – основателей Воронежской школы, одной из ведущих на просторах России и СНГ. Как подчеркивают И.А. Стернин и М.А. Стернин, для сопоставительных и контрастивных работ важно изучение и межъязыковых, и внутриязыковых процессов, «различий системных и несистемных значений и употреблений» (Стернина, Стернин 2021, с.193), особенностей и закономерностей структурно-семантического строения и разноаспектного функционирования языков.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: «Языки русской культуры», 1999.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: изд-во Иностранной литературы, 1955.
3. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. – М.: Наука, 1985.
4. Иванов М.Г. Как понимать квантовую механику. – М.–Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2012.
5. Национальный корпус русского языка: режим доступа <http://ruscorpora.ru/search-main.html>.
6. СРЯ – Словарь русского языка в 4 т.– М.: «Русский язык», 1985-1988.

7. Стернина М.А. Стернин И.А. Сопоставление как лингвистическая методология.
– Воронеж: «РИТМ», 2021.

К.М. Шилихина

Корпусные данные во внутриязыковых и межъязыковых сопоставительных исследованиях

Аннотация: Статья посвящена описанию возможностей внутриязыкового и межъязыкового сопоставления с помощью корпусов.

Ключевые слова: вариативность, узус, норма, корпус, перевод.

Abstract: The paper presents a brief overview of several possibilities of intra-linguistic and cross-linguistic comparison using corpora.

Key words: variation, usage, language norm, language corpus, translation.

Отношение лингвистов к вариативности в языке менялось с течением времени: от полного ее отрицания в пользу системности языка до принятия как данности, как постоянной характеристики не только узуса, но и языковой системы. Вариативность стала очевидна с появлением языковых корпусов: корпусные данные показывают, что вариативность может наблюдаться на любом уровне языка (Плунгян 2008). Национальный корпус русского языка, имеющий в своем составе несколько подкорпусов, позволяет получить информацию о вариативности различного рода, например, об орфографической вариативности, о вариативности лексической сочетаемости или о вариативности в переводе, которая не фиксируется двуязычными словарями. В данной статье мы кратко опишем возможные варианты использования корпусных данных для внутриязыкового и межъязыкового сопоставления.

1. Корпусный анализ орфографической вариативности

Исследование орфографической вариативности проиллюстрируем на примере заимствований, вошедших в русский язык за последние 30 лет. Отметим, что заимствованиям уделяется много внимания с точки зрения их адаптации в русском языке. Однако наименее изученным аспектом является их нормализация с точки зрения орфографии (Нечаева 2011). Поскольку зачастую орфографическая адаптация заимствований – это длительный процесс, в силу различий фонетических систем языка-источника и принимающего языка и существующих орфографических традиций у многих заимствований существует несколько вариантов написания, в разной степени соответствующих современным орфографическим нормам. Орфографическая вариативность проявляется наиболее ярко при сопоставлении данных трех подкорпусов НКРЯ: основного, газетного и подкорпуса «Социальные сети». Приведем несколько примеров.

Один из распространенных источников вариативности – написание букв *e/u*, которое объясняется двумя путями заимствования: устным либо

письменным. Например, слово *ремейк* также имеет вариант *римейк*, однако по данным основного подкорпуса НКРЯ, вариант *римейк* был более популярен в 2000-х годах, когда слово только вошло в русский язык, а частота употребления варианта *ремейк* стала расти примерно с 2015 года. Та же картина наблюдается и в двух других подкорпусах: частотность варианта написания *римейк* постепенно снижается, при этом количество контекстов с вариантом *ремейк* увеличивается. Таким образом, корпусные данные позволяют проследить, как один вариант написания постепенно вытесняется другим.

Другой пример – вариативность, связанная с написанием графем *e* или *э*. У слова *хештег* (это рекомендованный вариант) существует 4 варианта написания. В таблице 1 представлены данные о количестве контекстов с разными вариантами написания в трех подкорпусах НКРЯ.

Таблица 1. Варианты написания слова *хештег* по данным НКРЯ

Вариант	Газетный	Основной	Социальные сети
Хэштэг	46	12	203
Хэштег	985	9	1300
Хештег	3716	3	786
Хештэг	58	0	79

Данные таблицы явным образом демонстрируют не только вариативность, но и существенное расхождение практики с нормой: вариант написания *хэштег* «обгоняет» рекомендованный вариант в подкорпусе «Социальные сети» и достаточно часто встречается в газетном подкорпусе. Два других орфографических варианта также фиксируются корпусом, хотя их частотность существенно ниже.

Еще один пример орфографической вариативности – написание одной или двух согласных. Таблица 2 иллюстрирует количество вхождений для каждого варианта написания в газетном подкорпусе и в подкорпусе «Социальные сети». Для данного случая основной подкорпус не использовался, поскольку в нем не было обнаружено достаточного количества примеров.

Таблица 2. Вариативность в написании одной или двух согласных по данным НКРЯ

Слово	Газетный подкорпус		Социальные сети	
	1 согл.	2 согл.	1 согл.	2 согл.
ак(к)аунт	19	20068	142	7373
бан(н)ер	114	6368	168	1520
капуч(ч)ин о	223	112	459	29
оф(ф)лайн	1650	247	392	660
траф(ф)ик	11116	315	1977	206

Данные двух подкорпусов показывают противоречивые тенденции в написании заимствований с одной или с двумя согласными. Варианты

написания слова с удвоенной согласной более часты в тех случаях, когда заимствование опирается на графический облик слова в языке-источнике. Кроме того, вариативность связана и с модусом коммуникации: в социальных сетях, где орфография не подвергается строгому контролю, чаще используются варианты с двумя согласными, в газетных текстах, где норма соблюдается строже – с одной.

2. *Портреты слов в сопоставительных исследованиях*

В 2023 году в НКРЯ появилась возможность использовать «портрет слова» – набор сводных данных о функционировании слова. Теперь пользователь может получить информацию не только о частотности употребления слова, но и о его морфологической структуре, наиболее частых коллокатах, а также о словах, имеющих общие с данным словом семантические или сочетаемостные характеристики. Обращение к портрету слова полезно в тех случаях, когда мы имеем дело с синонимами или со словами, значения которых бывает трудно разграничить. Примером такого случая являются слова *юмор*, *ирония* и *сарказм*. Исследователи верbalного юмора часто отмечают трудность разграничения понятий, стоящих за этими словами, поэтому полезно посмотреть, как носители языка употребляют эти слова и какие семантические компоненты позволяют носителям языка разграничивать в наивной картине мира стоящие за ними понятия.

В таблице 4 представлены прилагательные, которые в сочетании с интересующими нас существительными имеют наиболее высокий индекс взаимной информации (Шилихина, Стародубцева 2023), показывающий вероятность появления слов рядом друг с другом:

Таблица 4. Сочетаемость лексем *юмор*, *ирония* и *сарказм*

Юмор	Ирония	Сарказм
<i>Добродушный</i>	<i>Горькая</i>	<i>Мефистофельский</i>
<i>Искрометный</i>	<i>Нескрываемая</i>	<i>Едкий</i>
<i>Неподдельный</i>	<i>Едкая</i>	<i>Убийственный</i>
<i>Неподражаемый</i>	<i>Добродушная</i>	<i>Язвительный</i>
<i>Свойственный</i>	<i>Злая</i>	<i>Нескрываемый</i>
<i>Грубоватый</i>	<i>Злобная</i>	<i>Ядовитый</i>
<i>Присущий</i>	<i>Скрытая</i>	<i>Желчный</i>
<i>Гоголевский</i>	<i>Снисходительная</i>	<i>Меткий</i>
<i>Непередаваемый</i>	<i>Убийственная</i>	<i>Беспощадный</i>
<i>Малороссийский</i>	<i>Грустная</i>	<i>Свойственный</i>

Что касается глаголов, при которых интересующие нас лексемы употребляются как прямые дополнения, то для слова *юмор* наиболее устойчивые связи демонстрируют глаголы *оценить*, *ценить*, *унаследовать*, *уловить*, *понимать*, *демонстрировать*, *обладать*, *воспринимать*, *терять*, *понять*. Для слова *ирония* это другой список глаголов: *уловить*, *подпустить*, *улавливать*, *позволить*, *вкладывать*, *усмотреть*, *скрывать*,

замечать, оценить, заметить. Наконец, для слова *сарказм* глаголами-коллокатами с наиболее высоким индексом взаимной информации являются *уловить, вложить, скрывать, понять, понимать, заметить, вызывать*.

Анализ коллокатов позволяет говорить о том, что для носителей языка юмор характеризуется как нечто, не несущее злобы и требующее умения понять и по достоинству оценить. Общая характеристика иронии и сарказма – едкость, говорящие могут их скрывать или наоборот, делать явными, а адресаты должны их замечать (улавливать).

Еще одна важная часть портрета слова в НКРЯ – это облако семантически близких слов, в которое включаются ближайшие семантические ассоциаты слов. На рис. 1-3 представлены облака для слов *юмор*, *ирония*, *сарказм*, которые демонстрируют существенные различия в ассоциативных связях этих лексем:

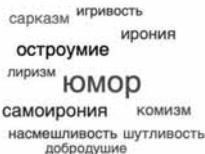

Рис.1 Облако слов для лексемы *юмор*

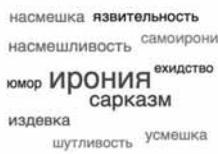

Рис.2 Облако слов для лексемы *ирония*

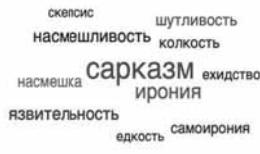

Рис.3 Облако слов для лексемы *сарказм*

Облака слов показывают, что для носителей русского языка лексемы *юмор*, *ирония* и *сарказм* имеют разные ассоциации: юмор ассоциируется с шуткой и игрой, но при этом также и с иронией, и с сарказмом. Ирония и сарказм имеют тесную взаимосвязь между собой, также они связаны с язвительностью и насмешливостью, однако слово *юмор* в их облаках отсутствует.

3. *Межъязыковые сопоставления с использованием параллельного подкорпуса НКРЯ*

В рамках данной статьи мы проиллюстрируем возможности использования параллельного подкорпуса для межъязыкового сопоставления лексики на примере глаголов с семантикой юмора. Подробный анализ этих глаголов был представлен в статье (Шилихина 2020), однако в данной работе мы возвращаемся к этой теме, чтобы еще раз обратить внимание на вариативность переводческих решений при переводе русских текстов на английский язык. Первый пример показывает, что при выборе переводного эквивалента переводчица сосредоточилась на акустическом компоненте смехового действия – семантика глагола *chuckle* включает в себя сему «тихо»:

*Утром я прихожу на пасеку, а Толя уже сидит возле улья с маленьким зеркальцем, заглядывает одним глазом в верхний леток и **потихоньку смеется**.*

*I came to the hive in the morning to find Tolya sitting with his mirror peering into the upper opening and **chuckling to himself**. (Н. Носов. Дневник Коли Синицына (1950) | N. Nosov. Kolya Sinitzin's diary (пер. R. Prokofieva, 1954))*

В втором примере выбран вариант перевода с более общим значением, в котором смеховой компонент никак не отражается в словарях (например, в словаре Collins English Dictionary глагол *to divert* в одном из своих значений толкуется как *to amuse, entertain*:

*Но больше всего **смеялась** Дарья Михайловна, когда Пигасов пустился рассуждать о любви и уверять, что и о нем вздыхали, что одна пылкая немка называла его даже “аппетитным Африканчиком и хрипунчиком”.*

*But what most **diverted** Darya Mihailovna was when Pegasov set off on a dissertation upon love, and maintained that even he had been sighed for, that one ardent German lady had even given him the nickname of “her dainty little African” and “her hoarse little crow”. (И.С. Тургенев. Рудин (1855) | Ivan Turgenev. Rudin (пер. С. Garnett, 1894))*

Выбор глагола с более общей семантикой повлек за собой значительную синтаксическую перестройку высказывания, в результате которой в фокусе внимания оказалась не героиня и способ выражения ее эмоций, а вербальные действия ее собеседника. Смеховой компонент при переводе оказался утраченным – английский текст ничего не сообщает читателю о том, как героиня проявляла свои эмоции и отношение к собеседнику.

Подведем некоторые итоги. Представленный в статье краткий обзор показывает, что языковой корпус может использоваться для внутриязыкового и межъязыкового сопоставления с самыми разными целями. В частности, корпус может помочь в анализе орфографической вариативности и показать зоны противоречия как внутри узуса, так и между узусом и нормой.

Анализ портретов слов позволяет сопоставлять их синтагматические и ассоциативные связи с целью дальнейшего выделения тех семантических компонентов, которые для носителей языка оказываются наиболее важными в структуре понятий, существующих в наивной картине мира.

В межъязыковых сопоставлениях параллельный корпус демонстрирует более широкий спектр переводческих решений по сравнению с двуязычными словарями и позволяет оценивать уровень переводческого мастерства, творческую составляющую и качество перевода.

Литература

1. Плунгян В.А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. – 2008. – № 2 (16). – С. 7-20.

2. Нечаева И.В. Актуальные проблемы орфографии иноязычных заимствований. – Москва: Издательский центр «Азбуковник», 2011.
3. Шилихина К.М. Глаголы с семантикой смеха по данным параллельного корпуса // Вестник Московского университета. – Серия 9. Филология. – 2020. – № 2. – С. 54-63.
4. Шилихина К.М., Стародубцева Ю.А. Технологии корпусной лингвистики. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2023.

Е.П. Козянина

Лексическая типология славянских языков в современных лингвистических исследованиях

Аннотация. Статья посвящена лексической типологии славянских языков и анализу типологических исследований лексики.

Ключевые слова: лексика, типология, славянские языки, лексикология славянских языков, сопоставительные исследования.

Abstract. The paper is devoted to the lexical typology of Slavic languages and the analysis of typological studies of vocabulary.

Key words: vocabulary, typology, Slavic languages, lexicology of Slavic languages, comparative studies.

В современной лингвистике особый интерес представляют исследования в области сопоставительной лексикологии. Лексика, являясь частью языковой системы, способна дать представление об окружающей действительности и об особенностях национального сознания, в том числе и языкового. Сопоставительная лексикология ставит своей задачей выделение типологических признаков или параметров в лексиконе конкретного языка. «Специфика сравнительной лексикологии славянских языков коренится в их феноменальной близости, в частности их словарного состава. Эта близость в определенной степени облегчает задачи исследователя, но в не меньшей степени и затрудняет их решение» (Цейтлин 1996, с. 1).

Истории сопоставительных исследований славянских языков посвящены работы И.А. Меркуловой, в которых рассматриваются проблемы сопоставительного изучения лексики славянских языков. Автор анализирует подходы к решению данной проблемы на протяжении истории развития сопоставительных описаний славянской лексики, начиная с этапа определения этимологии и составления сравнительных словарей. В статьях рассмотрены подходы к сопоставительному описанию, предложенные в работах Н.И. Толстого, А.В. Исаченко, А.Е. Супруна, Н.Б. Мечковской, Е.В. Рахилиной, Р.М. Цейтлин, П. Легурской. Проблемы сопоставительного исследования славянской лексики изучены в аспекте выделения единиц измерения, принципов и критериев сравнения языков, а также разработки методов их анализа.

В качестве одного из подходов И.А. Меркулова предлагает метод параметрического анализа лексики. «Параметрический анализ лексики позволяет видеть типологический потенциал уже в доминанте (самом системно «весомом» слове) словаря. Доминанта словаря – слово, набравшее максимальный параметрический вес (по сумме четырех параметров)» (Меркулова 2014, с. 104).

В статье И.К. Манучарян рассматриваются сходства и различия определенных слоев лексики, имеющей праславянское происхождение. «Современные славянские языки достаточно близки по своему словарному составу, так как их древнейший словарный фонд в значительном объеме сохранился: от эпохи праславянской языковой общности в каждом из современных славянских языков функционируют древние лексические единицы» (Манучарян 2015, с.93).

В отдельных славянских языках наблюдается много общих слов из самых разных лексико-семантических разрядов. Автор работы анализирует следующие разряды лексики: родственная терминология, соматическая лексика, названия предметов и явлений природы, сельскохозяйственных культур, домашних и диких животных, хозяйственных занятий и др.

Сравнительный анализ слов из разных лексико-семантических групп современных славянских языков дает возможность увидеть общность многих лексических единиц, история которых восходит к праславянскому, а в ряде случаев и к более раннему, индоевропейскому периоду. При этом внимание обращается на общность в большинстве случаев и значения, и формы выражения лексических единиц.

В статье Н.В. Пятаевой рассматривается диахроническое описание генетически близкой лексики восточнославянских языков с учетом ее происхождения и семантики в контексте актуальных проблем исторической дериватологии, лексикологии и лексикографии славянских языков. Автор обозначил в качестве основной комплексной единицы лексико-семантической системы языка лексическое гнездо и его варианты: словообразовательное гнездо – на определенных синхронных срезах в истории каждого языка, корневое и этимологическое гнезда – в истории развития родственных языков. Автором вводится понятие лексико-семантической парадигмы – системообразующей единицы, включающей этимологические гнезда, связанные глубинной семантикой, которая лежит в основе внутренней формы корнесловов, являющихся вершинами гнезд и получивших развитие в истории восточнославянских языков. «Одним из путей решения проблемы создания полного и систематического очерка общевосточнославянской и, шире, славянской исторической лексикологии может стать рассмотрение динамики развития целого комплекса лексических гнезд на всем протяжении их существования в составе лексико-семантической парадигмы» (Пятаева 2017, с. 94).

Г.В. Судаков в работе выявляет разные типы лексико-семантических групп, анализируя их в аспекте диахронной лингвистики и сопоставляя эти группы в разных сферах употребления языка: литературно-письменной и диалектно-разговорной. Материалом исследования выступает предметно-бытовая лексика.

Автор проводил исследования с учетом определенных критериев (соотношение родовых и видовых слов каждой группы, типы полисемии, число мотивированных и немотивированных слов, степень синонимичности и антонимичности, степень контекстуальной закрепленности значений для отдельных слов группы и др.), определяя сходства и различия лексических групп и таким образом составив типологию. Как отмечает ученый, «в результате может быть создана типология лексических групп русского языка, установлена степень их изменчивости, определены факторы и причины этой изменчивости» (Судаков 2019, с. 70).

В работе А.В. Ирковой предлагается классификация славянских языков с учетом синхронных, функциональных и лексических оснований. Автор предлагает синхронно-функциональный подход к типологии славянских языков на материале цветовых прилагательных и их обратных машинных переводов. Основной метод определяется как транслятивный, то есть рассмотрение лексики и ее зафиксированных вариантов перевода с помощью компьютерной программы на десять славянских языков. В качестве материала автор выбрал двенадцать цветовых прилагательных: «Алый»; «Бурый»; «Голубой»; «Лиловый»; «Малиновый»; «Рябый»; «Пестрый»; «Серый»; «Сивый»; «Сизый»; «Сиреневый»; «Фиолетовый».

В результате исследования автор делает следующие выводы: синхронно-функциональная типология на лексическом уровне раскрывается в следующем соотношении: языки западнославянской группы (к примеру, чешский – 7 совпадений, 58%); восточнославянской группы (например, украинский язык – 10 совпадений, 83%); южнославянской группы (например, сербский – 4 совпадения, 33%; хорватский – 2 совпадения, 17%) (Иркова 2022).

Как видно из приведенного обзора, подходы и методы в области сопоставительных лексикологических исследований славянских языков менялись на протяжении всей истории сопоставительной лингвистики и продолжают предлагаться современными исследователями. Лексическая типология – относительно новое и активно развивающееся направление типологических исследований. Единого набора параметров, методов и критериев типологического описания лексики языка до настоящего момента в лингвистике не установлено, что и определяет необходимость дальнейшего развития типологического описания лексического состава славянских языков.

Литература

1. Иркова А.В. К вопросу о построении транслятивной типологии славянских языков // Вестник Кемеровского государственного университета. Сер: гуманитарные и общественные науки. – 2022.
2. Манучарян И.К. Лексическая типология славянских языков // Вестник РУДН. Сер. Теория языка. Семиотика. – 2015. – № 1. – С. 93-104.
3. Меркулова И. А. Проблемы сопоставительного изучения лексики славянских языков // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. – № 1. – С. 99-106.
4. Пятаева Н.В. Диахроническое исследование лексики восточнославянских языков: к проблеме выделения и квалификации лексико-семантических парадигм // Вестник ВолГУ. Сер. 2. Языкоzнание. – 2017. – № 1. – С. 89-96.
5. Судаков Г.В. История лексических групп в славянских языках: перспективы сравнительно-сопоставительных исследований // Верхневолжский филологический вестник. – 2019. – №1. – С. 67-71.
6. Цейтлин Р. М. Сравнительная лексикология славянских языков X/XI–XIV–XV вв. Проблемы и методы. – М.: Наука, 1996.

Л.В. Лукина

Методика контрастивного анализа национальной семантики слова

Аннотация: В статье на материале русских и английских лексем, обозначающих наименования речевых событий, представлен механизм контрастивного анализа семантики слова.

Ключевые слова: контрастивный метод, семантика слова, семное описание, соответствия, наименование речевых событий.

Abstract: The paper presents a mechanism for contrastive analysis of the semantics of a word based on the material of Russian and English lexemes denoting the names of speech events.

Key words: contrastive method, word semantics, seme description, correspondences, names of speech events.

Сопоставительное изучение языков вызывает неослабевающий интерес лингвистов на протяжении уже нескольких веков, так как сопоставление языковых единиц способствует пониманию национальной специфики их семантики. Однако национальная специфика семантики слова по-прежнему представляет собой значительную проблему, с которой постоянно сталкиваются как переводчики в процессе работы, так и преподаватели, обучающие иностранному языку.

Анализ национальной специфики семантики слова предполагает выявление межъязыковых соответствий и компонентный анализ их значений. Контрастивный анализ лексем сопоставляемых языков дает возможность кратчайшим путем выявить национальную специфику слова, а также обнаружить лакуны в одном из сравниваемых языков. В каждом языке, как и в любой другой области, общее сочетается с частным. При обучении и переводе общее в языках не вызывает трудностей, а особое

является сложным. По мнению Д. Болинджера, контрастивные исследования помогают проникнуть в суть языковых процессов и понять законы, управляющие этими процессами (Цит. по: Стернин 2007, с. 12). Как отмечает И.А. Стернин, главное при контрастивном исследовании – выявление различий, сходства выявляются «автоматически» (Стернин 2007). Действительно, если при семном описании контрастивной пары выявлены национально-специфические семы, остальные семы – те, которые не характеризуются национально-специфическими различиями, будут эквивалентны.

Контрастивная лингвистика способна доказательно показать как близкое, сходное, так и различное в разных языках. В ряде научных работ последних лет в рамках Воронежской теоретико-лингвистической школы предложена и апробирована система формализованных параметров для сопоставительных и контрастивных исследований, позволяющих сравнивать языковые подсистемы разных языков. Заслуга в разработке и обосновании сопоставительно-параметрического метода принадлежит, прежде всего, профессорам И.А. Стернину и М.А. Стерниной. В их работах, а также работах их учеников заложены теоретические основы сопоставительно-параметрических исследований (Стернина 2014). Данный метод позволяет использовать формализованные параметры для сравнения и описания языков и выявления их национальной специфики. В качестве материала для контрастивного анализа семантики слова предлагается брать какую-либо лексико-семантическую группу целиком, чтобы иметь полный набор единиц для семантического описания при контрастивном анализе. Исходным языком удобнее выбирать родной язык исследователя, так как в родном языке точнее и легче выделять стилистические семы, эмоциональные и оценочные коннотативные семы, сферу употребления в языке.

В ходе анализа русско-английских пар может быть применен следующий механизм контрастивного описания лексической единицы, включающий следующие шесть основных этапов (шагов). Данный алгоритм контрастивного исследования позволяет осуществить полный семантический анализ и получить достоверные данные.

Шаг 1. Из однозычных толковых словарей методом сплошной выборки выписываются слова, относящиеся к исследуемой лексической группе, и составляется основной список. Для каждой семемы, принадлежащей к исследуемой группе, устанавливаются словарные соответствия в английском языке на основе использования русско-английских переводных словарей и английских толковых словарей.

Шаг 2. Проводится семный анализ русских и английских сопоставляемых семем по трем категориям сем: денотативные, коннотативные и функциональные.

Шаг 3. Для каждой из контрастивных пар в целях достижения большей объективности описания высчитываются введенные нами индексы денотативной, коннотативной и функциональной идентичности.

Расчет данных индексов производится следующим образом – в случае полного совпадения семы в обоих языках ей присваивается значение единицы, при отсутствии совпадения – нуля, в случае же частичного совпадения семы – 0,5.

Шаг 4. На основе анализа вышеприведенных индексов делается заключение о наиболее подходящем английском соответствии исходной семеме русского языка.

Шаг 5. На основе введенного нами интегрального индекса идентичности лексем определяются полные, ближайшие, близкие и дальние соответствия русских лексем в английском языке, а также безэквивалентные единицы.

Шаг 6. Определяются *единственные соответствия* (наличие только одного переводного соответствия) и *оптимальные соответствия* (когда при наличии нескольких векторных соответствий один из вариантов оказывается наиболее близким по денотативным, коннотативным и функциональным семам).

Таким образом, контрастивная методика анализа лексики представляет собой логическую последовательность действий, каждое из которых отражает отдельный этап в исследовании.

На основе приведенного выше варианта контрастивной методики нами были описаны наименования речевых событий в русском и английском языках (Лукина 2008). В результате проведенного исследования был создан контрастивный семный русско-английский словарь наименований речевых событий (Лукина, Стернина 2019), а также выявлены не зафиксированные в словарях единицы данной лексической группы. К подобным единицам, представляющим собой заимствования из английского языка, относятся: *презентация, видеоконференция, ток-шоу, эсэмэска, имэйл, экзит-пол, баннер, билборд* и др. Общее количество таких лексических единиц по отношению к общему количеству контрастивных пар в изученной группировке составляет 3%. Наибольшее число новых лексем выявлено в подгруппе наименований письменных речевых событий «Сообщение информации», что очевидно, связано с бурным развитием информационных систем и рекламного бизнеса.

В качестве примера рассмотрим лексему *эсэмэска*:

ЭСЭМЭСКА - SMS

• сообщение	• сообщение
• письменное	• письменное
• краткое	• краткое
• по мобильному телефону	• по мобильному телефону
• передаваемое службой коротких сообщений	• передаваемое службой коротких сообщений
• с целью информирования	• с целью информирования

- НЕОЦЕНОЧНОЕ
- НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ
- *разговорное*
- *общенародное*
- *современное*
- *общераспространенное*
- *высокоупотребительное*
- НЕОЦЕНОЧНОЕ
- НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ
- *межстилевое*
- *общенародное*
- *современное*
- *общераспространенное*
- *употребительное*

Данная лексема демонстрирует национальную специфику только на уровне функциональных сем, а по денотативным и коннотативным семам данная пара оказалась полностью идентична.

В заключение отметим, что контрастивный анализ является важным инструментом выявления национальной специфики семантики. Использование же для его проведения инструментария сопоставительно-параметрического метода делают полученные с его помощью выводы более обоснованными.

Литература

1. Лукина Л.В. Национальная специфика семантики слова и проблема межъязыковой семантической эквивалентности (на материале наименований речевых событий в русском и английском языках): дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2008.
2. Лукина Л.В., Стернина М.А. Контрастивный семный словарь наименований речевых событий в русском и английском языках. – Воронеж: Изд-во «Ритм», 2019.
3. Стернин И.А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования – М: АСТ: Восток-Запад, 2007.
4. Стернина М.А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2014.

Раздел 2. Сопоставительная семасиология

А. П. Бабушкин

Метафорическая энтомосемизация человека в русском и английском языках (сопоставительный аспект)

Аннотация: Статья рассматривает процесс энтомосемизации, заключающийся в переносе свойств насекомых на человека. Соответствующие русские и английские метафоры и идиомы сопоставляются с целью выявления сходств и различий между ними.

Ключевые слова: Энтомосемизация, насекомые, метафора, идиома, русский язык, английский язык, сопоставление.

Abstract: The paper considers the process of entomosemization which consists in transferring the properties of insects to humans. The corresponding Russian and English metaphors and idioms are compared to identify similarities and differences between them.

Key words: Antomosemization, insect, metaphor, idiom, Russian, English, comparison.

Если **антропоморфизация** заключается в перенесении человеческих свойств и качеств на явления природы, животных и предметы (подчеркнём слово «животных»), то **энтомосемизация** (от греческого слова «энтомон» (насекомое)) означает обратный процесс – перенос признаков, присущих насекомым (мелким ползающим или летающим членистоногим животным), на людей для образного (фигурального) именования последних.

Начнем с того, что мир людей и царство насекомых – сопряженные сферы бытия. Человек извечно делит с насекомыми свое жизненное пространство в виде окружающей его природной среды и собственного жилья. С одной стороны, ближайшие соседи людей оказываются чрезвычайно полезными: насекомые улучшают качества почвы – одного из основных источников жизни на Земле, опыляют растения, спасают флору от чрезмерного размножения вредителей. С другой, посягая на неприкосновенность человеческого тела, насекомые являются переносчиками опасных заболеваний и источником смертоносных эпидемий. Не случайно данное понятие, появившись в словарях русского языка в первой половине XVIII века, существовало лишь в форме отглагольного прилагательного (от лат. *inseco* – «рассекаю») в сочетании со словом «гадина» – насекомая гадина.

В сознании носителей языка номинации энтомонов в зависимости от приносимых ими пользы или вреда оказываются аксиологически маркированными.

В этом явлении ученые усматривают особенности гносеологических процессов. «В семантике языковых единиц, – пишет В. П. Жуков, – результаты познавательной деятельности воплощаются не только в виде различных знаний и представлений (обыденных и научных), но и в форме возможных оценок, выражающих субъективное отношение человека к миру» (Жуков 1986, с. 26). Эти изначально субъективные оценки становятся достоянием целых национальных коллективов.

Они сохраняются, когда слова, обозначающие насекомых, метафоризируются, входят в состав образных сравнений и фразеологических оборотов, превращающих царство энтомонов в мир людей.

Полагаем, что сопоставление интересующих нас лексики и фразеологии двух неродственных языков – русского и английского – позволит выявить сходства и различия в переосмыслинении языковых единиц, соотносимых со словарем фауны.

Наша статья построена таким образом, что каждая позиция в энтомологической иерархии иллюстрируется набором примеров, почерпнутых из толковых словарей и художественных произведений, что отчасти уподобляется «азбуке вразброс», снабженной «вербальными

картинками», которые позволяют через призму признаков, присущих насекомым, увидеть достоинства человека и его пороки.

Изучаемый материал с позиций русского языка **Пчела (пчелы)**

Русское слово «пчела» на правах составного компонента входит в структуру известного фразеологизма «трудолюбив как пчела» (вариант – «трудолюбивая пчелка»).

«Трудолюбивой пчелкой» называют человека, упорно совершающего свое мастерство в каком-либо деле:

Ребята, с которыми тренировалась девочка, относились к ней уважительно, потому что она была действительно трудолюбивой пчелкой (Я. Бордашевич. Рожденные быть сильными).

Этим же термином именуется и тот, кого можно назвать деятельной натурой, живущей по принципу: «Сумею сделать все, за что возьмусь!»:

Моя трудолюбивая пчелка нашла себе какую-то подработку помощником секретаря на полставки, работает неполный день, чтобы успевать писать дипломную работу (В. Воронова. У судьбы на поводке).

Довольно распространенным является выражение «как пчела», «как пчелы» в значении «старательно, энергично что-то делать», однако примеры свидетельствуют о вариантах иных и более развернутых сравнений, которые производятся по разным основаниям:

1) на основании гула, производимого собранием людей:

Прихожане разделились на неравномерные кружки и жужжали, как пчелы в улье (Е. Талтузова. Продуктивная лентяйка);

2) по способности людей коллективно, в ажиотажном порыве реагировать на некоторые явления и события:

Не писанная красавица, она явно обладала особой привлекательностью, той, что притягивает мужчин, как пчел на запах клевера, и не только притягивает, но и заставляет совершать необдуманные поступки (Д. Карецкий. За тридцать тирских шекелей);

Пусти слух, что он будет выбирать невесту, девицы всех возрастов слетятся как пчелы на мед (К. Кострова. Невеста из проклятого рода).

Муравей

От пчелы перейдем к муравью, предполагая проекцию на человека качества муравья, роднящего этого насекомого с пчелой.

Все десять водителей, как трудолюбивые муравьи, сутились вокруг автомобиля (Б. Цеханович. Кто служил в армии, в цирке не смеется).

В других случаях данное выражение может обойтись без союза сравнения «как»:

Дежурили трудолюбивые муравьи в своей квартире ежедневно, по очереди (С. Зыболов. Дежавю. Любовь);

Аллюзия к муравьям возникает при восприятии массы людей, находящихся в непрерывном движении:

Сотни подвод и тысячи людей суетились здесь, точно муравьи на разоренном муравейнике (А. Куприн. Молох).

Наконец, муравей – эталон маленького размера человеческой фигуры, когда наблюдатель, стоя на каком-то возвышении, смотрит на работающих внизу людей:

(Они) казались с крыльца конторы муравьями (Д. Мамин-Сибиряк. Золотуха).

Божья коровка

В переносном своем значении «божья коровка» – безобидный, кроткий, не умеющий постоять за себя человек:

Генерал ведь только петушился, а на деле он божья коровка и к этой службе совершенно неспособен (Н. Лесков. Смех и горе).

Возглас «Это я-то, божья коровка, опасный?» (М. Гиголашвили. Толмач) явно демонстрирует, что кто-то сам осознает кроткость своей натуры.

Муха и тараканы

Слово «муха» входит в состав фразеологизмов «сонная муха» и «назойливая муха». См. нижеследующие примеры:

1) *Грузчики работали как сонные мухи* (Е. Лавида. Суггестия);

2) *Все же вынужден просить тебя покинуть мой дом, поскольку на самом деле очень тороплюсь, – супруг не совсем вежливо пытался выпроводить свою любовницу, которая была подобна назойливой мухе* (А. Маринова. Жена поневоле).

Значения обоих выражений вполне прозрачны: «быть сонной мухой» – работать нерасторопно, «назойливой мухой» – обременять кого-то своим присутствием. «Назойливая муха» – человек, лишенный такта, навязывающий свое общество.

Имеются сравнительные обороты и образные выражения, согласно которым насекомые с их поведенческими стереотипами «вселяются» в тело человека, находя вместелище для своего пребывания – краткого или постоянного, что сказывается на физическом состоянии личности или особенностях характера.

В этом плане уместно вернуться к уже упомянутым муравьям:

Ей снова стало щекотно, словно у нее в животе ползали муравьи (А. Лотт. Ошибка Угрюма).

В подобный перечень следует внести мух и тараканов.

Если «мухи в голове» соотносятся с глупым и легкомысленным лицом, то фразу «тараканы в голове» примеряют к индивиду, не обязательно глупому, но чудаковатому, со странностями. Поступки таких людей воспринимаются с удивлением, непониманием или неодобрением.

– Вспомнишь меня, когда маменькин сынок с жуткими тараканами в голове добьется своего и бросит тебя. Лучше опереди его, иначе потом будет больно (Е. Малахова. Парадокс в моей голове).

Вместе с тем, выражение «у каждого свои тараканы» уравнивает всех людей в том смысле, что у любого есть свои проблемы и надо с ними мириться.

Стрекоза, ночная бабочка

По толковым словарям, одно из значений лексемы «стрекоза» – слишком живой, непоседливый, подвижный ребенок (чаще – девочка), а также легкомысленная особа, тогда как «ночная бабочка» – женщина легкого поведения, жрица любви:

В камере справа сидит пьяница – завсегдатай, а слева – две ночные бабочки (В. Янжина. Узы).

Жук

«Жук» – прозвище мошенника, хитреца и проныры:

Ответственность... должен был нести вместе с другими воротилами и Бирилев. Но его не отдали под суд. Мало того, этот жук ухитрился пролезть в морские министры (А. Новиков. Прибой. Цусима).

И в тон сказанному выше:

Есть такие жуки, охмурят девушку, а потом бросит (Д. Гранин. Искатели).

И здесь «жук» – нелицеприятная фигура, ловкий, нечестный человек.

Букашка, козявка

В переносных своих значениях слова «букашка» и «козявка» обозначают маленьких, никчемных людей.

См., например:

Вы – букашка, вы в жизни жалкий статист (А. Куприн. На покое);

В ней просто букашку увидели (Л. Рубальская. Переведи часы назад).

Блоха

К списку насекомых-паразитов относится и блоха. Порой в поведении человека усматриваются свойственные ей инстинкты:

Ты давай не мельтеши, – приказал Аркадий Аркадьевич, – а то прыгашь, как блоха (В. Хайрюзов. Болотное гнездо).

Недоброе отношение к блохе явствует и в бранном употреблении этой номинации:

Пора обуздать ничтожную блоху, которая прыгает и кривляется у наших границ (М. Солонин. Упреждающий удар).

См. также:

– Уйди, блоха! Смажу вот – мокренъко останется (Ф. Парфенов. Бруски).

Клоп, клещ

Закончим разбор «азбуки вразброс» примерами со словами «клоп» и «клещ».

В позитивном своем значении «клоп» – малыш, кнопка:

Ему захотелось приласкать мальчика. – Поди-ка сюда, клоп, – сказал он (А. Чехов. Житейская мелочь).

В негативном – лексема перенимает паразитические качества своего прототипа:

Он в меня, как клоп, впился, ...четыре года сосет (М. Горький. На дне).

К разряду вредоносных насекомых относится и **клещ**, характеристики которого также проецируются на человека:

Увидел он, что дело плохо, – и в окошко, а старики уцепились за него, как клещи, ну он и их за собой в окошко вытащил (Д. Мамин-Сибиряк. Уральские рассказы).

Суммируя многочисленные примеры, приходим к выводу о том, что формированию одного из фрагментов образной картины мира средствами русского языка способствуют метафоры, сравнительные обороты и фразеологические выражения, называющие насекомых, но обозначающие людей, при этом в основу уподобления заложены либо признаки полезности насекомых, либо их вредоносности.

Изучаемый материал с позиций английского языка.

Выявляемые сходства и разночтения

В английском языке содержится выражение, близкое по значению к русским фразеологизмам со словом «пчела»: «busy as a bee» (быть занятым, как пчела):

Gwen (shaking hands with Sydney): How are you to-day? You are looking very well. Busy as a bee as usual, I suppose (W. Maugham. For services rendered).

Собеседник считает, что, как всегда, его визави занят делами, словно пчелка.

Широко известен фразеологизм «to have a bee in one's bonnet» – (букв.) «иметь пчелу в чьей-то шляпке». Имеется в виду ситуация, когда кто-то постоянно говорит на тему, совершенно не интересную для тех, кто слушает.

She's got a real bee in her bonnet about people keeping their dogs under control (Cambridge Idioms Dictionary) – Она постоянно говорила о том, что надо держать своих собак под контролем.

«Пчела в шляпке» понимается как причуда, мания, «заскок». Отсюда возникает и образ человека-сумасбродца. Фантазия русского языка такой идеи не породила.

Нет в русском языке и аналога английскому выражению «bee's knees» – (букв.) «колени пчелы» в значении «замечательный, великолепный человек».

Существует еще одна идиома со словом «knee» – колено, на этот раз соотносимая с кузнецом, которая служит указателем роста человека: knee-high to a grasshopper – «кузнецчику по колено» (настолько мал у кого-то рост):

I remember you as knee-high to a grasshopper (S. Lewis. Elmer Gantry). – Я помню тебя, когда ты был не выше колена кузнецика.

«Ants in pants» (*to have ants in pants*) говорят носители английского языка при обстоятельствах, когда не сидится на месте от прилива волнения, раздражения или гнева) – «муравьишки в штанишках».

She dilates her nostrils a lot, the way Valentino used to do in the silent movies to indicate that he had ants in pants (A. Smith. Putty knife). – Она раздувает ноздри, как это обычно делал Валентино в немом кино (известный американский актер), что указывало на охватившее его чувство беспокойства.

См. также:

She's got ants in her pants because she's going to a party tonight. – На этот раз причина – непоседливость в ожидании приближающейся вечеринки.

Выявлены два устойчивых выражения с лексемой «cricket» (сверчок), которые способны переноситься на человека примерно в одном и том же значении: «chirpy as a cricket» (жизнерадостный, как сверчок) и «merry as a cricket» (веселый, как сверчок).

I have not had all the luck I expected but am... as merry as a cricket (Ch. Kindsley. Two years ago). – Мне не так повезло, как я ожидал, но я **полон жизни, как сверчок**.

В русском языке данное прямокрылое насекомое не ассоциируется с весельем: «сверчок» в русском языке – малозначимый человек, живущий по принципу «Всяк сверчок знай свой шесток».

В сравнительные обороты включается и слово «fly» (муха):

Holiday crowds in summer time swarm everywhere like flies (A. Christie. Evil under the sun). – Летом праздные толпы людей снуют везде, как мухи.

Здесь «like flies» – во множестве, в большом количестве.

«Fly on the wheel» – человек, сильно преувеличивающий свое значение, влияние или участие в каком-либо деле:

The world grinds on: we are a fly on the wheel (W. Lippmann. A preface to politics). – Мир идет вперед, а мы только мухи на колесе.

Данная фраза заимствована из басни Лафонтена «Дилижанс и муха», которая, в свою очередь, восходит к Эзопу.

Сравните с русским «крылатым выражением» «Мы пахали», принадлежащим перу И. И. Дмитриева в стихотворении «Муха» (1803 г.). Оно употребляется, когда человек приписывает себе чужие заслуги, желая показать, что он принимал деятельное участие в каком-то деле, хотя в действительности его роль была ничтожно мала.

Но особый интерес вызывает выражение «a fly on the wall» – «муха на стене». «Мухой на стене» называют того, кто наблюдает за пикантной ситуацией, оставаясь тихим и не замеченным. Поражает воображение следующий пример:

I'd love to be a fly on the wall when my father explains to my Mother that he spent \$ 1.200 on a new set of golf clubs (<https://www.phrases.org.uk.meanings>). – Хотел бы я быть **мухой на стене**, когда отец будет объяснять маме, как он потратил 1.200 долларов на покупку новых клюшек для гольфа. – Имеется в виду, какое бы это было удовольствие!

В своей одиночной метафорической репрезентации «a fly» (муха) – an alert, knowing person – осторожный человек, всегда настороже.

Наконец, английское «gadfly» (овод) – someone who, usually intentionally, annoys people, especially by pointing out faults (там же). – Тот, кто обычно преднамеренно досаждает людям, указывая на их просчеты.

Перейдем к лексеме «butterfly» (бабочка) в ее антропоморфном облике.

Сравнительный оборот «as light as a butterfly» предполагает образ бездушной, легкомысленной женщины (русский аналог – «как мотылек»), тогда как «a social butterfly» – социальная бабочка, светская легкомысленная особа.

В интересующем нас плане «cockroach» (таракан) толкуется как человек, пренебрегающий средствами гигиены, лицо, общения с которым, как правило, избегают.

Есть и еще одна интерпретация слова «cockroach» – кто-то всегда исключительно занятый, особенно мелкими, незначительными делами.

Лексема «flea» (блоха) в переносном смысле – личность, действующая на нервы окружающим. В свою очередь, под выражением «fit as a flea» (скакает, как блоха) мыслится некто здоровый и бодрый.

'Now I'm fit as a flea', he continued. 'As soon as ever I can get a job I am going back to work' (W. Maugham. *The Razor's Edge*). – Сейчас я здоров и бодр, – продолжил он. – Как только получу работу, сейчас же примусь за дело.

Есть еще одна идиома со словом «flea» – «skin a flea for its fat» – свежевать блоху, чтобы зря не пропало блошиное сало. Речь идет о чрезвычайно жадном человеке, который в любой ситуации не упустит своего.

Запоминается также словесный портрет «жучка» в его английском варианте. Так в свое время именовали девушку-подростка с манерами мальчишки, независимую, ультрамодную, с короткой стрижкой, увлекающуюся джазом и автомобилями.

Лексема «bug» обозначает любого жука или жучка, тогда как «bedbug» – «постельный жучок» – клоп. «Если вы именуете кого-то таким образом, – отмечает Collins COBUILD Idioms Dictionary, – вы имеете в виду того, кто ведет себя странно или глупо:

I know some of my students think I'm as crazy as a bedbug because of my weird methods. – Знаю, что некоторые студенты думают, что я безумен, как постельный клоп, именно из-за моей устрашающей методики.

Номенклатура энтомологических номинаций в английской части нашей работы примерно повторяет состав русских номинаций, хотя в их семантике больше различий, чем сходств.

В целом приведенный материал позволяет прийти к следующим выводам:

1. Как в русском, так и в английском языках содержатся метафорически маркированные слова, сравнительные обороты и устойчивые образные выражения, приписывающие человеку признаки, присущие энтомонам. Этот тезис подтверждается не только словарями – примеры энтомосемиации человека занимают значительное место в англоязычной художественной литературе.

2. Явление энтомосемиации объясняется жизненным опытом людей и их многовековыми наблюдениями над насекомыми. Результаты этой наблюдательности метафорически оязыковляются в уподоблении действий и поступков людей поведенческим стереотипам энтомонов.

3. Не все энтомологические реалии в сопоставляемых языках становятся объектами энтомосемиации. Так, например, не подвергаются метафоризации русский «кузнецик» и английская «божья коровка». Нет сомнений, что у носителей английского языка есть понятие о назойливой мухе, но оно не зафиксировано в идиомах.

4. И в русском, и в английском языках энтомологические номинации образного характера в основном сохраняют оценку, с которой человек воспринимает того или иного насекомого «по жизни» – со знаком «плюс» или «минус», соответственно: фразы «трудолюбивая пчелка» и «*busy as a bee*» отмечены положительными коннотациями, в то время как выражение «*busy as a cockroach on a hot stove*» – «гороплив, как таракан на раскаленной печке» – отрицательными, не говоря уже о русских «тараканах в голове».

5. Примерно один и тот же набор русских и английских наименований насекомых при их переосмыслении создает неодинаковые фрагменты в образных картинах мира по той причине, что в сопоставляемых языках метафоризируются разные признаки тождественных энтомонов:

A cricket – свирепит, потому что весел;

Сверчок – появляется в местах, где вид его не желателен;

A fly – всегда настороже, молчаливый соглядатай;

Муха – может быть сонной и надоедливой;

Butterfly – яркая, беззащитная;

Ночная бабочка – порхает в темное время суток – время соблазнов и искушений;

Bedbug – свирепый в своих нападках;

Клоп – кровососущий паразит, в других случаях – мелкий, низкорослый.

Перспектива работы видится в создании двуязычного справочника метафорических значений слов и выражений, называющих насекомых, в

их проекции на человека, который окажется полезным для студентов, изучающих русский и английский языки как иностранные.

Литература

1. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. Н. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. – М.: АСТ-Люкс, 2005.
2. Жуков В. П. Русская фразеология. – М.: Высшая школа, 1986.
3. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. – Изд. 4, перераб. и доп. – М.: Русский язык, 1984.
4. Словарь образных выражений русского языка / Под ред. В. Н. Телия. – М.: Отечество, 1995.
5. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII – XX вв. / Под ред. А. И. Федорова. – М.: Топикал, 1995.

А.А. Бояркина

Негативная символика цветообозначений, выраженных прилагательными, в английских и немецких публицистических текстах

Аннотация: В статье рассматривается негативная символика цветообозначений, выраженных прилагательными, в английских и немецких средствах массовой информации.

Ключевые слова: цвет, цветообозначение, символ, негативная символика, публицистический текст, английский язык, немецкий язык.

Abstract: The paper examines the negative symbolism of color terms expressed by adjectives in the English and German mass media.

Key words: color, color name, symbol, positive symbolism, journalistic text, English, German.

Публицистические тексты представляют собой ценный объект для исследований различных языковых и культурных явлений. Несмотря на то, что публицистический стиль является самостоятельным, он имеет черты других стилей речи – в том числе и художественного, так как в текстах СМИ практически всегда используются разнообразные выразительные средства для воздействия на адресата (Попова, Багронов 2014, с. 38). Наиболее важной в медиатекстах является воздействующая или манипулятивная функция (Викулова, Новиков 2015, с. 42). В качестве выразительных средств могут выступать эпитеты, метафоры, сравнения и другие. Для выразительности и символичности описываемых событий могут использоваться цветообозначения. Лексемы, эксплицирующие цвет, имеют большой спектр символических значений; символика одного и того же цвета может различаться в разных культурах – так, например, цветом траура в европейских странах принято считать черный, а в азиатских странах – белый. Красный цвет обычно ассоциируется с жизнью,

изобилием, активностью, но также может выражать символику опасности (Меньчева 2004, с. 34).

В данной статье мы рассмотрим негативную символику цветообозначений, выраженных прилагательными, в текстах англоязычных и немецких СМИ.

В англоязычных текстах прилагательное *black* может иметь значение «зловещий»:

*Atlanta's Cyclorama had the **black** role in a Civil War battle all wrong. She set about to fix that...*

The first time Calinda Lee saw the "Battle of Atlanta" Cyclorama, she rolled her eyes in disbelief. The colossal 133-year-old panoramic painting of the Civil War battle featured thousands of human figures — soldiers of the North and South fighting, falling, fleeing, along with sundry attendants of the battlefield: stretcher-bearers, cooks, orderlies and more. Yet in the throng of faces surrounding her, there was only one that looked like hers. Only one was African American (https://www.washingtonpost.com/lifestyle/magazine/atlantas-cyclorama-had-the-black-role-in-a-civil-war-battle-all-wrong-she-set-about-to-fix-that/2019/03/26/66d89688-3ae0-11e9-a2cd-307b06d0257b_story.html).

Как демонстрирует контекст, эта лексема способна передать словарное значение «зловещий»: в тексте говорится о негативной роли циклорамы в Атланте, где среди изображенных солдат был лишь один афроамериканец.

Красный цвет, выражаемый прилагательным *red*, имеет одним из значений «опасность»:

*Netanyahu is crossing every **red** line. He must go*

In the lead-up to Israel's elections on Tuesday, Prime Minister Benjamin Netanyahu has crossed every red line in a fear-mongering campaign against Israel's Arab citizens. This is his main tool to hold on to power, and with it, he is threatening Israel as a Jewish state and as a democracy (<https://www.washingtonpost.com/opinions/2019/04/08/netanyahu-is-crossing-every-red-line-he-must-go/>).

В данном контексте анализируемая лексема способна в составе словосочетания *cross every red line* выступать символом опасности совершающего человеком действия как для него самого, так и для других, когда такая линия обозначает точку невозврата.

Прилагательное *yellow* в разговорном английском языке может иметь значение «трусливый»:

*Why is depression the 'blues'? Why is a coward '**yellow**'?*

Assigning colours to moods is tied in with Eastern philosophies, and the idea that the body emanates an aura of light, made up of the colour spectrum. Some mystics are able to see or sense these auras as colours, and are able to measure strengths and deficiencies in the areas assigned to each colour (<https://www.theguardian.com/notesandqueries/query/0,-1520,00.html>).

В этом случае желтый цвет связан с символикой трусости в английской лингвокультуре.

Лексема *yellow* также может выражать символику опасности, близкой, но не неизбежной:

Terrorism threat level drops from orange to yellow

When the national orange level was announced last month, administration officials said they believed the threat of domestic terrorism was as serious as at any time since the attacks of Sept. 11, 2001. "The intelligence community believes that terrorists will attempt multiple attacks against U.S. and coalition targets worldwide in the event of a U.S.-led military campaign against Saddam Hussein," Mr. Ridge said on March 17. ... On the other hand, the threat level is not expected to drop to blue or green anytime soon (<https://www.nytimes.com/2003/04/16/national/terrorism-threat-level-drops-from-orange-to-yellow.html>).

В этом контексте данная лексема означает средний уровень опасности, когда имеет место реальная возможность совершения теракта.

Прилагательное *blue* имеет среди своих словарных значений «унылый, подавленный»:

Blue Monday: a depressing day of pseudoscience and humiliation

January is a depressing time for many. The weather's awful, you get less daylight than a stunted dandelion and your body is struggling to cope with the withdrawal of the depression-alleviating calorific foods, such as chocolate, of the hedonistic festive period. January is one long post-Christmas hangover.

So there are many reasons why someone may feel particularly "down" during January. But every year, much of the media become fixated on a specific day – the third Monday in January – as the most depressing of the year. It has become known as Blue Monday

(<https://www.theguardian.com/science/blog/2012/jan/16/blue-monday-depressing-day-pseudoscience>).

Используемая в заголовке публицистического текста лексема *blue* выражает словарное значение, указанное выше, а именно выступает символом депрессии.

Обратимся к анализу примеров из немецких СМИ.

В контексте немецкой публицистики прилагательное *schwarz*, передающее черный цвет, часто эксплицирует значение «мрачный, трудный»:

Ein schwarzer Tag für die britische Demokratie?

Mit seinem Vorstoß zur Verlängerung der Zwangspause des Parlaments vor dem Brexit-Termin hat der britische Premier Boris Johnson einen Proteststurm ausgelöst. Die Vorwürfe reichen bis zum "Putsch gegen das Parlament" (<https://www.dw.com/de/ein-schwarzer-tag-für-die-britische-demokratie/a-50203336>).

Как показывает пример, в этом случае мы имеем дело со значением «трудный». Данное значение отмечается в толковых словарях.

Указанная лексема употребляется в составе политических, экономических и финансовых терминов:

Schwarze Liste: *EU traut sich nicht, USA als Steueroase zu bezeichnen*

Die USA erfüllen alle Bedingungen, um auf eine schwarze Liste der EU zu Steueroasen zu kommen. Trotzdem passiert nichts. Aus Angst vor Donald Trumps Reaktion?

Die EU schreckt offenbar davor zurück, die USA auf die schwarze Liste der Steueroasen zu setzen, obwohl das Land die Voraussetzungen dafür erfüllt. Dies geht aus internen Unterlagen der zuständigen EU-Ratsarbeitsgruppe hervor, die dem SPIEGEL vorliegen. Demnach ließen die USA die bis Ende Juni geltende Frist verstreichen, um alle Punkte umzusetzen, die eine Aufnahme verhindern sollten (<https://www.spiegel.de/wirtschaft/soziales/steueroasen-eu-traut-sich-nicht-usa-als-steueroase-zu-bezeichnen-a-1283306.html>).

Как показывает пример, этот термин активно находит свое применение в сфере политики. В этом случае лексема выступает символом запрета в выражении «черный список»

К разряду несловарных значений прилагательного *weiß* мы относим значение словосочетания с компонентом белого цвета «*weiße Nationalisten*»:

"Das ist die Agenda weißer Nationalisten"

Die vier US-Demokratinnen, auf die es Donald Trump derzeit abgesehen hat, sind gemeinsam aufgetreten - und haben deutliche Worte gegen den Präsidenten gefunden. Kritik kommt inzwischen auch aus seiner eigenen Partei (<https://www.spiegel.de/politik/ausland/donald-trump-demokratinnen-kritisieren-agenda-weisser-nationalisten-a-1277461.html>).

В этом контексте подчеркиваются расистские взгляды представительниц демократов, имеющих светлый цвет кожи.

В текстах мы встретили также употребление идиомы «*der weiße Elefant*», которая происходит от аналогичной английской идиомы «white elephant» – нечто дорогое, затратное для содержания, но не приносящее пользы:

Nato

Der weiße Elefant

US-Atomwaffen sind der ultimative Garant für Europas Sicherheit. Doch was, wenn Trump den Nuklearschirm infrage stellt? In Berlin und Brüssel hat das Nachdenken begonnen.

Das Thema ist so geheim, dass es im Nato-Hauptquartier auf keiner Tagesordnung steht. Wenn Militärs und Diplomaten in Brüssel darüber sprechen, treffen sie sich vertraulich, auf Zuruf und in sehr kleinen Runden, manchmal nur zu zweit oder zu dritt. Nicht ohne Grund hängen überall im Hauptquartier Warnschilder mit dem Hinweis: "No classified conversation" –

keine Gespräche über sensible Themen (<https://www.spiegel.de/spiegel/print/d-148434889.html>).

В этом случае белый цвет в составе обозначенной идиомы является символом неэффективности предпринятого проекта в атомном вооружении стран НАТО.

К разряду словарных значений лексемы *rot*, передающей красный цвет, относится следующее значение «нести убытки, потери», которое встречается в немецких публицистических текстах:

Lufthansa in roten Zahlen

Erstmals seit sechs Jahren muss die Lufthansa wieder einen Verlust verbuchen: Im Krisenjahr 2009 bescherten sinkende Passagierzahlen und schrumpfende Frachtaufträge dem Unternehmen ein Minus von 112 Millionen Euro, wie die Lufthansa am Dienstag in Frankfurt am Main mitteilte. 2003 hatte die Kranich-Linie mit 984 Millionen Euro den größten Verlust ihrer Geschichte eingeflogen (<https://www.dw.com/de/lufthansa-in-roten-zahlen/a-5311499>).

В этом контексте лексема *rot* передает словарное значение «работать в убыток».

Проанализируем следующий пример:

Rote Karte für Belgiens Profi-Liga

Die Staatsanwälte ermitteln gegen neun Fußball-Vereine: Korruption, Schiebung, Geldwäsche sind einige der Vorwürfe. Trainer und Funktionäre sitzen in U-Haft (<https://www.dw.com/de/rote-karte-f%C3%BCr-belgiens-profi-liga/a-45847899>).

В данном контексте анализируемая лексема используется в прецедентном имени *Rote Karte* (красная карточка) как демонстрируемый судьёй знак удаления игрока/тренера с поля в некоторых видах спорта, в том числе в футболе, гандболе, хоккее с мячом, регби.

Обратимся к ещё одному примеру:

EU zeigt Johnson rote Linien auf

Nach Amtsantritt der neuen britischen Regierung bleiben die Fronten zwischen London und Brüssel verhärtet. Die Europäische Union will Premier Johnson im Ringen um den Brexit jedenfalls nicht wirklich entgegenkommen (<https://www.dw.com/de/eu-zeigt-johnson-rote-linien-auf/a-49750460>).

В этом случае имеет место метафорическое обозначение запрета, как и в выше приведенном примере из англоязычных СМИ. В политике понимание красной линии используется как общественно-политическое табу.

Итак, в англоязычных СМИ для передачи негативной символики могут использоваться черный, красный, желтый и голубой цвета. В немецких публицистических текстах таковыми являлись черный, белый и красный цвета. Следует отметить сходства в англо- и немецкоязычных СМИ при использовании негативной символики черного и красного цветов: черный

цвет здесь в обоих языках выступает в значении «мрачный, зловещий», а красный цвет передает символику запрета, опасности.

Литература

1. Викулова Л.Г., Новиков Н.В. Формирование негативного образа политика в массмедиийном дискурсе: предметная сфера «спорт» // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2015. – №3 (19). – С. 42-49.
2. Меньчева С. И. Цветообозначение в произведениях Е. Замятин: семантика, грамматика, функция: дис. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2004.
3. Попова Л.Г., Багронов Э.Д. О возможностях изучения публицистических текстов в современной лингвистике (на примере экспликации концепта “Sincerity”) // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования». – Выпуск 1(21). – 2014. – С.38-45.

М.Х. Гафарова

Развитие коннотативных значений русских и английских субстантивных лексем

Аннотация: В статье проводится сопоставительный анализ коннотативных значений русских и английских субстантивных лексем, входящих в первые 300 наиболее частотных лексем русского и английского языков. Исследование выполнено на основе метода обобщения словарных дефиниций с использованием ряда формализованных параметров.

Ключевые слова: субстантивные лексемы, семема, семантема, индекс, лексическая полисемия, лексико-грамматическая полисемия, лексико-грамматическая вариантность, коннотативная представленность семем.

Abstract: The paper deals with the comparative analysis of the connotative meanings of the Russian and English substantive lexemes, which are included in the first 300 most frequent lexemes of the Russian and English languages. This study is conducted by means of the method of generalization of dictionary definitions using a number of formalized parameters.

Key words: substantive lexemes, sememe, semanteme, index, lexical polysemy, lexico-grammatical polysemy, lexico-grammatical variance, connotative representation of semes.

В статье предлагается попытка исследования национальной специфики развития коннотативных значений русских и английских субстантивных лексем, входящих в первые 300 наиболее частотных лексем, согласно данным Нового частотного словаря русской лексики О.Н. Ляшевской, С.А. Шарова (<http://dict.ruslang.ru/freq.php>) и Британского национального корпуса (www.natcorp.ox.ac.uk).

Семантемы представленных лексем были составлены на основе метода обобщения словарных дефиниций (Стернин, Рудакова 2011, с. 19-27) по следующим словарям: Малый Академический словарь русского языка в

4-х т. под ред. А.П. Евгеньевой, Большой толковый словарь русского языка под ред. С.А. Кузнецова, Толковый словарь русского языка под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой, Новый толково-словообразовательный словарь русского языка под ред. Т.Ф. Ефремовой в русском языке и *Longman Dictionary of Contemporary English Online*, *Cambridge English Dictionary online*, *Oxford Advanced Learner's Dictionary online* и Новый большой англо-русский словарь в 3-х томах под ред. Ю.Д. Апресяна и Э.М. Медниковой в английском языке соответственно.

Исследование проводится с помощью аспектного анализа (Кривенко 2013, Никитина 2013, Кочетова 2017), разработанного в рамках сопоставительно-параметрического метода лингвистических исследований (Стернина 2014). При исследовании национальной специфики семантем нами были рассмотрены аспект лексической коннотативной полисемии и аспект лексико-грамматической коннотативной полисемии. Для количественной характеристики данных аспектов были использованы следующие индексы: индекс коннотативной представленности семем в группе (Баранова/Кривенко/ 2009), индекс коннотативной лексической полисемантичности в группе (Малыхина 2013), индексы коннотативной лексико-грамматической полисемантичности и вариантности в группе (Малыхина 2013), а также индекс коннотативной лексической полисемантичности семантемы (Малыхина 2013).

Методом сплошной выборки из 300 наиболее частотных исследованных нами лексем русского и английского языков было выявлено **80** русских и **75** английских субстантивных лексем.

Рассмотрим русские субстантивные лексемы более подробно.

Исследование показало, что данные лексемы в основном развиваются от одного до 10 коннотативных значений. Таких лексем, по данным нашего исследования, 71, что составляет **89%** от общего количества изучаемых субстантивных лексем. Количество субстантивных лексем, развивающих большее количество коннотативных семем (от 11 до 20), составляет **4%** (3 лексемы: *дело, сила, мир*). Количество субстантивных лексем, не развивающих лексическую коннотативную полисемантичность, насчитывает **7%** (6 лексем: *страна, бог, компания, развитие, вечер, качество*).

Отметим, что общее количество семем 80 субстантивных лексем, входящих в 300 наиболее частотных лексем русского языка, составляет **648**, из них коннотативных – **341**. Таким образом, индекс коннотативной представленности семем в рассматриваемой группе составляет **53%**.

Рассмотрим коннотативные семемы в изучаемой группе более подробно. Так, как показало исследование, индекс коннотативной лексической полисемантичности в группе составляет **60%**, индекс коннотативной лексико-грамматической полисемантичности – **100%**, а индекс коннотативной лексико-грамматической вариантности – **36%**.

В качестве примера развития лексической коннотативной полисемии приведем лексему *сила*, индекс коннотативной лексической полисемантичности семанты которой составляет 88% (из 17 демонстрирующих лексическую полисемию семем данной лексемы 15 являются коннотативными).

На базе семемы Д1 «способность живых существ напряжением мышц производить физические движения, действия; физическая энергия человека, животного» (*Огромная физическая сила сибиряка была большим достоинством, – он свободно мог скрести в охапку и приудищить, если понадобится, даже двоих*) лексема *сила* развивает следующие семемы К1: «совокупность физических и духовных свойств человека как основа деловой и творческой активности; жизненная энергия, жизнеспособность» (*Попробовать свои силы в метании копья*), «физическое насилие или моральное, экономическое и т.п. давление» (*Действовать с позиции силы*), «способность человека выдерживать большие психологические нагрузки или проявлять в полной (высшей) степени свои умственные наклонности и душевные свойства (волю, ум, характер и т.п.)» (*Мересьев всей силой своей воли устремился к одной цели – научиться ходить*), «способность, возможность совершать, делать что-л., требующее внутреннего напряжения» (*Я не могу дальше так жить! Сил моих нет*), «способность производить какую-л. работу; энергия, мощность» (*Центробежная сила*), «правовая или финансовая действенность (ценных бумаг, денег); правомочность (закона, решения, правила)» (*План заготовок имеет силу закона*), «могущество, власть, авторитет» (*Новая группа стала приобретать в уезде силу и значение*), «способность производить сильное впечатление, оказывать сильное влияние; убеждать» (*Велика сила человеческого слова*), «самое существенное и главное; суть, сущность, смысл» (*Я, господа, полагаю, что бы там ни случилось, а вся сила в желудке*), «степень проявления чего-л.; интенсивность, напряженность» (*Буран еще продолжался, хотя с меньшую силою*), «величина, значительность, глубина (умственных или душевных свойств, впечатлений, переживаний)» (*Я знал, что они понимают всю силу тоски моей о тех, кого я покинул*), «слой общества или группа, действующие в политических, социальных или профессиональных интересах» (*Движущие силы революции*), «войска; вооруженные силы, а также различные их виды» (*Стянуть все силы к стенам города*), «люди, составляющие какой-л. производственный коллектив, люди сходной профессии» (*В летнем театре выступали местные силы: скрипачи, арфистка и пианист Константин*), «огромное количество, множество» (*Народу там сила*). Также отметим, что лексема *сила* демонстрирует коннотативную лексико-грамматическую полисемантичность на уровне наречия: «с помощью, при участии кого-л.» (*После собрания будет устроен концерт силами учащихся*).

Лексико-грамматическая полисемантичность в рассматриваемой группе лексем представлена на уровне четырёх частей речи: модального слова, местоимения, наречия и союза. Например, лексема «раз» в значении союза «если»: (Раз не знаешь, не говори). Лексико-грамматическая вариантность представлена на уровне существительного и наречия. Рассмотрим, например, семему $K1_{n/adv}$ ² лексемы *мир* «согласие, отсутствие разногласий, вражды или ссоры/мирно, полюбовно» (*Нарушить мир в доме/Улаживать дела миром*).

Перейдем к рассмотрению английских субстантивных лексем.

Исследование показало, что данные лексемы в основном развиваются от одного до 10 коннотативных значений. Таких лексем по данным нашего исследования 69, что составляет 92% от общего количества изучаемых субстантивных лексем. Количество субстантивных лексем, развивающих большее количество коннотативных семем (от 11 до 20), составляет 5% (4 лексемы: *service, hand, side, line*). Количество субстантивных лексем, не развивающих лексическую коннотативную полисемантичность, составляет 3% (2 лексемы: *per cent, right*).

Отметим, что общее количество семем 75 субстантивных лексем, входящих в 300 наиболее частотных лексем английского языка, составляет 762, из них коннотативных – 420. Таким образом, индекс коннотативной представленности семем в рассматриваемой группе составляет 55%.

Остановимся подробнее на развитии коннотативных значений. Так, индекс коннотативной лексической полисемантичности составляет 62%, индекс коннотативной лексико-грамматической полисемантичности – 67%, а индекс коннотативной лексико-грамматической вариантности – 43%.

В качестве примера развития коннотативной лексической полисемии приведем лексему *line*, индекс коннотативной лексической полисемантичности семантиды которой составляет 57% (из 28 демонстрирующих лексическую полисемию семем данной лексемы 16 являются коннотативными).

На базе семемы D1 «линия (узкая полоса, черта, проведённая на какой-л. поверхности от одной точки к другой)» (*Draw a straight line across the top of the page*) лексема *line* развивает следующие семемы K1: «очередь» (*I had to wait in line for three hours to get tickets*), «линия, ось» (*Light travels in a straight line*), «морщина» (*There were fine lines around her eyes*), «линия связи» (*I'm sorry, the line is busy*), «рельсовый путь» (*We were delayed because of a problem further along the line*), «чёрта, грань, граница» (*The dividing line between luxuries and necessities is constantly changing*), «контур, очертания, обводы» (*He traced the line of her jaw with his finger*), «строка,

² Обозначается лексико-грамматическая вариантность на уровне соответствующих частей речи

фраза» (*This was one of his favourite chat-up lines*), «роль, слова роли» (*I only had two lines in the whole play*), «курс, линия» (*He supported the official line on education*), «ход, линия, цепочка» (*I don't follow your line of reasoning*), «чера́да» (*This is the latest in a long line of political scandals*), «вертикаль, цепочка, порядок» (*Orders came down the line from the very top*), «трубопровод, линия» (*Telephone lines were brought down in the storm*), «линейка, направление (продукции)» (*The company has just launched a new line of small, low-priced computers*), «занятие, род деятельности, область интересов» (*You meet some very interesting people in my line of business*). Также отметим, что лексема *line* демонстрирует коннотативную лексико-грамматическую полисемантичность на уровне глагола в семемах: «покрывать, обивать что-л. изнутри чем-л.» (*Line the pan with greaseproof paper*) и «выкладываться слоем, выстраиваться, покрывать» (*White tiles line the walls*) и лексико-грамматическую вариантность в семеме «ряд, линия» на уровне существительного (*There was a line of fir trees on either side of the road*) и «выстраиваться в ряды, линии» на уровне глагола (*Crowds lined the streets to watch the race*).

Коннотативная лексико-грамматическая полисемантичность в рассматриваемой группе лексем представлена на уровне междометия, наречия, прилагательного и глагола. В качестве примера приведем в семему $K1_v$ лексемы «*man*» «находиться где-л. с целью управления чем-л., пилотировать» (*the first manned spacecraft*). Коннотативная лексико-грамматическая вариантность группы английских существительных представлена на уровне глагола, глагола и прилагательного, прилагательного и наречия, прилагательного и глагола. Приведем в качестве примера семему $K1_{nv}$ лексемы *side* «сторона (в споре, рассуждении) / «принимать какую-л. сторону (в споре, рассуждении)» (*We heard both sides of the argument / Frank sided with David against their mother*).

Подводя итог, отметим, что и русские, и английские наиболее частотные субстантивные лексемы развивают как лексическую, так и лексико-грамматическую коннотативную полисемию в обоих ее видах – собственно лексико-грамматическая полисемия и лексико-грамматическая вариантность, при этом в английском языке лексико-грамматическая полисемантичность выражена более ярко. Значение индекса коннотативной представленности русских семем в группе (53%) также несколько меньше, чем значение соответствующего индекса английских семем (55%), на основании чего мы можем заключить, что английские субстантивные лексемы проявляют большую тенденцию к развитию коннотативных значений, чем русские субстантивные лексемы.

Литература

1. Баранова/Кривенко/ Л.А. Опыт выявления частотности семем // Культура общения и ее формирование. Вып. 21. – Воронеж, 2009. – С.50-52.
2. Кочетова Н.В. Национальная специфика семантом русской и английской адвербиональной лексики: Автореф. дис. ... филол. наук. – Воронеж, 2017.
3. Кривенко Л.А. Национальная специфика семантом русской и английской субстантивной лексики: Автореф. дис. ... филол. наук. – Воронеж, 2013.
4. Малыхина Н. И. Полисемия английского глагола: Автореф. дис. ... филол. наук. – Воронеж, 2013.
5. Никитина И.Н. Национальная специфика семантом русской и английской глагольной лексики: Автореф. дис. ... филол. наук. – Воронеж, 2013.
6. Стернина М.А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2014.
7. Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы. – LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011.

Использованные лексикографические источники

1. Cambridge English Dictionary online – <https://dictionary.cambridge.org>
2. Longman Dictionary of Contemporary English online – <https://www.ldoceonline.com>
3. Oxford Advanced Learner's Dictionary online – <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com>
4. Большой толковый словарь русского языка под ред. С.А. Кузнецова – <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkoveryj-slovar>
5. Британский национальный корпус – www.natcorp.ox.ac.uk
6. Малый Академический словарь русского языка в 4-х т. под ред. А.П. Евгеньевой – <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>
7. Новый большой англо-русский словарь в 3-х т. под ред. Ю.Д. Апресяна и Э.М. Медниковой – <https://eng-rus.slovaronline.com>
8. Новый частотный словарь русской лексики О.Н. Ляшевской, С.А. Шарова – <http://dict.ruslang.ru/freq.php>
9. Толковый словарь русского языка под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой – <https://gufo.me/dict/ozhegov#>

О.В. Донина, Е.В. Куренкова

К вопросу о сопоставлении криптоклассов в русском и английском языках при помощи параллельных корпусов

Аннотация: В статье рассмотрена возможность использования параллельных корпусов для межъязыкового сопоставления криптоклассных проекций в языках мира (на примере анализа криптокласса Res Parvae в англо-русском параллельном подкорпусе Национального корпуса русского языка).

Ключевые слова: криптокласс, языковая категоризация мира, межъязыковое сопоставление, Национальный корпус русского языка, параллельные тексты.

Abstract: The paper discusses the possibility of using parallel corpora for interlanguage comparison of cryptotypes in the languages of the world (using the example of the analysis of the cryptotype Res Parvae in the English-Russian parallel subcorpus of the Russian National Corpus).

Key words: cryptotype, linguistic categorization of the world, interlanguage comparison, Russian National Corpus, parallel texts.

Одним из способов анализа языковой категоризации мира, применяемым Воронежской лексико-типологической группой, является криптоклассный анализ: «Языковая Категоризация Мира – это уникальное для каждого этноса разрешение противоречия между дискретностью формы и континуальностью содержания языковых знаков через систему языковых категорий, как явных, так и скрытых (криптоклассов), обусловленное «наивной» систематизацией вербализованного человеческого опыта» (Борискина, Кретов 2003, с. 6). А.А. Кретов дает следующее определение криптоклассу: «скрытая лексико-грамматическая категория существительного, состоящая в распределении имён по классам в соответствии с некоторым категориальным признаком при обязательной выраженности классной принадлежности имени в структуре предложения через классификатор (конструкцию или словоформу) и имеющая соответствие в явной (морфемно-выраженной) грамматической категории хотя бы одного языка мира» (Кретов, Титов 2010, с. 9). Выделение криптоклассов выступает важным этапом получения знания о «законах реального мира в том виде, в каком они отражены сознанием носителей языке, так называемой языковой картиной мира» (Щепотина 2014, с. 128).

На сегодняшний момент при помощи формализованной методики, описанной в работе О.О. Борискиной (Борискина 2011), было выделено и описано восемь криптоклассов английского языка (Борискина 2009, 2014; Донина, Борискина 2016, Донина 2017а, 2017б; Голикова 2018; Задобровская 2019): *Res Parvae* («Рукоятное»), *Res Liquidae* («Жидкое»), *Res Longae Penetrantes* («Длинно-тонкий предмет стабильной формы»), *Res Acutae* («Острое»), *Res Rotundae* («Круглое»), *Res Filiformes* («Нетивидное»), *Res Planae* («Плоское») и *Res Continens* («Вместилище»). Также ранее предпринимались попытки описать криптоклассы в других языках мира (Борискина, Кретов 2003; Донина 2015), но они скорее основывались на исследовательской интуиции, а не на корпусных данных. В рамках данной работы нами предлагается использовать параллельные тексты для поиска русскоязычных эквивалентов англоязычных криптоклассных примеров с целью более объективного выделения криптоклассов и определения их классификаторов в русском языке.

В данном исследовании мы проверяли описанную возможность, анализируя один из классификаторов криптокласса *Res Parvae*, т.е. класса небольших объектов, способных поместиться в руке, а именно классификатора *cast*. При помощи англо-русского параллельного подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ) была проанализирована сочетаемость 517 абстрактных имен, взятых из работы О.О. Борискиной (Борискина 2011), с указанным классификатором.

В ходе исследования удалось обнаружить корпусные примеры только для 37% имен из указанного списка (для 191 имени из 517 была обнаружена корпусная выдача для запроса «абстрактное имя + *cast*»).

Анализ 1957 выявленных таким образом примеров показал, что только 5% рассматриваемых английских предложений содержат криптоклассную сочетаемость – было обнаружено 104 примера криптоклассных вхождений 27 абстрактных имен английского языка: *Account, Burden, Care, Caution, Convention, Doubt, End, Glory, Hope, Life, Light, Mind, Number, Operation, Politics, Secret, Shame, Sin, Smile, Spell, Spirit, Story, Suspicion, Terror, Thought, Vote, Way*.

На следующем шаге мы проанализировали русские переводы обнаруженных криптоклассных примеров. Оказалось, что в 17% русскоязычных примеров также содержится криптокласс Res Parvae, о чем свидетельствует наличие таких классификаторов этого класса как: *бросить, сбросить, отбросить, возложить, откинуть, закинуть, дать, отдать, держать* (примеры 1-5). Метафоронимами криптокласса Res Parvae в русском языке оказались такие имена как: *бремя, забота, условность, сияние, надежда, свет, луч, блеск, история, голос*, проявившие в сочетаемости с указанными выше классификаторами свойства мелкого объекта, которым можно управлять рукой.

(1) *He felt he had cast off that fearful burden that had so long been weighing upon him, and all at once there was a sense of relief and peace in his soul.* – Он почувствовал, что уже **бросил с себя это страшное бремя**, давившее его так долго, и на душе его стало вдруг легко и мирно.

(2) *Cast all your care upon Him for He careth for you.* – **Возложите** на него все **заботы** свои, ибо он печется о вас.

(3) *"May I, as they say, cast aside convention..."* – Позвольте мне, так сказать, **отбросить** в сторону **условности**...

(4) *In the evening, when the sun was dipping down behind the hills, casting them into dark shadow, but gilding the sands and casting a great glory over the sea, I went, as is my custom, for a stroll along the beach.* – Вечером, когда солнце скрылось за холмами, окутав их мрачною тенью, но золотя пески и бросая над морем яркое **сияние**, я пошёл по обыкновению пройтись по берегу.

(5) *'Yet do not cast all hope away. Tomorrow is unknown.'* – Но **не отбрасывайте** прочь всю **надежду**. неизвестно, что будет завтра.

Также в русскоязычных эквивалентах были обнаружены примеры встречаемость криптокласса Res Liquidae, т.е. Жидкое (3% от общего количества рассматриваемых криптоклассных примеров), на что указывают такие классификаторы, как: *заливать, проливать*, но подобные вхождения характерны только для имени *свет* (примеры 6-7).

(6) *The very last rays of the setting sun were casting a bloody light over the long-shadowed grounds.* – Последние лучи заходящего солнца **заливали** землю **кровавым светом**, в полях залегли длинные чёрные тени.

(7) *I transcribe them here only because they cast a fascinating light on his attitude toward the subject.* – Я **переписываю** их здесь только потому, что

они **проливают** интереснейший **свет** на его отношение к этому предмету.

Также был обнаружен один пример вхождения имени **убеждение** в класс Res Acutae (Острое) (пример 8).

(8) *Do you think it either very wise or very witty to cast my politics in my teeth? – Ужель вы ничего умнее и забавней не нашли, чем колоть мне глаза моими политическими убеждениями?*

Примеров других ранее выделенных криптоклассов в переводах обнаружить не удалось, но были выявлены семантические группы (9% примеров), которые в дальнейшем могут поспособствовать описанию новых криптоклассов. Так, можно наложить заговор или заклинание; послать улыбку и наслать порчу; пораскинуть мозгами; подвести итоги; свет может падать и исходить (примеры 9-10).

(9) *She was still in front of the mirror, but turned now to cast a fetching smile on all, particularly Clyde, – Гортензия все еще стояла у зеркала и теперь обернулась, чтобы послать обольстительную улыбку всем и особенно Клайду.*

(10) *I cast up her accounts, and examined into the state of her canisters and tumblers. – Я подвела итоги в ее счетной книге и проверила состояние жестяных ящиков и стеклянных ваз.*

Оставшиеся 71% проанализированных примеров криптоклассовых вхождений в английском языке были переведены на русский язык только глаголом, без сочетания с существительным (примеры 11-18).

(11) *"I am Russian, Russian! An airman. The Germans shot me down." Alexei cast all caution to the winds now. – Я русский, русский, я летчик, меня немцы сбили. Теперь Алексей не осторожничал.*

(12) *Her father had cast doubts upon the innocence of my friendship; and these. – Ее отец усомнился в чистоте моих дружеских чувств к ней.*

(13) *Dawn cast a pale light on the face of the moneyed martyr who had been prevented from disporting himself. – Рассвет бледно осветил лицо богатого страдальца, так и не сумевшего развлечься.*

(14) *"Now, Monsieur, cast your mind back," said Poirot encouragingly. – А теперь, месье, попробуйте вспомнить, – голос сыщика звучал ободряюще.*

(15) *I reckoned them up; and such was the hurry of my mind, I had to cast the numbers twice. – Я стал считать, но у меня так скакали и путались мысли, что пришлось пересчитывать заново.*

(16) *Ages to come will never cast a thought on me or on Mr Pope either. – Грядущие века даже не вспомнят про меня, да и про мистера Попа.*

(17) *Thy gaze casts a spell over me.... – Взгляд твой **околдовывает** меня...*

(18) *Later, as members cast their votes to impeach him in Washington, Mr. Trump took the stage to roars of adulation from his supporters at an arena-style campaign rally in Battle Creek, Mich. – Позже, когда палата в Вашингтоне*

уже проголосовала за импичмент, Трамп вышел на сцену в Батл-Крике, штат Мичиган, под восторженные выкрики своих сторонников. Это был предвыборный митинг в манере рекламного шоу.

Полученные данные межъязыкового сопоставления показали, что, несмотря на большой процент примеров, не содержащих криптоклассной сочетаемости, параллельные корпуса могут выступать важным инструментом для поиска криптоклассов в еще не описанных с точки зрения криптоклассного анализа языках, а также для сравнения криптоклассных вхождений в различных языках мира.

Литература

1. Борискина О.О., Кретов А.А. Теория языковой категоризации : Национальное языковое сознание сквозь призму криптокласса – Воронеж, 2003.
2. Борискина О.О. Криптоклассные проекции мира непредметных сущностей: опыт криптоклассного анализа словосочетаемости. – Воронеж: Вестник ВГУ Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2009. – № 1. – С. 32-37.
3. Борискина О. О. Криптоклассы английского языка – Воронеж: Истоки, 2011.
4. Борискина О.О. Познание скрытой категориальности в языке: теория и методология. – Воронеж: Вестник ВГУ. Серия «Когнитивные исследования языка». – 2014. – № 16. – С. 112-120.
5. Голикова О. А. Именная классификативность в языке: криптокласс "Res Planae": Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2018.
6. Донина О.В. Криптоклассные данные для определения меры межъязыковой эквивалентности – Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2015. – № 1. – С. 108-110.
7. Донина О.В., Борискина О.О. Эмотивная лексика в аспекте ареальной вариативности – Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2016. – № 4. – С. 41-45.
8. Донина О.В. Скрытая категоризация эмоций в вариантах языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2017а.
9. Донина О.В. Применение методов Data Mining для решения лингвистических задач – Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Системный анализ и информационные технологии». 2017б. – № 1. – С. 154-160.
10. Задобровская О. Ф. Эмоции как "вместилище" в вариантах английского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2019.
11. Кретов А. А., Титов В. Т. Роль скрытых категорий в типологическом описании грамматики романских языков – Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2010. – № 1. – С. 7-12.
12. Щепотина, Е. В. К вопросу о выявлении криптоклассных систем (на примере английского и немецкого языков) – Филология и лингвистика в современном обществе. – Москва : Буки-Веди, 2014. – С. 128-131.

В.В. Епифанова

Особенности семантики русских и немецких сочетаний с лексемой «зависть» в сопоставительном аспекте

Аннотация: В статье приводятся результаты сопоставительного анализа русских и немецких сочетаний с ключевой лексемой *зависть*. Анализируются особенности функционирования данных единиц в русских и немецких текстах, их pragmaticальные свойства, а также возможные способы перевода с одного языка на другой.

Ключевые слова: лексическая сочетаемость, русский язык, немецкий язык

Abstract: The paper presents the results of the comparative analysis of Russian and German word combinations with the key lexeme *envy*. The features of functioning of these units in Russian and German texts, their pragmatic properties, as well as possible ways of translation are analyzed.

Key words: lexical compatibility, Russian language, German language.

Выявление сочетаемостного потенциала эквивалентных слов в родственных и неродственных языках является важной задачей как в области сопоставительной лингвистики и лексикографии, так и в практике перевода и области преподавания иностранных языков. В данном исследовании представлены результаты сопоставительного анализа имеющихся устойчивых русских и немецких сочетаний, обозначающих разную степень зависти, этапы её формирования, влияние на эмоциональное состояние того, кто испытывает это чувство, способы контроля над ней и т.д.

Начиная с определения ключевой лексемы анализируемых сочетаний с целью выявления совпадающих и специфических сем: русск. **ЗАВИСТЬ**

A1 к A2: Чувство человека A1 по отношению к человеку A2, чаще неприязненное, возникающее из-за того, что у A2 есть хорошее A3, чем A1 сам хочет обладать, но не обладает, и из-за того, что положение A3 человека A2 лучше, чем у A1. Это чувство обычно не одобряется, поэтому его часто пытаются скрыть (Активный словарь русского языка 2017, т. 3); **NEID**, der; -[e]s. *Gefühl, das jmdn. befällt, wenn ein anderer einen Besitz oder Vorzug hat, den man selbst gern haben möchte, Missgunst* (чувство, возникающее у человека, когда кто-л. другой владеет какой-л. вещью или привилегией, которыми он сам хотел бы владеть, недовольство) (Digitales Wörterbuch der Deutschen Sprache (DWDS)). К совпадающим семам рассматриваемых лексем относятся «чувство недовольства», «наличие не менее двух участников», «желание иметь то, что имеет другой». Анализ примеров употребления сочетаний с данной лексемой позволил выявить в немецком языке такие специфические семы, как «возможность положительного влияния на того, кто испытывает чувство», «обоснованность/ необоснованность чувства», что обуславливает наличие в языке таких словосочетаний, как *ein konstruktiver/ positiver Neid*

(конструктивная, положительная зависть), *ein falscher Neid* (букв. ложная в значении «неоправданная зависть, зависть без повода») и др.

Выборка словосочетаний осуществлялась из следующих источников: *Активный словарь русского языка 2017*, *Мельчук, Жолковский 2016*, *Словарь сочетаемости слов русского языка 2002*, *Duden. Deutsches Universalwörterbuch 2015*, *Wörter und Wendungen 1992*, *Digitales Wörterbuch der Deutschen Sprache*. Иллюстративный материал был взят из Национального корпуса русского языка, *Лейпцигского корпуса немецкого языка*, *Digitales Wörterbuch der Deutschen Sprache*.

Анализ всех выявленных сочетаний русского (127 сочетаний) и немецкого (154 сочетаний) языков с лексемой «зависть» показал, что к совпадающим по форме и содержанию относятся следующие (64% от общего количества): большая з./ *ein großer N.*; сильная з./ *ein starker N.*; жгучая з./ *ein brennender N.*; черная з./ *ein Schwarzer N.*; тайная, скрытая з./ *ein geheimer, heimlicher, insgeheimer N.*; белая з./ *ein ein weißer N.*; неприкрытая, нескрываемая з./ *ein unverhohlener, unverhüllte N.*; тихая з./ *ein leiser N.*; доля з-и/ *eine Portion N.*; укол з-и/ *der Stich von N.*; приступ з-и/ *ein Anflug von N.*; испытывать з. к кому-л., по отношению к кому-л./ *empfinden, fühlen, verspüren N. auf jmdm., gegenüber jmdn.*; лопнуть от з-и/ *vor N. platzen*; умереть от з-и/ *vor N. sterben, vergehen*; побледнеть от з-и/ *vor N. erbleichen, erblassen, blass, bleich vor N. werden*; позеленеть от з-и/ *grün vor N. werden*; вызывать чью-л. з./ *jmds. N. auslösen, erregen, erzeugen, hervorrufen*; разжигать чью-л. з./ *jmds. N. entflammen; сеять з./ N. säen*; мучить кого-л. (о зависти)/ *plagen, quälen jmdn.* и др. Перевод сочетаний из данной группы не вызывает сложностей, так как подразумевает замену словосочетания в исходном языке на имеющийся в языке перевода полный аналог: ср.,

Die Frisur Ihrer Durchlaucht hat viel Neid erregt (Прическа Ее Светлости вызвала у многих зависть) Kerstin Gier. Smaragdgrün (2010) | Керстин Гир. Изумрудная книга (пер. С. Вольштейн, 2013);

Wahrscheinlich hätte ich ihr diesen Flirt mit leichtem Neid gegönnt, wenn sich nicht Fanni über die Maßen aufgeregt hätte (С легкой завистью я позволила ей флиртовать с ним, но тут сверх всякой меры разволновалась Фанни). Ingrid Noll. Kalt ist der Abendhauch (1996) | Ингрид Ноль. Прохладой дышит вечер (пер. Анна Кукес, 2003)

Так что сформулировать смысл собственного существования Мартин не смог, а, напротив, **почувствовал жгучую зависть** к аранкам, вообще не испытывающим подобных терзаний (*Insofern konnte Martin den Sinn der eigenen Existenz nicht formulieren – im Gegenteil, er verspürte einen brennenden Neid auf die Aranker, die von vergleichbaren Qualen verschont blieben*) Сергей Лукьяненко. Спектр (2002) | Sergej Lukianenko. Spektrum (пер. Christiane Pöhlmann, 2007) и др.

На втором этапе исследования были выделены частично эквивалентные словосочетания (21% от общего количества анализируемых сочетаний), среди которых: *бешеная з./ ein leidenschaftlicher* (букв. *страстная*), *herrungsloser* (букв. *бездержавная, неукротимая*) *N.*; *злая з./ ein galliger* (букв. *желчная*), *giftiger* (букв. *ядовитая*), *feindseliger* (букв. *враждебная*); *нотки, оттенок, тень, толика з-и/ ein Gran N.* (букв. *гран зависти*, *гран – единица аптекарского веса, равная 0, 062 грамма*); *подавить, преодолеть з./ einen N. bezähmen* (букв. *приучить*), *bändigen* (букв. *усмирить*), *besiegen* (букв. *победить*); *быть у кого-л. (о зависти)/ sprechen aus jmdm.* (букв. *говорить из кого-л.*); *задыхаться от з-и/ vor N. blenden* (букв. *слепнуть*), *brennen* (букв. *гореть*); *позеленеть от з-и/ gelb vor N. werden* (букв. *пожелтеть*) и др. Перевод сочетаний из данной группы также не вызывает сложностей и осуществляется посредством иных по форме, но эквивалентных по семантике имеющихся устойчивых словосочетаний в языке перевода, а также с помощью синтаксических дериватов ключевой лексемы «зависть»:

Mit geblenden Augen sah ich sie vor mir, unerreichbar, wie Ziervögel eines anderen Jahrhunderts saßen sie draußen, und ich spürte den scharfen Biss des Neides und der Verzweiflung, niemals so sein zu können wie sie ... (Невидящим взором смотрел я на людей вокруг, они проплывали передо мной, недосягаемые, как диковинные птицы иных столетий, и я почувствовал **острый укол зависти** и отчаяния оттого, что никогда не буду таким, как они...) Erich Maria Remarque. Das gelobte Land (1965-1970) | Эрих Мария Ремарк. Земля обетованная (пер. М. Л. Рудницкий, 2000);

«*Es ist nur teilweise Verachtung, – zum andern ist es fressender Neid*» («Я ведь только отчасти его презираю, а отчасти **сгораю от зависти**»). Erich Maria Remarque. Das gelobte Land (1965-1970) | Эрих Мария Ремарк. Обетованная земля (пер. Д. Трубчанинов, В. Позняк, 2007);

Женя смотрела на нее с **тонкой завистью**: у человека была биография... Да и по Айрин видно было, что она знает о своей значительности (*Shenja betrachtete sie mit stillem Neid: was für eine Biographie! Und Ireen war sich ihrer Bedeutsamkeit unverkennbar bewußt*). Людмила Улицкая. Сквозная линия (2001) | Ljudmila Ulitzkaja. Die Lügen der Frauen (пер. Ganna-Maria Braungardt, 2003);

Я бы сейчас так не смог, с **легкой завистью** подумал Румата (*Dazu wäre ich jetzt nicht imstande, dachte Rumata etwas neidisch*). А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий. Трудно быть богом (1964) | Arkadij Strugatzki, Boris Strugatzki. Es ist nicht leicht, ein Gott zu sein (пер. Hermann Buchner, 1990) и др.

Специфическими по семантике сочетаниями немецкого языка в сопоставлении с анализируемыми русскими сочетаниями (9% от общего объема анализируемых сочетаний) являются следующие: *ein berechtigter* (букв. *законная* в значении «справедливая, обоснованная»), *begründeter*

(букв. *обоснованная*) *N*; *ein konstruktiver* (конструктивная), *positiver* (положительная) *N* (в значении «положительно влияющая на состояние и развитие человека»); *ein destruktiver N*. (букв. *деструктивная* в значении «отрицательно влияющая на состояние и развитие человека»); *ein sozialer N*. (букв. *социальная* в значении «зависть к людям более высокого социального положения»); *ein falscher* (букв. *ложная* в значении «неоправданная, зависть без повода»); *lähmen jmdn.* (букв. *парализовать кого-л.*) (о зависти); *geh. der Zahn des Neides* (букв. *жало зависти*) и др.:

Nur kein falscher Neid (Только не надо **необоснованно завидовать**) (www.focus.de, gesammelt am 17.07.2020) (Лейпцигский корпус немецкого языка);

Wir Deutsche loben – mit einer Portion berechtigten Neides – die Nachbarschaft von Politik und Literatur, die in Frankreich einer schönen Gewohnheit entspricht (Мы, немцы, – с долей **обоснованной зависти** – ценим соседство политики и литературы, которое прекрасным образом свойственно Франции) (Die Zeit, 20.04.2000, №17) (DWDS);

Wird er weder ausgesprochen noch reflektiert, wird er zum destruktiven Neid (Если зависть не выражена и не проработана, она становится **разрушающей**) (Die Welt, 23.10.2019) (DWDS);

Kinder, die unter sozialem Neid leiden, könnten hier unbeschwerter lernen (Дети, испытывающие **зависть к детям из более благополучных семей**, могли бы учиться здесь более беззаботно) (Alexandra Lebedowicz: Wieder auf der Zielgeraden. Der Tagesspiegel, 27.09.2020) (DWDS) и др.

К специфическим русским сочетаниям (6% от общего числа анализируемых единиц) относятся *мелкая, мелочная з.* (в значении «по мелкому, незначительному поводу»); *здоровая з.* (в значении «с необходимым чувством меры»); *невольная з.* (в значении «возникшая неожиданно, вопреки желанию человека»); *получиться на зависть* (о каком-л. результате), др.:

Выходило, что жизнь у меня получилась просто на зависть (Андрей Геласимов. Чужая бабушка, 2011) (НКРЯ);

Нет, какая-то здоровая зависть у меня порой прорезается (Екатерина Иванова. Оперативник Гармаш дослужился до «Любовника» // «Финансовая Россия», 19.09.2002) (НКРЯ);

Глядя на старичка, она невольно испытала зависть – представить только, как много книг он подержал в руках и прочитал за всё время (Крис Колфер. История о магии, 2019) (НКРЯ) и др.

Проведенный анализ позволил сделать выводы о высокой степени совпадения сочетаемостных возможностей лексемы «зависть» в русском и немецком языках, что свидетельствует о высокой степени близости языкового сознания носителей обоих языков относительно анализируемого понятия, а также продемонстрировать специфические сочетания обоих

языков с объяснением их семантики и демонстрацией примеров употребления в различных контекстах.

Литература

1. Digitales Wörterbuch der Deutschen Sprache (DWDS) [Электронный ресурс]. – URL: www.dwds.de
2. Duden. Deutsches Universalwörterbuch. Das umfassende Bedeutungswörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. – Band 8, überarbeitete und erweiterte Auflage. – Berlin, Dudenverlag, 2015.
3. Wörter und Wendungen: Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch/ hrsg. von Erhard Agricola überarb. Neufassung der 14. Aufl. – 1. Aufl. der Neufassung. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich; Dudenverlag, 1992.
4. Активный словарь русского языка/ В. Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян, Е.Э. Бабаева, О.Ю. Богуславская и др./ Под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. – Т.3. – М.; СПб.: Нестор-История, 2017.
5. Лейпцигский корпус немецкого языка [Электронный ресурс]. – URL: https://corpora.uni-leipzig.de/de?corpusId=deu_news_2020
6. Мельчук И. А., Жолковский А. К. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка: опыты семантико-синтаксического описания русской лексики. – Изд-е 2-е, испр. – М.: Глобал Ком; Языки славянской культуры, 2016.
7. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Электронный ресурс]. – URL: www.ruscorpora.ru
8. Словарь сочтаемости слов русского языка/ Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. – 3-е изд., испр. – М., 2002.

С.А. Ермаков

Сопоставление наименований эмоции «печаль» в русском и французском языках

Аннотация: В статье проводится сопоставление русского наименования эмоции ПЕЧАЛЬ с межязыковым соответствием во французском языке TRISTESSE.

Ключевые слова: эмоция, значение, доминантный признак, семантическое ядро, семантический конкретизатор.

Abstract: The paper compares the Russian name of the emotion SADNESS with its interlanguage correspondence in the French language TRISTESSE.

Key words: emotion, meaning, dominant trait, semantic core, seminal specifier.

Национальная картина мира представляет огромный интерес для исследователей, поскольку передает исторический опыт конкретного народа, который проявляется в его уникальности и национально-культурной идентичности. По мнению О.П. Каналаш, национальная картина мира представляет «целостный, систематизированный взгляд на мир представителей определенной национальной общности...» (Каналаш 2012, с. 72). Язык народа является выразителем национальной картины мира и отражает исторические и социальные коллизии общества.

Национальные особенности фиксируются в текстах и отображаются в речи.

Интересным фактом является то, что люди из различных культур способны точно определять эмоциональное состояние человека по выражению его лица. Ведущие специалисты в области психологии, такие как П.К. Анохин, П.В. Симонов, Л.С. Выгодский, У. Джеймс и К. Ланге, К. Изард и другие признают ПЕЧАЛЬ одной из базовых эмоций человека, которая является источником для возникновения других эмоций. Однако, означает ли это, что эмоция ПЕЧАЛЬ воспринимается и проявляется одинаково в разных национальных культурах?

Данная работа направлена на выявление и исследование семантики и национальных особенностей русского наименования эмоции ПЕЧАЛЬ в сопоставлении с межъязыковым соответствием во французском языке TRISTESSE.

Цель исследования – при помощи инструментария семной семасиологии сопоставить и дифференцировать лексические единицы ПЕЧАЛЬ и TRISTESSE в значении «негативное эмоциональное состояние», и выявить особенности их национальной специфики.

Для достижения цели данной работы предлагается использовать следующий алгоритм сопоставления и дифференциации значений лексических единиц:

1. Применяем метод обобщения словарных дефиниций, описанный И.А. Стерниным, для получения обобщенных лексикографических описаний значений исследуемых слов;

2. По методике Е.А. Маклаковой проводим семную интерпретацию обобщенных лексикографических толкований;

3. Сопоставляем исследуемые лексические единицы на семном уровне и выявляем национальную специфику лексических единиц фонового языка (русский язык) и переводного соответствия (французский язык).

Обобщение словарных дефиниций разных словарей позволяет максимально расширить список семантических компонентов, образующих значение слова, «поскольку в разных словарях возможно выделение разных значений и семантических компонентов одного и того же слова» (Стернин 2013, с. 10).

Лексическая единица ПЕЧАЛЬ имеет следующие словарные дефиниции:

- «1. Чувство грусти и скорби, душевной горечи. 2. То, что печалит, событие, обстоятельство и т п , вызывающее чувство грусти и скорби. 3. Разг. Забота, беспокойство» (Словарь русского языка 1987, с. 117);

- «Устойчивое состояние грусти, часто может использоваться как обозначение легкой степени скорби или подавляемой скорби» (Психологическая энциклопедия);

- «Психологическое состояние человека, характеризующееся переживанием чувства грусти и сопровождающееся резким снижением или

даже полным прекращением активности человека в данный момент времени» (Немов 2007, с. 286);

- «1. Скорбно-озабоченное, нерадостное, невеселое настроение, чувство. 2. То, что внушает (внушало) такое чувство, является (являлось) источником, причиной его (книжн.). 3. Забота, огорчение (разг.)» (Толковый словарь Ушакова);

- «нормальное психическое состояние человека, обусловленное не оставляющими глубокого следа переживаниями утраты и сопровождающееся снижением интереса к внешнему миру, погруженностью в себя и поглощенностью воспоминаниями, вызывающими неприятный осадок» (Лейбин 2020, с. 464).

При обобщении словарных толкований выявляем следующие значения слова ПЕЧАЛЬ:

семема 1: «Негативная эмоция умеренной интенсивности и вариативной длительности, характеризуется чувством душевной горечи, легкой степенью скорби и устойчивой грустью, сопровождается снижением активности, утратой интереса к внешнему миру и погружением в себя»

семема 2: «Лицо, событие, обстоятельство или причина вызывающая состояние печали; то, что печалит»;

семема 3: «Разг. Забота, беспокойство, огорчение».

Семная интерпретация полученных обобщенных лексикографических описаний лексических единиц проводится по методике Е. А. Маклаковой, которая позволяет «не только сделать толкование семантики слова более информативным, но и дает возможность дифференцировать близкие значения» (Маклакова 2013, с. 137), например:

ПЕЧАЛЬ семема-1:

Денотативный макрокомпонент: эмоция, вариативная длительность переживания, умеренная интенсивность негативного состояния / характеризуется чувством душевной горечи, легкой степенью скорби и устойчивой грустью; сопровождается снижением активности, утратой интереса к внешнему миру и погружением в себя;

Коннотативный макрокомпонент: неоценочное, неэмоциональное;

Функциональный макрокомпонент: межстилевое, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное, политкорректное, тонально-нейтральное.

Лексическая единица TRISTESSE представлена в словарях следующим образом:

- «1. *État de chagrin, de mélancolie.* 2. *Caractère d'une chose qui rend triste, mélancolique*» (1. Состояние печали, меланхолии. 2. Характер чего-либо, что делает грустным, меланхоличным) (Larousse. Dictionnaire de Français Compact 2005, с. 1415);

- «1. *État de quelqu'un qui éprouve du chagrin, de la mélancolie ; affliction.* 2. *Air triste de quelqu'un.* 3. *Impression pénible ou mélancolique produite par*

les choses qui manquent d'animation, de vie. 4. Caractère de ce qui est affligeant, déplorable» (1. Состояние человека, испытывающего горе, меланхолию; страдание. 2. Унылый вид человека. 3. Неприятное или меланхоличное впечатление, произведенное вещами, лишенными живости, жизни. 4. Характер того, что вызывает печаль, сожаление) (Dictionnaire Français en Ligne – Larousse);

- «1. État affectif pénible, calme et durable; envahissement de la conscience par une douleur, une insatisfaction, ou par un malaise dont on ne démêle pas la cause, et qui empêche de se réjouir du reste. 2. Moment où l'on est dans cet état; cause de tristesse. 3. Caractère de ce qui exprime cet état. 4. Caractère de ce qui incite à cet état» (1. Состояние душевной боли, спокойное и устойчивое; осознание страдания, неудовлетворения или дискомфорта, причину которого трудно определить и которое не позволяет быть радостным. 2. Момент, когда находишься в таком состоянии; причина грусти. 3. Характер того, что выражает это состояние. 4. Характер того, что побуждает к этому состоянию) (Encyclopédie Universelle);

- «La tristesse est définie en termes d'émotions comme un découragement général. C'est un état d'esprit dans lequel l'individu éprouve le désespoir, le pessimisme, l'impuissance et le manque de motivation» (Печаль определяется с точки зрения эмоций как общее уныние. Это состояние ума, при котором человек испытывает отчаяние, пессимизм, беспомощность и отсутствие мотивации) (Qu'est-ce que la tristesse?);

- «La tristesse est une émotion, qui traduit une douleur émotionnelle associée ou caractérisée par des sentiments de désespoir, de chagrin, d'impuissance et de déception. Elle peut se manifester par des pleurs, une perte d'appétit ou encore une perte de vitalité» (Печаль - это эмоция, которая выражает эмоциональную боль, связанную или характеризующуюся чувствами отчаяния, горя, беспомощности и разочарования. Она может проявляться в виде плача, потери аппетита или даже потери жизненных сил) (La tristesse: causes et solutions);

- «1. Sorte de souffrance morale dont le propre est de peser sur l'âme, et qui d'ordinaire apparaît dans l'extérieur. 2. Mélancolie habituelle de tempérament. 3. Il se dit de ce qui inspire la tristesse. 4. Il se dit des lieux sans agréments, des fêtes sans gaieté, etc.» (1. Своего рода моральное страдание, бремя которого давит на душу и которое обычно проявляется вовне. 2. Хандра. 3. Говорится о том, что вызывает грусть. 4. Говорится о местах без удобств, вечеринках без веселья и т. д.) (Dictionnaire de la langue française, par É. Littré).

При обобщении словарных толкований выявляем следующие значения слова TRISTESSE:

семема 1: «Негативная эмоция повышенной интенсивности и вариативной длительности, характеризуется чувством общего уныния

морального страдания, отчаяния и беспомощности, проявляется в виде плача, потери аппетита или даже потери жизненных сил»

семема 2: «Лицо, событие, обстоятельство или причина печали; то, что печалит»;

семема 3: «Период времени нахождения в состоянии печали».

Семная интерпретация лексической единицы TRISTESSE имеет следующий вид:

TRISTESSE семема-1:

Денотативный макрокомпонент: эмоция, вариативная длительность переживания, повышенная интенсивность негативного состояния / характеризуется чувством общего уныния, морального страдания, отчаяния и беспомощности, проявляется в виде плача, потери аппетита или потери жизненных сил;

Коннотативный макрокомпонент: неоценочное, неэмоциональное;

Функциональный макрокомпонент: межстилевое, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное, политкорректное, тонально-нейтральное.

Анализ семного описания исследуемых единиц позволяет выявить семантическую общность в структуре их значения, а именно – семантическое ядро (жирный шрифт), в котором различимы архисема, продолжительность переживания, доминирующая опорная сема с различными семыми конкретизаторами (жирный курсив), например:

ПЕЧАЛЬ семема-1:

Денотативный макрокомпонент: эмоция, вариативная длительность переживания, умеренная интенсивность негативного состояния / характеризуется чувством душевной горечи, легкой степенью скорби и устойчивой грустью; сопровождается снижением активности, утратой интереса к внешнему миру и погружением в себя;

TRISTESSE семема-1:

Денотативный макрокомпонент: эмоция, вариативная длительность переживания, повышенная интенсивность негативного состояния / характеризуется чувством общего уныния морального страдания, отчаяния и беспомощности, проявляется в виде плача, потери аппетита или потери жизненных сил.

Семный конкретизатор является важным понятием в семантике (в нашем случае семные конкретизаторы *умеренная*, *повышенная*). Он представляет собой элемент, который помогает уточнить или конкретизировать определенный семантический признак (в нашем случае «интенсивность негативного состояния»). В узком смысле, семный конкретизатор можно рассматривать как «семантический «остаток», выделяющийся в семе за вычетом семантического признака» (Стернин 2006, с. 44), который остается после выделения базового семантического признака в семе.

В табл. 1 представлено сопоставление значений исследуемых лексических единиц, например:

Таблица 1

Сопоставление значений лексических единиц ПЕЧАЛЬ семема-1 и TRISTESSE семема-1

ПЕЧАЛЬ семема-1	TRISTESSE семема-1
Д. / МАКРОКОМПОНЕНТ <i>эмоция,</i> <i>вариативная длительность</i> <i>переживания,</i> <i>умеренная</i> <i>интенсивность негативного состояния,</i> <i>характеризуется</i> <i>чувством душевной горечи,</i> <i>легкой степенью скорби и устойчивой</i> <i>грустью;</i> <i>сопровождается</i> <i>снижением активности,</i> <i>утратой интереса к внешнему миру</i> <i>и погружением в себя;</i> К. / МАКРОКОМПОНЕНТ неоценочное, неэмоциональное; Ф. / МАКРОКОМПОНЕНТ межстилевое, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное, политкорректное, тонально-нейтральное.	Д. / МАКРОКОМПОНЕНТ <i>эмоция,</i> <i>вариативная длительность</i> <i>переживания,</i> <i>повышенная</i> <i>интенсивность негативного состояния,</i> <i>характеризуется</i> <i>чувством общего уныния, морального</i> <i>страдания,</i> <i>отчаяния и беспомощности,</i> <i>проявляется</i> <i>в виде плача,</i> <i>потери аппетита или</i> <i>потери жизненных сил;</i> К. / МАКРОКОМПОНЕНТ неоценочное, неэмоциональное; Ф. / МАКРОКОМПОНЕНТ межстилевое, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное, политкорректное, тонально-нейтральное.

Как видно из табл. 1, семантические ядра в структурах обеих семем при совпадающих денотативных семантических признаках значения, а именно: *эмоция, длительность переживания, негативное состояние*, – имеют различие по степени проявления градуального семантического признака *«интенсивность негативного состояния»*, что отмечено в описании лексических единиц разными семыми конкретизаторами: *умеренная* и *повышенная*.

Жирным шрифтом в описании этой пары отмечены дифференциальные семы денотативного макрокомпонента: «характеризуется **чувством душевной горечи, легкой степенью скорби и устойчивой грустью;** сопровождается **снижением активности, утратой интереса к внешнему миру и погружением в себя**» – «характеризуется **чувством общего уныния, морального страдания, отчаяния и беспомощности,** проявляется **в виде плача, потери аппетита или потери жизненных сил**». Помимо общей негативности, следует отметить, что лексическая

единица TRISTESSE семема-1 обладает более яркими и усиленными дифференциальными признаками денотативного макрокомпонента.

Сопоставляемые лексические единицы тождественны по всем семам коннотативного и функционального макрокомпонентов, а именно: неоценочное, неэмоциональное // межстилевое, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное, политкорректное, тонально-нейтральное.

Таким образом, результаты нашего исследования позволяют сформулировать следующие выводы:

- В отношении вербализации эмоции ПЕЧАЛЬ на русском и французском языках можно отметить некоторые различия в семантике значений лексических единиц ПЕЧАЛЬ семема-1 и TRISTESSE семема-1;

- Лексическая единица TRISTESSE семема-1 во французском языке обладает более выраженной степенью интенсивности и яркости в национальном представлении, по сравнению с лексической единицей ПЕЧАЛЬ семема-1 в русском национальном представлении;

- Предлагаемая методика выявления национальной специфики значений лексических единиц позволяет объективно и информативно сопоставить переводные соответствия из аналогичных лексико-семантических групп в разных языках.

Литература

1. Dictionnaire de la langue française, par É. Littré [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.littre.org/definition/tristesse> (Дата обращения: 15.11.2023).
2. Dictionnaire Français en Ligne – Larousse [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/tristesse/79816> (Дата обращения: 15.11.2023).
3. Encyclopédie Universelle [Электронный ресурс]. – URL: https://encyclopedie_universelle.fr-academic.com/73796/tristesse (Дата обращения: 15.11.2023).
4. La tristesse: causes et solutions [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.passeportsante.net/fr/Maux/Symptomes/Fiche.aspx?doc=tristesse-symptomes> (Дата обращения: 15.11.2023).
5. Larousse. Dictionnaire de Français Compact. - Paris : Larousse, 2005.
6. Qu'est-ce que la tristesse? [Электронный ресурс]. – URL: <https://fra.awordmerchant.com/tristeza> (Дата обращения: 15.11.2023).
7. Каналаш О. П. Национальная картина мира как компонент лингвистического исследования. – Lingua Mobilis. – 2012. – № 6 (39). – С. 70-73.
8. Лейбин В. М. Словарь-справочник по психоанализу. 3-изд. – М.: Московский институт психоанализа – Когито-Центр, 2020.
9. Маклакова Е. А. Теоретические принципы семной семасиологии и лексикографическое описание языковых единиц (на материале наименований лиц русского и английского языков): дисс. ... д-ра филол. наук. – Воронеж, 2013.
10. Немов Р. С. Психологический словарь. – М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2007.
11. Психологическая энциклопедия [Электронный ресурс] – URL: <https://vocabulary.ru/termin/pechal.html> (Дата обращения: 15.11.2023).

12. Словарь русского языка: В 4-х т./ Под ред. А. П. Евгеньевой. – Т. 3. П - Р. – М., 1987.
13. Стернин И. А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования. – М. «Восток-Запад», 2006.
14. Стернин И. А. Методы исследования семантики слова. – Ярославль: «Истоки», 2013.
15. Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс] – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/935926> (Дата обращения: 15.11.2023).

С.В. Колтакова, Н.А. Неровная

Сопоставительное исследование терминосистемы «Пилотажно-навигационные приборы» в русском и английском языках

Аннотация: Данная статья посвящена анализу национальной специфики терминосистемы «Пилотажно-навигационные приборы» в русском и английском языках с помощью сопоставительно-параметрического метода.

Ключевые слова: сопоставительно-параметрический метод, терминосистема, военная терминология.

Abstract: The paper deals with the analysis of the national specificity of the term system “Flight-navigation equipment” in the Russian and English languages by means of the comparative-parametric method.

Key words: comparative-parametric method, term system, military terminology.

Проблемы терминологии и профессионального дискурса в целом продолжают вызывать повышенный интерес ученых. Терминологические системы различных областей науки, техники, производства представляют собой результаты научных исследований и их теоретического осмысливания. Поскольку термины «группируются не просто в вольном порядке, а исходя из систематики данной науки или отрасли» (Реформатский 1968, с. 103), их изучение позволяет выявить концептуальное содержание, родовидовые и цело-частные отношения между ними, а также национально-культурную специфику. Большинство исследователей отмечают, что именно принадлежность термина к определенной терминологической системе определяет его специфику и делает его отличным от слов национального языка.

Цель проведенного исследования – выявить и описать национальную специфику терминосистемы «Пилотажно-навигационные приборы» в русском и английском языках.

Отметим, что изучаемая группа терминов является сегментом более крупного терминологического поля «Авиационное оборудование». Выбранная группа терминов получила достаточное освещение в различного рода исследованиях, однако с помощью сопоставительно-параметрического метода исследуется впервые.

Материалом анализа послужили терминологические единицы (слова, словосочетания), обозначающие пилотажно-навигационные приборы, извлеченные методом сплошной выборки из источников, посвященных предметной области «Авиационное оборудование», а также отраслевых словарей.

В целом пилотажно-навигационное оборудование обеспечивает экипаж летательного аппарата данными, необходимыми для выполнения полёта, контролирует его положение относительно Земли и осуществляет навигацию. Нормативные документы определяют данный вид оборудования, как «совокупность измерительных, вычислительных и управляющих систем и устройств и систем отображения информации на борту самолета или вертолета, предназначенных для обеспечения решения задач ручного, автоматизированного, полуавтоматического и автоматического самолетовождения или вертолетовождения от взлета до посадки и выдачи информации потребителям» (ГОСТ 1978).

В выборку не включались лексические единицы, номинирующие приборы, контролирующие работу авиадвигателей (тахометры, манометры, термометры, топливомеры и т.п.), поскольку они формируют отдельную терминологическую группу.

Для анализа терминологических единиц различных профессиональных подъязыков в рамках сопоставительно-параметрического метода был предложен ряд параметров сопоставления, представленных соответствующими индексами (Колтакова 2022, Колтакова, Неровная 2023). Проведенное исследование подтвердило возможность применения следующих параметров для сопоставления одноименных терминосистем в двух языках:

- степень терминологической плотности исследуемых терминосистем;
- степень структурной сложности терминосистем;
- степень темпоральной отнесенности единиц терминосистем;
- степень кодифицированности единиц терминосистем;
- степень аббревиации единиц терминосистем;
- степень структурной сложности единиц терминосистем;
- степень представленности моделей терминологических сочетаний;
- степень семантической близости единиц терминосистем.

Анализ терминологической плотности показал, что терминосистема «Пилотажно-навигационные приборы» в русском языке насчитывает 93 терминологические единицы, в английском – 75 .

Структурная сложность исследуемых терминосистем одинакова: терминосистема как в русском, так и английском языках насчитывает по 5 структурных единиц. Анализ выявленных терминов позволил выделить следующие одноименные подгруппы в обоих изучаемых языках:

1. Наименования дисплейных систем (отображают сигналы от приборов и передают в различные системы летательного аппарата).
2. Наименования систем и приборов измерения параметров полёта (измеряют и вычисляют параметры полёта и преобразуют их в электрические сигналы) (Кузнецов 2021).
3. Наименования приборов измерения пространственного положения и направления полёта (обеспечивают информацию о пространственном положении, курсе, путевой скорости, воздушной скорости и текущем местоположении летательного аппарата).
4. Наименования навигационных систем.
5. Наименования систем и приборов обеспечения посадки и руления.

Поскольку изучаемые группы терминов представлены исключительно актуальными широко используемыми единицами, *индекс современности единиц терминосистем* обоих языков равняется 100%. Аналогично *индекс кодифицированных профессиональных наименований* также равен 100%, поскольку в фокус нашего научного интереса не попали некодифицированные терминологические единицы.

Для изучения степени аббревиации в профессиональном подъязыке нами был введен *индекс аббревиации*, представляющий собой количество аббревиатур к номинативной плотности профессионального языка. Исследование показало, что предложенное определение индекса требует доработки. Представляется рациональным под *индексом аббревиации* понимать количество терминов, представленных общепринятой аббревиатурой к номинативной плотности терминосистемы. Таким образом, индекс аббревиации изучаемых терминосистем равен 33,3% в русском языке (31 единица представлена аббревиатурой: например, *приемник воздушных давлений / ПВД*), 50,6% – в английском (38 аббревиатур: например, *horizontal situation indicator / HIS*). В ходе исследования было выявлено, что в русском языке некоторые термины имеют как русскую, так и английскую аббревиатуру (например, *приемник полного давления / ППД/ Pt*, *приемник статического давления / ПСД/ Ps*), что обусловлено интернационализацией терминов.

Анализ структурной сложности терминов показал, что по количеству компонентов можно выделить однокомпонентные, двух-, трех-, четырех- и пятикомпонентные терминологические единицы. *Индекс однокомпонентности* терминов в русском языке равен 9,67% (9 однокомпонентных терминов), в английском – 10,66% (8); *индекс двухкомпонентности* в русском языке составляет 21,5% (20 двухкомпонентных термина), в английском – 38,67% (29); *индекс трехкомпонентности* в русском языке равен 40,87% (38 трехкомпонентных терминов), в английском – 36% (27); *индекс четырехкомпонентности* в русском языке насчитывает 13,98% (13 четырехкомпонентных терминов), в английском – 9,33% (7); *индекс*

пятикомпонентности в русском языке насчитывает 5,38% (5 пятикомпонентных терминов), в английском – 1,33% (1). Отметим также, что в исследуемой русской терминосистеме найдены также терминологические единицы представленные шестью и восьмью компонентами.

Анализ степени представленности моделей терминологических сочетаний показал, что в русском языке единицы изучаемой терминосистемы имеют следующий состав:

- 1) существительное + существительное (*система метеолокации*)
 - 2) прилагательное + существительное (*навигационный дисплей*)
 - 3) существительное + существительное + существительное (*система измерения дальности*)
 - 4) прилагательное + существительное + существительное (*комбинированный указатель скорости*)
 - 5) прилагательное + существительное + прилагательное + существительное (*информационный комплекс высотно-скоростных параметров*)
 - 6) прилагательное + существительное + существительное + существительное (*многофункциональная система распределения информации*)
 - 7) прилагательное + прилагательное + существительное (*специализированное сигнальное табло*)
 - 8) существительное + прилагательное + существительное (*датчик угловой скорости*)
 - 9) прилагательное + прилагательное + существительное + прилагательное + существительное (*бортовая инфракрасная система переднего обзора*)
 - 10) существительное + существительное + существительное + существительное (*датчик угла атаки и скольжения*)
 - 11) существительное + прилагательное + существительное + существительное (*система автоматического управления полетом*)
 - 12) существительное + существительное + прилагательное + существительное (*система регистрации параметрической информации*)
 - 13) прилагательное + прилагательное + прилагательное + существительное (*глобальная навигационная спутниковая система*)
 - 14) существительное + прилагательное + прилагательное + существительное (*система всенаправленного и маркерного радиомаяков*)
- Терминосистема «Пилотажно-навигационные приборы» в английском языке представлена следующими моделями терминологических сочетаний:
- 1) существительное + существительное (*flight deck*)
 - 2) прилагательное + существительное (*directional gyroscope*)
 - 3) существительное + существительное + существительное (*mode control panel*)

- 4) прилагательное + существительное + существительное (*primary flight display*)
- 5) прилагательное + существительное + прилагательное + существительное (*very-high frequency omnidirectional range*)
- 6) прилагательное + существительное + существительное + существительное (*multifunctional information distribution system*)
- 7) прилагательное + существительное + предлог + существительное (*multifunctional head down display*)
- 8) причастие + существительное + существительное (*dedicated warnings panel*)
- 9) прилагательное + причастие + существительное + существительное (*electronic centralized aircraft monitoring*)
- 10) существительное + предлог + существительное + существительное (*angle of attack indicator*)
- 11) причастие + существительное (*GPS-driven computer*)
- 12) предлог + существительное (*TO/FROM indicator*)

Стоит отметить, что количество моделей терминологических сочетаний в двух языках отличается незначительно (14 и 12), при этом 6 из них (выделены в перечне жирным шрифтом) полностью совпадают по составу, однако в английской терминосистеме, в отличие от русской, в их образовании участвуют предлоги и причастия.

В связи с большим количеством выявленных моделей терминологических словосочетаний (14 в русском и 12 в английском) представляется нецелесообразным рассчитывать индекс субстантивно-субстантивной модели образования терминологических сочетаний, индекс адъективно-субстантивной модели образования терминологических сочетаний и т.д. На наш взгляд рационально предложить интегральный индекс представленности моделей терминологических сочетаний, который представляет собой отношение общего количества моделей терминологических словосочетаний к общему количеству терминов (терминологической плотности). Для русской изучаемой терминосистемы данный индекс равен 15,05%, для английской – 16%.

Анализ единиц изучаемых терминосистем показал, что в русском языке выявлено 11 пар синонимов (*приборная доска / приборная панель; указатель воздушной скорости/вариометр*), в английском – 7 (*heading indicator / directional gyro; gyroscopic pitch-bank / artificial horizon*). Следовательно, индекс семантической близости единиц терминосистемы в русском языке составляет 11,82%, в английском – 9,33% (Чернова 2006);

На этапе шкалирования для оценки степени выраженности национальной специфики изучаемых терминосистем применялись шкалы оценки степени проявления национальной специфики Колтаковой С.В. – Деркач С.И. (Деркач 2011) и оценки степени выраженности национальной

специфики Колтаковой С.В. – Деркач С.И. (Деркач 2011). Результаты исследования представлены в следующей таблице:

Таблица 1.

Параметр сопоставления	Термино-система в русском языке	Термино-система в английском языке	Разница в показателях	Характер национально-специфических различий
индекс современности	100%	100%	0	несущественные
индекс кодифицированности	100%	100%	0	несущественные
индекс аббревиации	33,3%	50,6%	17,3%	существенные
индекс однокомпонентности	9,67%	10,66%	0,99%	несущественные
индекс двухкомпонентности	21,5%	38,67%	17,17%	существенные
индекс трехкомпонентности	40,87%	36%	4,87%	видимые
индекс четырехкомпонентности	13,98%	9,33%	4,65%	видимые
индекс пятикомпонентности	5,38%	1,33%	4,05%	видимые
интегральный индекс представленности моделей терминологических сочетаний	15,05%	16%	1,05%	видимые
индекс семантической близости единиц терминосистемы	11,82%	9,33%	2,49%	видимые

Отметим, что отношение показателей еще двух параметров, представленных абсолютными цифрами, (терминологическая плотность и структурная сложность терминосистемы) свидетельствует о *заметных* и *несущественных* национально-специфических различиях соответственно.

В целом, из 12 использованных нами формализованных параметров по пяти из них были выявлены *видимые* национально-специфические различия, по четырем – *несущественные*, по трем – *существенные* и по одному – *заметные*. Преобладание *видимых* и *несущественных* национально-специфических различий свидетельствует о *неярко выраженной* национальной специфике изучаемых терминосистем.

Подводя итог, отметим, что проведенное исследование позволило не только определить степень выраженности национальной специфики терминосистемы «Пилотажно-навигационные приборы» в русском и английском языках, но и уточнить содержание *индекса аббревиации*, а

также ввести в лингвистический обиход интегральный индекс представленности моделей терминологических сочетаний.

Литература

1. Гост 22837-77 «Оборудование самолетов и вертолетов пилотажно-навигационное бортовое. Термины и определения». – Государственный комитет стандартов совета министров СССР. – Москва. 1978.
2. Деркач С.И. Аспекты национальной специфики языка (на примере тематической группы «Политика» в русском и английском языках): автореф. дисс. ...канд. филол. наук. – Воронеж, 2011.
3. Колтакова С.В. Сопоставительно-параметрический метод в изучении профессиональных языков // Сопоставительные исследования 2022. – Вып.19. – Воронеж: «РИТМ», 2022. – С. 7–12.
4. Колтакова С.В., Неровная Н.А. Сопоставительно-параметрический метод в изучении терминов // Сопоставительные исследования 2023. – Вып. 20. – Москва: Издательство ООО «РИТМ: издательство, технологии, медицина», 2023. – С. 8-12.
5. Кузнецов С.В. Приборные системы авионики. Пилотажно-навигационное оборудование: учебное пособие. – М.: ИД Академии Жуковского, 2021.
6. Реформатский А.А. О перекодировании и трансформации коммуникативных систем //Исследование по структурной типологии. – М., 1963. – С.208-215.
7. Чернова Н.И. Национальная специфика тематической группы лексики (на материале наименований зданий и помещений в русском и английском языках): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2006.

И.А. Меркулова

Прилагательные в лексических ядрах славянских языков в сопоставительном аспекте

Аннотация: Статья содержит анализ прилагательных, вошедших в большие параметрические ядра славянских языков, выделенные квантитативными методами.

Ключевые слова: прилагательное, параметрическое ядро, славянские языки.

Abstract: The paper contains the analysis of adjectives, included in the large parametric core of Slavic languages, identified by quantitative methods.

Key words: adjective, parametric core, Slavic languages.

Категоризация действительности и членение внешнего мира, осуществляемые с помощью языка, наиболее ярко отражается в лексике этого языка. Именно лексические данные предоставляют наиболее дифференцированный и количественно богатый материал для изучения межъязыковых связей. В то же время именно лексический материал в силу разнородности, многообразия и объемности представляет собой «трудный» объект для анализа и сопоставления.

Возможным выходом из сложившейся ситуации можно считать метод, предложенный В.Т. Титовым (Титов 2002, 2004) и использованный для

создания нового раздела сопоставительной лексикологии – лексической нуклеологии (Меркулова 2018). Лексическая нуклеология разрешает противоречие между потенциальной безграничностью лексики и реальной необходимостью её ограничения при типолого-сопоставительном исследовании лексики языков обращением к параметрическому ядру лексики (большому или малому). Под малым параметрическим ядром лексики понимается множество лексем, имеющих параметрический вес по всем четырем параметрам (функциональному, синтагматическому, эпидигматическому, парадигматическому). Для большого параметрического ядра (БПЯЛ) достаточно, чтобы у лексемы были высокие показатели не менее чем по трем параметрам.

Объектом данного исследования являются большие параметрические ядра 14 славянских языков, предметом исследования – количество и качество содержащихся в этих ядрах аффективных лексем.

По мнению З.А. Харитончик, именно в сфере имен прилагательных видна анализирующая и абстрагирующая когнитивная деятельность человека (Харитончик 1986). Имя прилагательное как часть речи является отражением своеобразия лингвокреативного мышления народа, в связи с этим семантика аффективных лексем является неисчерпаемым ресурсом для лингвистического изучения (Карпенко 2022).

Для определения универсальных признаков, объединяющих славянские языки, сначала необходимо методом параметрического анализа словаря определить большое лексико-семантическое ядро для каждого из славянских языков.

Размерность больших параметрических ядер славянских языков, полученных по лексикографическим источникам указывается в таблице 1.

Таблица 1. Размерность БПЯЛ славянских языков

№	ЯЗЫКИ	Кол-во слов
1	Белорусский	554
2	Болгарский	154
3	Верхнелужицкий	141
4	Кашубский	395
5	Македонский	669
6	Нижнелужицкий	194
7	Польский	426
8	Русский	229
9	Сербский	312
10	Словацкий	702

11	Словенский	163
12	Украинский	302
13	Хорватский	345
14	Чешский	281

Поскольку в славянских языках лексическая семантика не может быть выражена вне частеречного оформления, интересно посмотреть, как распределяются элементы лексического ядра по этому основанию и какое место в них занимают адъективные лексемы.

На первом этапе исследования были определены квантитативные характеристики – доля имен прилагательных в БПЯЛ каждого славянского языка.

Адъективная лексика представлена в ядрах всех славянских языков, но не является частотной лексикой ядра. Средний показатель данной лексики в ядре – 12,4%. Наибольший процент её представленности характеризует ядро словенского языка (22%), а наименьший – украинского (3%).

Рассмотрим содержательное наполнение адъективных лексем и выясним сходства и различия в ядерных признаках внутри славянского континуума.

Анализируя с лексико-семантической точки зрения материал малых ядер трех языков (русского, английского и турецкого), З.К. Дербишева предлагает пользоваться понятием когнитивно-семантический блок и выделяет блок под названием «Атрибутивные признаки» (Дербишева 2021).

Основное назначение прилагательных состоит в выражении разного рода признаков, характеристик и свойств объектов. В нашем материале мы обнаружили признаки, важные для всех или большинства славянских языков, признаки уникальные, характеризующие лишь параметрическое ядро одного языка и наконец, признаки-экслюзены, характеризующие ядра двух языков.

Как показало исследование, обнаружить адъективы, которые были бы характерны для ядер всех 14 славянских языков, т.е. универсальные признаки, не удалось. Лишь восемь из четырнадцати языков имеют в своих параметрических ядрах одинаковые прилагательные. Какие же признаки они обозначают? *Хороший, плохой, красивый!*

В ядрах семи языков встречаются: *крепкий, тяжёлый, живой, сухой, слабый, злой, прямой*.

В ядрах шести языков обнаруживаются: *домашний, мелкий, тонкий, чистый, острый, добрый, большой, полный, ясный, кривой*.

Для пяти языков характерны: *больной, готовый, длинный, сердитый, твердый, целый, пустой, правый, общественный, голый, чужой, глупый, узкий, лёгкий, чёрный, открытый, жидкий*.

В ядра четырех языков попали: *гладкий, толстый, быстрый, бедный, несчастный, слепой, сильный, мягкий, простой, белый, битый, сытый, старый, свежий, ровный, сырой*.

В ядрах трёх языков оказались: *свободный, молодой, горький, широкий, жирный, красный, кровяной, последний, удобный, глухой, хромой, здоровый, суровый, нежный, дорогой, жалкий, задний, общий, тихий, тупой, высокий, святой, золотой, горячий, средний, настоящий, сладкий, сырый, тайный*.

И, наконец, в парах языков встречаются следующие признаки: *верхний, честный, личный, гордый, глубокий* (польский-словацкий); *средний, потный, зелёный, взрослый* (македонский-белорусский); *мирный, ложный, военный* (сербский-хорватский); *невиновный, мощный, вечный* (словацкий-белорусский); *страшный, современный* (словенский-хорватский); *тусклый, другой* (словенский-словацкий), *благородный, бодрствующий* (словенский-сербский); *противный, согласный* (русский-кашубский); *приятный, аккуратный* (словацкий-нижнелужицкий); *дикий, склонный* (македонский-кашубский); *густой, синий* (белорусский-хорватский); *иностранный, ручной* (македонский, сербский); *строгий* (словенский-македонский); *противоположный* (польский-кашубский); *неизвестный* (русский-белорусский); *боковой* (словацкий-македонский); *достойный* (словацкий-украинский); *крутоий* (словацкий-чешский); *официальный* (словацкий-сербский); *дальний* (словацкий-македонский); *короткий* (белорусский-кашубский); *ледяной* (русский-хорватский).

Семантика ядерных адъективных лексем позволяет выделить в качестве наиболее важных для славянских языков следующие основные признаки:

1) физические характеристики объектов действительности: *живой, мертвый, слабый, сухой, полный, больной, твердый, лёгкий, крепкий, острый, жидкий*;

2) оценка физического состояния объекта: *чистый, ясный, готовый, целый, пустой, голый, открытый*;

3) внешние признаки, среди которых: вес (*тяжелый*), размер (*мелкий, тонкий, большой, узкий*), форма (*прямой, кривой, длинный*), расположение (*правый*), цвет (*чёрный*);

4) чувства и эмоции (*злой, добрый, сердитый, домашний*);

5) абстрактные свойства (*общественный, чужой*);

6) интеллект (*глупый*).

Как видим, в ядрах славянских языков атрибутивные функции связаны с характеристиками объективных, наблюдаемых признаков предметов. Обозначение чувств, эмоций и интеллектуальных признаков характерно в меньшей степени. Не востребованными оказались и пространственные значения. Из колоративов в большинстве ядер представлен чёрный цвет.

Примечательно, что основные признаки присутствуют в ядре в виде антонимических пар, подтверждая мысль о том, что противопоставление

является одной из фундаментальных категорий в освоении мира, а антонимия является одним из существенных явлений лексико-семантической системы языка. В свое время Ш. Балли видел в антонимических противопоставлениях проявление природной склонности человеческого ума (Балли 1961).

Анализируя семантику параметрических ядер славянских языков, мы отмечали вхождение в ядро слов-синонимов и предлагали называть их эмфаземами (Меркулова 2012). Среди лексем-прилагательных они также встречаются в некоторых ядрах, что свидетельствует об особой важности именно этого признака для данного языка. Например, в ядре словенской лексики подчеркиваются такие признаки, как ‘крепкий, здоровый’ (*jeder* и *čil*), ‘быстрый’ (*hiter* и *isker*), в ядре словацкой лексики – ‘отдельный, особый’ (*zvláštny* и *osobitný*) и ‘серый’ (*šedivý* и *sivý*), в ядре чешской лексики – ‘грубый’ (*hřubý* и *drsný*) и ‘красивый’ (*pekný* и *krasný*), в ядре кашубской лексики – также ‘красивый’ (*prjäkny* и *snōži*) и ‘седой’ (*sévy* и *mrozati*). Ядро польской лексики имеет эмфаземы, связанные с локализацией и ориентацией: ‘передний’ (*czółowy* и *przedni*), ‘противоположный, обратный’ (*przeciwny* и *powrotny*), ‘гордый, спесивый, надменный’ (*hardy* и *pyszny*). В македонском ядре обнаруживается особый интерес к ‘сладкому’ (сладок и благ) и ‘домашнему’ (домашен, куќен и питом (о животных)). Одна эмфазема зафиксирована в ядре сербского языка – ‘военный’ (војни и ратни) и хорватского языка – ‘общественный’ (*društven* и *javní*). Наибольшее же количество эмфазем имеется в параметрическом ядре лексики белорусского языка: ‘большой’ (вялікі и здаровы), ‘холодный’ (халодны и свежы), ‘плохой’ (злы, слабы, дрэнны, благі), ‘отважный’ (смелы и бойкі). В других славянских ядрах эмфазем среди прилагательных не обнаружено.

И наконец, параметрическое ядро лексики языка может включать уникалии – значения, встречающиеся только в каком-либо одном параметрическом ядре. Среди признаковых отметим следующие: ‘бесплодный’, ‘дополнительный’, ‘блестящий’, ‘едкий’, ‘одинаковый’, ‘бешеный’, ‘пугливый’, ‘мгновенный’ (словенское ядро); ‘передвижной’, ‘дисциплинированный’, ‘годичный’, ‘нечёткий’ (польское ядро), ‘милый’, ‘кровный’ (русское ядро), ‘проходной’, ‘собачий’, ‘восточный’, ‘крутыЙ’, ‘полезный’, ‘умеренный’, ‘послушный’ (верхнелужицкое ядро), ‘согнутый’, ‘капризный’ (болгарское ядро), ‘голодный’, ‘второстепенный’, ‘годный’, ‘лиловый’, ‘должный’, ‘блудливый’, ‘фальшивый’, ‘круглый’, ‘железный’, ‘грешный’, ‘воздушный’, ‘отрицательный’, ‘упрямый’, ‘знакомый’, ‘независимый’, ‘перелётный’, ‘натуральный’, ‘справедливый’ (словацкое ядро), ‘численный’, ‘усталый’, ‘серебряный’, ‘комолый’, ‘словесный’, ‘стеклянный’, ‘проклятый’, ‘боевой’, ‘громкий’, ‘монтажный’, ‘хлопковый’, ‘тягучий’, ‘кованый’, ‘тройной’, ‘адский’, ‘возможный’, ‘городской’ (македонское ядро), ‘терпкий’, ‘карий’,

‘поездной’, ‘необходимый’ (сербское ядро), ‘модный’, ‘опытный’, ‘решительный’ (чешское ядро), ‘буйный’, ‘безжалостный’, ‘тугой’, ‘лысый’, ‘жёлтый’ (белорусское ядро), ‘человеческий’, ‘внезапный’, ‘женский’, ‘куриный’, ‘утренний’, ‘стойкий’, ‘ветреный’, ‘кошачий’, ‘вороний’, ‘корабельный’ (кашубское ядро), ‘мирный’, ‘истрёпанный’, ‘письменный’, ‘пригласительный’, ‘физический’, ‘успешный’, ‘рачий’, ‘ученический’, ‘пехотный’, ‘козий’, ‘утиный’ (хорватское ядро).

Таким образом, методами квантитативной лингвистики мы выявили основные признаки, играющие важную роль в языковой картине мира славянских народов, определили совпадения внутри лексических ядер славянских языков и обнаружили уникальные адъективные значения.

Литература

1. Балли Ш. Французская стилистика. – М.: ИЛ, 1961.
2. Дербишева З.К. От параметрического анализа лексики к языковой картины мира // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2021. – № 1. – С. 19-31.
3. Карпенко И.С. Национальная специфика семантом русской и английской адъективной лексики: дис... канд. филол. наук – Воронеж, 2022..
4. Меркулова И.А. Уникальное в лексических ядрах славянских языков // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2012. – № 1. – С. 160-164.
5. Меркулова И.А. Лексическая нуклеология славянских языков: дис... доктора филологических наук. – Тверь, 2018.
6. Титов В. Т. Общая квантитативная лексикология романских языков. – Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2002.
7. Титов В. Т. Частная квантитативная лексикология романских языков. – Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2004.
8. Харитончик З.А. Имена прилагательные в лексико-грамматической системе современного английского языка. – Минск, 1986.

Е.В. Нагайцева

Ненормативные этнонимы ксенофобского дискурса: сопоставительные аспекты словарного описания

Аннотация: В статье в сопоставительном аспекте рассматриваются ненормативные этнонимы, привлекается практика словарного описания ксенофобского дискурса.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, оскорбление, ксенофобский дискурс, коннотации.

Abstract: The paper discusses non-normative ethnonyms in a comparative aspect, and draws on the practice of dictionary description of xenophobic discourse.

Key words: linguistic expertise, insult, xenophobic discourse, connotations.

Новейшая лексикография вносит существенный вклад в изучение коммуникационных процессов в полиэтнических и мультикультурных

реалиях современного общества, в котором фиксируются разнонаправленные тенденции от толерантного признания социального и культурного многообразия до полного отрицания всего «чужого», ксенофобии и интолерантности.

Практика современных российских СМИ показывает, что, являясь частью общества, журналисты часто концентрированно выражают стереотипы массового сознания, распространяя, с одной стороны, терпимость, а с другой стороны, озлобленность и неполиткорректность в отношении определенных этнических групп. Журналист выступает как личность и как представитель определенного социума, в котором сформировались предубеждения, установки по отношению к «чужим». Он вынужден занять определенную позицию, в которой отражается как его собственное мнение, так и мнение социальной группы, с которой он себя отождествляет. Трансляция этого мнения на массовую аудиторию является значимым фактором формирования общественных настроений.

Учеными О.С. Иссерс и М.Х. Рахимбергеновой были проанализированы статьи таких общероссийских периодических изданий, как «Аргументы и факты», «Российская газета», «Труд», «Московский комсомолец», «Комсомольская правда» и некоторых других изданий. Выбор источников был обусловлен лояльностью издания к государственной политике и идеологии и большой читательской аудиторией. Таким образом, в поле зрения попали не крайние идеологические издания, в которых ксенофобия является компонентом политической позиции, а те, которые отражают актуальную повседневную практику российских СМИ. В соответствии с задачами выборка осуществлялась на основе тематики статей, посвященных проблемам взаимоотношений с «чужими». «Тематика определялась, согласно теории макроструктур, по заголовкам и вводкам (leads), где субъективно выделяется наиболее актуальная часть сообщения» (Иссерс, Рахимбергенова 2007, с. 91). Исследование позволило авторам выделить в денотате «этнически чужой» пять сигнifikативных компонентов, выражаемых определенными лексическими единицами: 1) иной национальности (*инородцы, лица азиатской или кавказской национальности, азеры*); 2) с иной внешностью и характерологическими чертами (*темнокожие, человек нетитульной наружности, люди «с восточным акцентом»*); 3) с иной территории (*парни с юга, нелегалы, выходцы с Поднебесной, иммигранты, приезжие, трудовые мигранты, гастарбайтеры*); 4) с низким интеллектом и уровнем культуры (*чурбаны, чурки*); 5) «чужой» (*чужак*).

Опираясь на выявленные учеными сигнifikативные компоненты, мы составили список из 27 ненормативных этнонимов, в содержании которых фигурируют эти признаки. В список вошли следующие обозначения людей по их принадлежности к тому или иному этносу или той или иной национальной группе: *азер, америкашка, американос, армяшка, жид*,

жиденок, жидовка, итальянка, кацап, китаеза, лягушатник, макаронник, негритос, немчура, татарва, узкоглазый, хач, хачик, хохол, чернота, черный, чурбан, чурек, чурка, чучмек, чучмечка, япошка. В семантике каждой из указанных единиц присутствует негативный оценочный компонент, но его интенсивность и конфликтогенность представлена по-разному.

При изучении тональности микроконтекстов, в которых могут появиться указанные обозначения людей, целесообразно использовать сопоставительно-параметрический метод, в частности, разработанный в его рамках *индекс словарной фиксации семы*, определяемый как «сумма фиксаций каждой семы во всей совокупности дефиниций в проанализированных словарях и призванный определить яркость соответствующих сем в языковом сознании носителей языка с точки зрения лексикографов» (Стернина 2014, с. 52).

Исследуемые нами ненормативные этнонимы фиксировались тремя словарями: Большим словарем русского жаргона (СПб., 2001), Большим словарем русской разговорной экспрессивной речи (СПб., 2004) и Толковым словарем русской разговорной речи (М., 2014-2022) (далее – ТСРРР), то есть нами были проанализированы словари трех лексикографических источников.

Максимальный индекс 3 получили следующие этнонимы: *азер, китаеза, макаронник, хачик, чернота, чурка, чучмек*. Индекс 2 был присвоен таким словам: *америкашка, американос, армянка, жид, жиденок, жидовка, итальянка, кацап, лягушатник, негритос, татарва, хач, хохол, черный*. Самый низкий индекс 1 получился у лексем: *немчура, узкоглазый, чурбан, чурек, чучмечка, япошка*. И хотя все указанные лексемы зафиксированы тремя лексикографическими изданиями с единообразным денотативным значением («обозначение людей по их принадлежности к какому-либо этносу или национальной группе»), описание коннотативного компонента значения у составителей словарей зачастую не совпадало, что свидетельствует о том, что семантическая и pragматическая дифференциация лексем еще недостаточно проработана.

Несовпадение мнений авторов словарей при стилистической характеристике лексем может быть связано с различными установками составителей словарей, с разным иллюстративным материалом, наконец, со стилистическими сдвигами при эволюции значений слов, которые словари, выходившие в разное время (в первое десятилетие – 2001-2004 годы; затем спустя десять лет появились выпуски ТСРРР, последний том которого был опубликован в 2022 году) в силу объективных причин не могли зафиксировать.

Сопоставительный анализ помет, сопровождающих ненормативные этнонимы, позволяет сделать следующие выводы: во-первых, в каждом словаре приводится информация о принадлежности лексемы какому-либо

регистру речи (например, жаргонное, разговорное или просторечное), а также оценивается эмоциональная окраска этнонима; во-вторых, характер помет и распределение лексем по группам со сходными стилистическими маркировками в лексикографических источниках не совпадают.

При необходимости провести лингвистическую экспертизу спорного текста, когда в компетенцию лингвиста «входит установление наличия или отсутствия речевых актов оскорблений по отношению к какой-либо группе лиц, объединенных на основе расовых, религиозных, социальных признаков, а также установление наличия или отсутствия образа врага по какому-либо из названных признаков» (Стернин и др. 2013, с. 17), эксперту приходится использовать несколько словарей, проводя своеобразный социолингвистический эксперимент, в котором испытуемыми выступают составители словарей.

Приведем результаты сопоставительного анализа лексикографического описания эмоционального компонента значения выбранных нами 27 ненормативных этнонимов.

В Большом словаре русского жаргона (СПБ., 2001) зафиксированы 11 лексем, они группируются на основании интегративных коннотативных сем с эмоциональными характеристиками «пренебрежительное» (*азер, кацап, хач, хачик, чернота, чурка, чучмек*) и «шутливое» (*китаэза, макаронник, негритос*) в две группы; лексема *америкос* стоит особняком, поскольку не имеет эмоциональных коннотаций и содержит помету «из речи мажоров».

В Большом словаре русской разговорной экспрессивной речи (СПб., 2004) зафиксировано 19 ненормативных этнонимов из нашего списка, самая большая группа интегрируется эмоциональной семой «уничижительное»: *азер, америкашка, армяшка, жид, жиленок, жидовка, итальянка, кацап, китаэза, лягушатник, макаронник, хохол, чернота, черный, чурка, чучмек*; еще две лексемы объединены оценочной семой «пренебрежительное»: *немчура, хачик*; в группу с коннотацией «бранное» входит лексема *татарва* наряду с пятью этнонимами из первой группы: *жид, жиленок, жидовка, чернота, чурка*, поскольку стилистическая помета может включать несколько эмоциональных характеристик. Самыми «нагруженными» лексемами в анализируемом словаре под редакцией В.В. Химика оказались пять этнонимов с пометами «уничижительное, вульгарное, бранное» (*жид, жиленок, жидовка*); «уничижительное, грубое, бранное» (*чернота*) и «уничижительное, презрительное и бранное» (*чурка*). Этнонимы *лягушатник, макаронник, хачик и хохол* объединяются в дополнительную группу по семантическому компоненту «насмешливое», что свидетельствует о намерениях составителя словаря отразить влияние речевой ситуации и в целом pragматических факторов на семантику слова.

В Толковом словаре русской разговорной речи (М., 2014-2022) отсутствуют только два ненормативных этнонаима из нашего списка: *кацап*

и *немчура*. Многочисленная группа объединяется коннотативной семой «пренебрежительно»: *азер, америкашка, американос, итальяшка, китаеза, макаронник, негритос, узкоглазый, хач, хачик, хохол, чурек, чурбан, чурка чучмек, чучмечка*; вторая группа имеет интегративную сему «презрительно»: *армяшка, жид, жиденок, жидовка, татарва, чернота, черный*. Ненормативные этнонимы *лягушатник* и *япошка* имеют одинаковую стилистическую помету «сниженное, уничижительное». Составители словаря комментируют стилистическую помету «бранное слово» следующим образом: «это несомненно оскорбление личности, личного достоинства человека (в отличие от слов с пометами «грубое, неодобрительно, пренебрежительно, уничижительно»)» (TCP PPP-1, с. 23). Эта помета объединяет ненормативные этнонимы *жид, жиденок, жидовка*, в словарных статьях которых присутствует информация о pragmatischen Eigenschaften dieser LEXEMEN: «употребление слова *жид* и его однокоренных характерно для речевой практики антисемитов» (TCP PPP-1, с. 556).

Толковый словарь русской разговорной речи является первоходцем во включении в структуру словарной статьи pragmatischer информации о слове. В комментариях к словарнику сказано, что принципиально возможны четыре типа комментирования слова под пометой PRAGM: 1) сведения о контекстных или ситуативных условиях употребления слова; 2) сведения об отношениях между участниками ситуации, обозначаемой данным словом; 3) сведения об исключительном или преимущественном употреблении слова в той или иной социальной среде; 4) сведения об активном употреблении слова в определенный период функционирования русского языка и жизни российского общества. Вопрос о характере отражения pragmatischen Aspekten в лексикографии является дискуссионным. Даже в понимании объемов pragmatischer информации при лексикографическом представлении языковых единиц наблюдаются разнотечения, например, Ю.Д. Апресян определяет pragmatiku следующим образом: «...закрепленное в языковой единице (лексеме, аффиксе, граммеме, синтаксической конструкции) отношение говорящего к действительности, к содержанию сообщения, к адресату» (Апресян 1995, с. 136). Л.П. Крысин в целом соглашается с таким пониманием pragmatischen Komponenten в Semantik языковой единицы, но считает важным уточнить, что для лексем правило «закрепленность в языковой единице» не актуально, поскольку «такая информация ... находится вне содержательной структуры слова» и касается «ситуативных, социальных и иных условий употребления слова» (Крысин 2015, с. 338).

Прагматический блок с информацией, что «слово употребляется преимущественно в речевой практике националистически настроенных носителей русского языка» (TCP PPP-1, с. 40) включен в словарные статьи следующих 13-ти ненормативных этнонимов: *азер, армяшка, татарва,*

узкоглазый, хач, хачик, чернота, черный, чурбан, чурек, чурка, чучмек, чучмечка. Такого рода справочная информация является серьезным подспорьем как для рядового носителя русского языка, так и для представителей разных профессий, работающих со словом, например, журналистов и лингвистов, проводящих лингвистическую экспертизу текстов.

Практика обращения к новейшим лексикографическим изданиям позволит избежать некомпетентных решений при проведении лингвистической экспертизы. Напомним громкое дело, о котором в августе 2009 года сообщило электронное средство массовой информации «Фонтанка.ру»: эксперт Северо-Западного регионального центра судебной экспертизы Елена Кирюхина не смогла однозначно определить, являются ли фразы: «Россия для русских!» и «Бей черных, бей хачей!» националистическими лозунгами (Фонтанка.ру). Отметим, что прагматический блок в словарной статье ненормативного этнонима *хач* содержит информацию о ксенофобских и националистических интенциях говорящего, прибегающего к подобным обозначениям людей по их принадлежности к этносу или национальной группе.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Прагматическая информация для толкового словаря // Апресян Ю.Д. Избранные труды. – Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М., 1995.
2. Большой словарь русского жаргона. – СПб.: «Норинт», 2001.
3. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. – СПб.: Изд-во «Норинт», 2004.
4. Иссерс О.С., Рахимбергенова М.Х. Языковые маркеры этнической ксенофобии (на материале российской прессы) // Политическая лингвистика. – Вып. 3(23). – Екатеринбург, 2007. – С. 90-96.
5. Крысин Л.П. Статьи о русском языке и русских языковедах. – М.: Изд-во «Флинта: Наука», 2015.
6. Стернин И.А., Антонова Л.Г., Карпов Д.Л., Шаманова М.В. Основные понятия лингвокриминалистической экспертизы: справочное пособие. – Ярославль: Изд-во «Канцлер», 2013.
7. Стернина М.А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2014.
8. Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1-5 / Авторы-составители: М.Я. Гловинская, Е.И. Голанова, О.П. Ермакова, А.В. Занадворова, Е.В. Какорина, М.В. Китайгородская, Л.П. Крысин, С.М. Кузьмина, И.В. Нечаева, А.Р. Пестова, Н.Н. Розанова, Р.И. Розина; отв. ред. Л.П. Крысин. – М., 2014-2022.
9. Фонтанка.ру. – URL: <https://www.fontanka.ru/2009/09/23/091/?ysclid=lq-te03wxgb477348191> (дата обращения: 29.12.2023).

Е.Н. Подтегжникова

Сопоставительный анализ окказионализмов Е. Некрасовой

Аннотация: В статье представлен сопоставительный анализ композитов гендиадисного типа и нерифмованных окказиональных дефисных комплексов в прозе Евгении Некрасовой. Изучены также гендиадисы, образованные с помощью чистого сложения, а также повторы-отзвуки, в которых вторая часть искаженно повторяет первую.

Ключевые слова: сопоставительный анализ, гендиадис, окказионализмы, феминный дискурс, Евгения Некрасова, литература постмодернизма.

Annotation: The paper presents a comparative analysis of composites of the gendiadis type and non-rhymed occasional hyphenated complexes in the prose of Evgenia Nekrasova. In addition, gendiadis formed with the help of pure addition, as well as repetitions-echoes, in which the second part distorts the first one, have been studied.

Key words: comparative analysis, gendiadis, occasionalisms, feminine discourse, Evgenia Nekrasova, literature of postmodernism.

Творчество Евгении Некрасовой изумляет и привлекает не только читателей, но и исследователей. При этом уникальная манера повествования автора и эксперименты с языковой формой часто подвергаются критике. Е. Одинокова пишет, что «с одной стороны, языковые игры и эксперименты это хорошо, с другой стороны, насилие над языком – это всегда плохо» (Одинокова 2020, электронный ресурс). Однако думается, что любое развитие неизбежно сопровождается появлением новых элементов в системе, ломающих привычные модели. Сама Е. Некрасова называет, например, рассказ «Сестромам» языковой лабораторией, и это ответ на все вопросы. В любом случае, творчество Е. Некрасовой – это часть современной литературы постмодернизма со свободным, раскрепощенным языком, где существует «текст как мир» (Степанов 1995, с. 33), текст как результат эксперимента.

Данная статья продолжает серию работ, посвященных прозе Е. Некрасовой, в которых рассматривались языковые особенности идиостиля автора, его текстовые маркеры и структурно-семантические характеристики окказионализмов. Теперь же обратимся к анализу гендиадисов в прозе Е. Некрасовой.

Д.В. Гугунава указывает на то, что «главным критерием словообразовательного гендиадиса – зозвучием конечных элементов его частей – определяются и структура, и способы его образования (Гугунава 2003, с. 49). При этом «за термином гендиадис предпочтительно оставить его исконное значение стилистической фигуры, которая, как и другие тропы, может реализоваться средствами не только лексики и синтаксиса, но и словообразования» (Гугунава 2003, с. 49).

Для выявления особенностей гендиадиса в прозе Е. Некрасовой был проведен сопоставительный анализ композитов гендиадисного типа и

нерифмованных окказиональных дефисных комплексов по структурным и функциональным основаниям.

Сопоставление по частеречной принадлежности опорного компонента показало, что нерифмованные окказиональные дефисные комплексы представлены в большей степени существительными (48%). При этом их основной функцией является номинативная:

Поля из банка в школу зашла, Лютию-цветок на себе унесла и навсегда потерялась («Поля»).

«Математика прошла мимо Кати на своих многочисленных ножках-столбиках, не задев её» («Калечина-Малечина»).

Экспрессивность в нерифмованных окказиональных дефисных комплексах представлена в меньшей степени: *В арке двери Галька зацепилась завязкой за ручку – трёшка-вредина не отпускала или куртка-трусиха не желала покидать квартиру из-за предчувствий, что уже не вернуться («Начало»).*

Среди гендиадисов субстантивные, глагольные и адъективные встречаются почти с одинаковой частотностью:

Танцу этому между кабинетами-регистратурами много десятков лет («Сестромам»).

Плачет... жалится, Анечку помидорами угождает, уговаривает. Помидоры худые, недоношенные ей вторят-молят («Сестромам»).

Участковый у нее Акимова, такая рыженькая-полненькая («Сестромам»).

При этом большая часть гендиадисов выполняет экспрессивную функцию, чаще всего являясь эксплицитным средством выражения негативной оценки. Это достигается автором, во-первых, путём использования разговорной и сниженной лексики:

О семестр чуть сама не споткнулась, уродики-студентики радовались, что и на эту нудку нашлась своя беда («Сестромам»).

Другие машины были скучные. Наши новые-беспонтовые или иностранцы – старые, заезженные, ввезённые полукинотрансом, порезанные на органы, а потом кое-как склеенные («Павлов»).

Во-вторых, акцентированием на разговорно-сниженное значение многозначного слова: *Договорились-снюхались, Павлов вошёл в долю, аочные гости принялись входить на стоянку официально, через ворота («Павлов»).*

С той же целью Е. Некрасова использует экспрессивные словообразовательные аффиксы: *На костыль полгода назад оперлась, врачиха-молодуха хамит, диагноз не знает и на старость сваливает («Сестромам»).*

Кроме того, продуктивными являются и неожиданные сочетания компонентов, вызывающие соответствующие ассоциации: *Кикимора*

хэхэкала и удивлялась, показывая бугристо-когтистым пальцем вверх («Калечина-Малечина»).

Кроме рассмотренных выше гендиадисов, образованных с помощью чистого сложения, мы вслед за Д.В. Гугунавой выделяем повторы-отзвукания, в которых вторая часть искаженно повторяет первую. Были выделены следующие комбинации:

- суффиксально-сложный способ, когда одна из частей – общезвестное слово, другая образована при помощи суффикса: *Русалка-ругалка орала на Галю-гору, получая эхо* («Начало»).
- приставочно-сложный способ, когда одна из частей – общеупотребительное слово, другая образована при помощи приставки: *Состояли они из многих-премногих* длинных бледно-зелёных, похожих на ладони с венами и линиями листьев... («Весы»); *Лара дружила ещё со многими невыросшими из класса и разных-преразных* кружков, в которых она вращалась («Калечина-Малечина»); *На первой же странице я нашла свою-несвою* квартиру в очень хорошем районе («Домовая любовь»).
- сложение в сочетании с креацией: *Катя катится-колошматится – так себе считала, но Катя всегда повторяла её, чтобы переждать что-то плохое* («Калечина-Малечина»).

Проведенный сопоставительный анализ композитов гендиадисного типа и нерифмованных окказиональных дефисных комплексов с одной стороны и гендиадисов, образованных с помощью чистого сложения, и повторы-отзвуканий, с другой, показал высокую эмоциональность гендиадисов в прозе Е. Некрасовой. Это объясняется её принадлежностью к феминному дискурсу, где многократные повторы похожи «на бормотание, морок, и артикуляционное наваждение» (Михеева, 2020). Композиты, основанные на повторах, оказывают «гипнотическое воздействие, вызванное ритмизацией текста и его рифмовкой, почти полным фонетическим совпадением, усиленной аллитерацией» (Корочкина, Коваленко 2022, с. 698).

Литература

1. Гугунава Д.В. Гендиадис – «шменидиадис»: о повторах-отзвучиях // Русская речь: научно-популярный журнал. – 2003. – № 5. – С. 46-49.
2. Корочкина Д. Н., Коваленко А. Г. Феминный дискурс в творчестве Евгении Некрасовой // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2022. – Т. 27. – № 4. – С. – 695-705.
3. Михеева А. Речь их, как кисти слепых повитух: рецензия // Новый мир. URL: <https://new.nm1925.ru/articles/2020/05-2020/rech-ikh-kak-kisti-slepykh-povitukh-7470/> (дата обращения: 01.11.2023).
4. Одинокова Е. Магический феминизм против абьюза, буллинга и Сестромама: рецензия // Премия «Национальный бестселлер». – URL: <https://vk.com/@ohtinskayabiblioteka-recenziya-eleny-odinokovoi-na-sestromam> (дата обращения: 01.11.2023).
5. Степанов Ю.С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип причинности // Язык и наука конце XX века. М., 1995. – С.31-70.

Попова Л.Г., Грязева Д.В.

Через культурную память слов к сопоставительному исследованию языковых единиц

Аннотация: В статье с опорой на понимание культурной памяти слов выясняется и объясняется присутствие сходств и отличий значений китайского и русского термина кровного родства «мама».

Ключевые слова: культурная память слов, сопоставление языков, термины кровного родства, китайский язык, русский язык.

Abstract: The paper, based on the understanding of the cultural memory of words, clarifies and explains the presence of similarities and differences in the meanings of the Chinese and Russian term of consanguinity "mother".

Key words: cultural memory of words, comparison of languages, terms of consanguinity, Chinese language, Russian language.

Культурная память народа складывается веками. Прошлое постоянно опосредуется настоящим, приспосабливается к нему с ориентацией на будущее, отталкиваясь от духовных потребностей и интеллектуального потенциала людей в настоящем. А слова хранят культурную память о прошлом, представляя его специфику. В рамках предлагаемого исследования обратимся к сопоставлению слова «мама» на китайском и русском языках, освящая аспекты исторических и культурных факторов (Авербух 2018).

Термины родства при сопоставлении языков остаются и по настоящее время актуальной темой исследования (Гринев 1990; Бирюкова 2018). Различают кровных и не кровных родственников. Кровные родственники – это те родственники, с которыми есть общий предок.

Родственные связи являются самыми значимыми во все времена. На подавляющем большинстве языков самые важные для каждого человека слова звучат похоже. Так, русские дети называют мать *мама*, маленькие французы – *маман*, немцы – *мама*, англичане – *мэмма*, китайские дети – *мама*. Слово, обозначающее мать, во всех языках складывается из двух одинаковых слогов (<https://allforchildren.ru/why/how43.php?ysclid=lp3zvs9sgg204212349>).

Попутно следует подчеркнуть, что китайские термины кровного родства состоят, как правило, из двух частей: из одного элементарного термина и одного или нескольких детерминативов (Юян Цюй 2016).

Слово *мама* в китайском языке читается как *妈妈*, иероглиф *妈* (*ma*) состоит из ключей женщины (*女*) и лошади (*马*) и означает «мама» (*妈妈* *māma*). В древние времена китайцев в быту окружало не так много животных, за которыми можно было наблюдать. Но они подметили, что из всех животных самыми заботливыми и ответственными по уходу за детёнышами были именно лошади. Отсюда для хорошей матери быть

названной «лошадью» могло быть даже комплиментом. Это значит, что она чудесная мать (<https://lingvister.ru/blog/obsuzhdaem-temu-semya-na-kitayskom-yazyke-vse-chto-nuzhno-znat-o-semye-v-kitae?ysclid=lp3zor9a68540 295709>).

В Большом китайско-русском словаре у слова 妈妈 māma отмечены следующие значения:

妈妈

māma

1) мама, мать

приёмная мать

2) тётушка, Вы (*вежливое обращение к старшей по возрасту женщине*)
妈妈这是一个养育了孩子的女人。

3) Мама - женщина, которая вырастила детей (*Большой китайско-русский словарь 1983-1984*).

В русском языке согласно словарю В.И. Даля, МАМА ж. маменька, мамонька, -мочка, матушка, родительница: мамуня, мамуся южн. зап. мамусь или мамысь костр.

Мама или мамка, мамушка (местами употреб. вм. мать), это и кормилица, женщина, кормящая грудью не свое дитя; старшая няня, род надзирательницы при малых детях (Даль 2006).

Словарь Д.Н. Ушакова описывает это слово так:

Мама

мама, мамы, жен.

1. Мама (разг.; употр. обычно при обращении детей к матери). «Я тотчас узнал эту гостью, как только она вошла – это была мама.» Достоевский. Мама, пойдем гулять!

2. То же, что мамка в 1 знач. (устар.). «Пусть же все добрые люди увидят, что мама и что мать родная.» Фонвизин (Словарь Ушакова. Электронный ресурс).

Для выяснения сходств и различий китайского и русского термина, обозначающего мать, обратимся к данным сводной таблицы.

Таблица 1. Сводная таблица значений термина, обозначающего мать, в китайском и русском языках

Значения термина «мама»	Китайский язык	Русский язык
Родная мама, мать	+	+
Приемная мать	+	+
Тётушка, Вы (вежливое обращение к старшей по возрасту женщине)	+	+

Кормилица	-	+
Старшая няня	-	+

Как показывает таблица, в обоих не родственных языках у слова, обозначающего «мама» существуют одинаковые значения:

- Родная мать
- Приемная мать
- Вежливое обращение к женщине, старшей по возрасту. Но если в Китае это слово произносится как mama, то у русскоязычных носителей используется в этом случае слово «мать», а не «мама».

Отличительной особенностью китайского языка выступает отсутствие у этого слова значений, имеющих место в русском языке:

- Кормилица
- Старшая няня.

Наличие этих отличий связано с историей Китая и России, с одной стороны, а с другой стороны, с особенностями семейного уклада носителей сопоставляемых языков.

Литература

1. Авербух К.Я., Попова Л.Г., Шатилова Л.М. Культурная память слов как проявление языковых знаний о мире // Инновационное развитие науки и образования. – Пенза : МЦНС «Наука и Просвещение», 2018.
2. Большой китайско-русский словарь = 華俄大辭典: по русской графической системе: в четырех томах. – Москва: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1983-1984.
3. Словарь Ушакова: <https://ushakovdictionary.ru/>
4. Да́ль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 томах. – Том 2. И-О. – М.: РИПОЛ классик, 2006.
5. Юян Цюй Лингвистический анализ китайских терминов родства по крови// Полилингвальность и транскультурные практики, 2016. – <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskiy-analiz-kitayskikh-terminov-rodstva-po-krovi>

Н.А. Пороткова

Национальная специфика семантического развития эквивалентных лексем (на примере лексем *rosa* – *dew*)

Аннотация: В статье рассматривается семантическое развитие сопоставимых в русском и английском языках лексем *rosa* – *dew*. Выделяются национально специфические различия семантического развития данных лексем и определяется степень их проявления.

Ключевые слова: семантическое развитие, семантический признак, уровень семантического развития, национальная специфика.

Abstract: The paper examines the semantic development of the comparable in Russian and English lexemes *rosa* – *dew*. The nationally specific differences in the semantic development of these lexemes are highlighted and the degree of their manifestation is determined.

Key words: semantic development, semantic feature, level of semantic development, national specificity.

Данная статья посвящена описанию семантического развития лексем *rosa* и *dew*, эквивалентных в русском и английском языках. Рассмотрение отмеченных лексем проводилось в рамках сопоставительно-параметрического метода (Стернина 2014, с.3-8).

Как показало исследование, семантическое развитие лексем *rosa* и *dew* прослеживается на трех уровнях: семемном, словообразовательном и фразеологическом.

Семантина лексемы *rosa* в русском языке состоит из двух семем: семемы D1n «водяные капли, осаждающиеся из влажного воздуха на поверхности растений, почвы и различных предметов при охлаждении в вечерние,очные и ранние утренние часы (...с травы сходила серебристая *rosa*...)» и семемы K1n «выделение влаги, пот, капли пота (...*rosa* блестела на бровях...)».

В процессе исследования нами были выделены семантические признаки, релевантные для развития производных семантических единиц (Портнихина 2011, с. 46).

Семантическими признаками, релевантными для развития значений в семантиме, являются: *влага* и *форма проявления природного явления* (семема K1n «выделение влаги, пот, капли пота»).

Лексема *rosa* входит в словообразовательное гнездо, насчитывающее четыре лексемы. Семантическими признаками, релевантными для развития словообразовательного гнезда, являются следующие: *природное явление* (росистый – покрытый росой, *роситься* – покрываться росой, *росисто* – с росой) и *форма проявления природного явления* (росинка – капля росы).

Лексема *rosa* входит в состав семи фразеологических единиц. Семантическими признаками, лежащими в основе образования фразеологизмов с данной лексемой, оказались: *форма проявления природного явления* (маковой росинки в рот не брать – совсем не пить спиртного, маковой росинки во рту не было – ничего не ел, *медвяная роса* – выпот сахаристого сока на листьях некоторых деревьев и хвое ели, *мучнистая роса* – белый налет на растениях), *неблагоприятное воздействие природного явления* (пока солнце взойдет, роса очи выест – бесполезно ожидать чего-то) и *благоприятное воздействие природного явления* (коси, коса, пока роса – не откладывать что-то, делать все своевременно, *плой в глаза – божья роса* – легко, поверхностно относиться к чему-то).

Для определения репрезентативности каждого уровня развития семантики слова нами был использован такой формализованный параметр, как *индекс представленности уровня семантического развития слова* (Портнихина 2011, с. 46). Индекс представленности семемного уровня семантического развития слова для лексемы *rosa* оказался равным 8,3%, индекс представленности словообразовательного уровня – 33,4%, а индекс представленности фразеологического уровня – 58,3%. Обращает внимание тот факт, что семантическое развитие рассматриваемой лексемы происходит преимущественно на фразеологическом уровне.

Как видно из проведенного исследования, семантический признак *форма проявления природного явления* мотивирует развитие семантики данной лексемы на всех трех уровнях, семантический признак *влага* релевантен только для семемного уровня семантического развития слова, семантический признак *природное явление* релевантен только для словообразовательного уровня, а семантические признаки *неблагоприятное воздействие природного явления* и *благоприятное воздействие природного явления* – только для фразеологического уровня.

Для определения важности семантического признака в развитии семантики слова представилось целесообразным применить такой параметр, как *индекс продуктивности семантического признака* (Портнихина 2011, с. 47). Индексы продуктивности перечисленных семантических признаков оказались следующие: *форма проявления природного явления* – 50%, *природное явление* – 25%, *благоприятное воздействие природного явления* – 16,6%, *неблагоприятное воздействие природного явления* – 8,3%, *влага* – 8,3%.

Семантическое развитие лексемы *dew* в английском языке прослеживается на двух уровнях: семемном и словообразовательном. Семантема данной лексемы включает шесть семем: семему D1n/v «водяные капли, осаждающиеся из влажного воздуха на поверхности растений, почвы и различных предметов при охлаждении в вечерние,очные и ранние утренние часы (*The grass was heavy with dew.*)/покрываться такими водяными каплями», три семемы K1n «чистота, свежесть (что-то по освежающему эффекту похожее на росу) (...*dew of the sea...*)», «капли пота, слезы, испарины растения (...*a dew of sweat lay on his forehead...*)», «конденсат (*The dew in the atmosphere had condensed on the outside of the fly.*)», две семемы K1v «орошать, смачивать, обрызгивать», «пропитывать, пронизывать (*He was infected and dewed with these fantastic apparitions.*)».

Семантическими признаками, релевантными для развития значений в семантеме, являются: *природное явление* (семема K1n «конденсат»), *воздействие природного явления* (семема K1v «пропитывать, пронизывать»), *благоприятное воздействие природного явления* (семема K1n «чистота, свежесть (что-то по освежающему эффекту похожее на

росу»), *влага* и *форма проявления природного явления* (семема K1n «капли пота, слезы, испарины растения»), *влага* и *благоприятное воздействие природного явления* (семема K1v «орошать, смачивать, обрызгивать»).

Лексема *dew* является основой словообразовательного гнезда, насчитывающего 13 лексем. Семантическими признаками, релевантными для развития словообразовательного гнезда, оказались следующие: *природное явление* (*dewy* – покрытый росой, *dewfall* – выпадение росы, *dewless* – без росы, *dew-point* – точка росы, температура конденсации), *время проявления природного явления* (*early-dew* – утренняя роса, *night-dew* – вечерняя роса), *форма проявления природного явления* (*dewdrop* – капля росы, *dewberry* – ежевика, *dewclaw* –rudimentарный отросток в виде пальца на лапе или копыте, *dewlap* – подгрудок (у крупного рогатого скота)), *форма проявления природного явления и влага* (*honeydew* – медянная, медовая роса), *влага и благоприятное воздействие природного явления* (*bedew* – орошать, окроплять, *dew-ret* – с-х. росить, расстилать для росения (о льне, конопле)).

Анализ показал, что индекс представленности семемного уровня семантического развития слова оказался равным 27,8%, а индекс представленности словообразовательного уровня – 72,2%. Таким образом, семантическое развитие лексемы *dew* происходит преимущественно на словообразовательном уровне.

Согласно нашему исследованию, четыре семантических признаков – *природное явление*, *благоприятное воздействие природного явления*, *влага*, *форма проявления природного явления* – релевантны для семемного и словообразовательных уровней семантического развития слова, семантический признак *воздействие природного явления* релевантен только для семемного уровня, а семантический признак *время проявления природного явления* – только для словообразовательного уровня.

Индексы продуктивности перечисленных семантических признаков оказались следующие: *форма проявления природного явления* – 33,3%, *природное явление* – 27,8%, *влага* – 27,8%, *благоприятное воздействие природного явления* – 22,2%, *время проявления природного явления* – 11,1%, *воздействие природного явления* – 5,5%.

Как показало исследование, семантическое развитие лексем *rosa* и *dew* мотивируют четыре одноименных семантических признака: *природное явление*, *благоприятное воздействие природного явления*, *влага*, *форма проявления природного явления*.

Для характеристики степени проявления национальной специфики семантического развития сравниваемых лексем с точки зрения продуктивности одинаковых семантических признаков представилось целесообразным ввести и использовать такой параметр, как *совокупный*

индекс продуктивности одноименных семантических признаков (Портнихина 2011, с.47). Для лексемы *rosa* этот индекс оказался равен 100%, для лексемы *dew* – 110,9%.

Отметим, что в семантическом развитии обеих лексем выявлены эндемичные семантические признаки, релевантные для семантического развития только одной из сравниваемых лексем. Так, в семантическом развитии русской лексемы эндемичным оказался признак *неблагоприятное воздействие природного явления*, а в семантическом развитии английской лексемы – признаки *воздействие природного явления и время проявления природного явления*. Для оценки продуктивности эндемичных семантических признаков нами был введен *совокупный индекс продуктивности эндемичных семантических признаков* (Портнихина 2011, с.47). Для лексемы *rosa* его значение составило 8,3%, для лексемы *dew* – 16,6%.

Чтобы сделать окончательный вывод о степени проявления национальной специфики семантического развития сопоставимых лексем русского и английского языков, нами был введен еще один формализованный показатель – *интегральный индекс национально-специфических различий семантического развития сопоставимых лексем*, определяемый как среднее арифметическое представленной в процентах разницы в показателях значений всех формализованных параметров, использованных для определения национальной специфики семантического развития сравниваемых слов (Портнихина 2011, с.47). Для лексем *rosa* и *dew* значение этого индекса оказалось равным 27,16%.

Согласно шкале степени проявления национальной специфики семантического развития сопоставимых лексем (Портнихина 2011, с. 198-199), различия в семантическом развитии рассмотренных лексем признаются **яркими**.

Таким образом, с помощью сопоставительно-параметрического метода и введенных в его рамках формализованных параметров оказалось возможным сделать обоснованные выводы о степени проявления национальной специфики семантического развития рассмотренных лексем русского и английского языков. Представляется, что применение описанной методики будет продуктивно при рассмотрении семантического развития любых пар сопоставимых наименований разных языков.

Литература

1. Портнихина Н.А. Национальная специфика семантического развития слова (на материале наименований природных явлений и небесных тел в русском и английском языках): дис. канд. филол. наук. – Воронеж, 2011.
2. Стернина М.А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2014.

С.А. Степанова

Пропаганда и агитация: разграничение понятий

Аннотация: Статья посвящена разграничению понятий «пропаганды» и «агитации», часто рассматриваемых как близкие.

Ключевые слова: семантика, агитация, пропаганда, идеологема.

Abstract: The paper is devoted to the differentiation of the concepts «propaganda» and «agitation», often considered as close.

Key words: semantics, agitation, propaganda, ideologeme.

В настоящей статье представлены результаты исследования, одной из задач которого стало сопоставление понятий «пропаганда» и «агитация».

Данная проблема представляется актуальной в связи с тем, что пропаганда и агитация нередко воспринимаются как чрезвычайно близкие, если не идентичные, явления. Однако анализ научной литературы и словарных дефиниций позволил выявить ряд дифференциальных признаков каждого понятия.

Определим вначале понятие пропаганды.

Д.В. Кузнецов говорит о том, что «...всякая пропаганда имеет конкретную цель и рассчитана на инициирование практической деятельности, в этом состоит её отличие от агитации, направленной на стимулирование деятельности по осуществлению пропагандируемых идей. Поэтому пропаганда, как правило, содержит не просто идеи, а набор конкретных установок, простых и ясных руководств к действию» (Кузнецов, 2019 с.13).

Как можно видеть, основными признаками пропаганды ученый считает:

- 1) целевую установку на инициирование практической деятельности;
- 2) наличие в тексте указаний на конкретные действия, совершение которых требуется от адресата.

С.И. Беглов, говоря о коммунистической пропаганде, рассматривает ее как «.... форму деятельности по распространению идеологии, ее инструментарий. Коммунистическая пропаганда основывается на научной идеологии, которая выражает коренные интересы рабочего класса, является главным оружием в ломке эксплуататорских отношений и созидании нового общества, в том историческом предназначении, который он осуществляет в интересах всего человечества. Коммунистическая пропаганда была рассчитана на то, чтобы вооружить рабочий класс знанием законов развития общества, с тем чтобы сделать его сознательным участником революционных преобразований...» (Беглов 1984, с.12-13).

Как можно видеть, основными признаками пропаганды ученый считает:

- 1) целевую установку на распространение идеологических установок;
- 2) ориентированность на отражение коренных интересов общества;
- 3) решение задачи правового просвещения общества.

Определим ключевые признаки пропаганды, выделенные в изученных научных текстах:

- 1) целевая установка на распространение идеологических установок и инициирование практической деятельности;
- 2) ориентированность на отражение коренных интересов общества;
- 3) наличие в тексте указаний на конкретные действия, совершение которых требуется от адресата.

Обратимся к словарным дефинициям.

В словаре В.И. Даля пропаганда определяется следующим образом: «пропаганда итал. Распространение какого-либо толка, учения, старанье объ этомъ, самое общество, пропагандисты» (Даль 1955, с.501).

В Толковом словаре русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова пропаганда толкуется как «распространение каких-н. идей, учения, знаний путем подробного и углубленного ознакомления || Разъяснение и убеждение широких масс в необходимости чего-н. Пропаганда электрификации. Пропаганда физкультуры» (ТСУ 2000, с.973).

Словарь русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой пропаганду описывает как «распространение и углубленное разъяснение каких-л. идей, учения и знаний. Пропаганда марксистско-ленинской теории. Антирелигиозная пропаганда. || Политическое или идеологическое воздействие на широкие массы, а также органы и средства, с помощью которых осуществляется это воздействие. Коммунистическая пропаганда. Буржуазная пропаганда. || Ознакомление широких масс с чем-л. с целью распространения чего-л. Пропаганда электрификации. Пропаганда физкультуры» (МАС 1981, с. 508).

В словаре С.И. Ожегова пропаганда описывается как «распространение в массах и разъяснение каких-н. взглядов, идей, знаний, учения. Партийная пропаганда» (СО 1984, с.548).

Примечательно, что в словарях постсоветского периода (С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой и др.) значение слова пропаганда описывается также, как и семантика лексемы «агитация» и не включает идеологические компоненты.

Однако в Толковом словаре русского языка конца XX в. Языковые изменения под ред. Г.Н. Склеревской выделяется идеологическая составляющая семантики лексемы — «политическое и идеологическое воздействие государства, правящей партии и т.п. на широкие слои населения в целях их воспитания в духе господствующей идеологии и морали с помощью средств массовой информации, агитаторов и т.п.» (ЯИ 1998, с.516).

Анализ лексикографической литературы показал, что все авторы выделяют в семантике лексемы «пропаганда» следующие компоненты:

- 1) распространение каких-н. идей, учения, знаний;
- 2) разъяснение и убеждение широких масс в необходимости чего-либо;

3) политическое или идеологическое воздействие на широкие массы.

Под агитацией в научной литературе понимается «устная, печатная и наглядная политическая деятельность, воздействующая на сознание и настроение людей с целью побудить их к политической или другой активности. Имеется ввиду распространение политических идей и лозунгов с целью оказать воздействие на сознание и настроение широких масс. Это также воздействие в определённом направлении на мировоззрение, политические убеждения и общественную активность народных масс. Агитация – это всегда активный призыв к действию, к какому-либо решению или поступку» (Кузнецов 2019, с.15-16).

Сказанное позволяет выделить несколько важных признаков агитации как деятельности:

- 1) агитация — политическая деятельность, направленная на распространение идеологии;
- 2) цель агитации — активное воздействие на общественное сознание;
- 3) при помощи агитации осуществляется призыв к конкретным действиям, принятию решения.

Обратимся к словарным дефинициям.

Впервые лексема «агитация» была зафиксирована в Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля: «агитація латн. народныя или сословныя смуты, подговоры, наущенъя и волнение, тревога. Агитаторъ, волнователь, подстрекатель, смутчик, зачинщик мятежа» (Даль 1955, с.4).

Как можно видеть, лексема «агитация» в данном словаре содержит негативную оценку, связанную с тем, что реципиента побуждают к совершению неблагоприятного поступка.

В свою очередь, лексема «агитатор» находится в одном ряду с синонимичными, неодобрительно оценочными единицами: волнователь, подстрекатель и т.д. В значении представленных слов содержится сема «действия негативного характера».

Обращение к другим лексикографическим источникам дает возможность проследить динамику трансформации семантики лексемы в советский период.

«Агитация – действие по глаголу агитировать – «убеждать (массы) в правильности политики какой-н. партии или иной организации, призывать к борьбе за эту за эту политику» (ТСУ 2000, с.13). Идеологические компоненты: «правильность политики», «партия».

Словарь русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой толкует агитацию так: «устная и печатная деятельность, имеющая целью политическое воздействие на широкие народные массы» (МАС 1981, с.24). Идеологические компонент: «политическое воздействие».

В Словаре русского языка С.И. Ожегова агитация характеризуется как «...устная и печатная деятельность среди широких масс, имеющая целью распространение каких-н. идей для политического воспитания масс и

привлечения их к активной общественно-политической жизни» (СО 1984, с. 21). Идеологический компоненты: «политическое воспитание», «общественно-политическая жизнь».

Словарь современного русского литературного языка понятие агитации определяет следующим образом: «полит. Устная и печатная деятельность партии и класса, имеющая целью воздействовать на идеологию широких народных масс в определенном направлении» (БАС 1961, с. 4). Идеологические компоненты: «партия», «класс», «идеология масс».

Очевидно, что все вышеперечисленные словари фиксируют идеологический контекст использования обсуждаемой лексемы. Агитация характеризуется как деятельность, осуществляемая преимущественно агитатором и направленная на конкретный пласт населения.

Предпринятый анализ дает возможность сделать следующие выводы.

1. Агитация – это особый вид политической работы, главной функцией которой становится воздействие на реципиента. Данный параметр отличает агитацию от рекламы, PR, целью которых является осуществление положительного информирования аудитории о событиях, явлениях и т.д.

2. Пропаганда – это систематическое воздействие на сознание конкретных реципиентов или общества в целом для достижения определенного результата в области политики и идеологии.

Феномены пропаганды и агитации, как показало проведенное исследование, имеют также ряд общих признаков:

1) агитация и пропаганда активно используются агитаторами и пропагандистами для реализации определенных политических и идеологических задач;

2) в процессе пропаганды и агитации используются разнообразные приемы, способы речевого воздействия, направленные на достижение значимой для государства, общества цели.

Однако существуют и различия между данными понятиями. Пропаганда носит воспитательный и систематический характер, тогда как агитация имеет ситуативный характер и рассчитана на получение быстрого результата. Выявленные специфические задачи, стоящие перед текстами указанных жанров, обусловливают и языковые особенности, характерные для каждого типа текстов.

Литература

1. БАС – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М. – Л., 1948-1965.
2. Беглов С.И. Внешнеполитическая пропаганда. Очерк теории и практики : учеб. пособие. – М., 1984.
3. Даль В. Толковый словарь: в 4 т. (1863-1866). – М., 1955.

4. Кузнецов Д.В. Идеология, пропаганда и агитация в СССР: Справочное пособие. – 2019. – [Электронный ресурс] – http://kuznetsov.ucoz.org/ideologija-propaganda_i_agitacija_v_ssr.pdf
5. МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. – М., 1981-1984.
6. СО – Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М., 1984.
7. СОШ – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1999.
8. ТСУ – Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. – М., 2000.
9. ЯИ – Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / Под ред. Г. Н. Скляревской. – М., 1998.

Б.И. Федосова

Контрастивный анализ национальной специфики наименований лиц по родственным связям в русском и английском языках

Аннотация: Целью данной статьи является контрастивный анализ национальной специфики наименований лиц по родственным связям в русском и английском языке.

Ключевые слова: наименования родственных лиц, контрастивный анализ, индекс, переводное соответствие, национальная специфика.

Abstract: The aim of the paper is contrastive analysis of national specifics of the names of relatives in Russian and English.

Key words: names of relatives, contrastive analysis, index, transnational correspondence, national specifics.

Целью данного исследования является контрастивный анализ национальной специфики наименований лиц по родственным связям в русском и английском языке на материале двух подгрупп данной группировки: «Наименования родственных лиц по прямому родству» и «Наименования лиц, восходящих к общему предку».

Лексемы данных подгрупп были извлечены методом сплошной выборки из переводных и толковых словарей русского и английского языка.

В результате исследования было установлено, что общее количество лексем, входящих в подгруппу «Наименования родственных лиц по прямому родству» в русском языке составляет 77 единиц, в английском – 66. В результате проведенного анализа в данной подгруппе было выявлено 138 контрастивных пар.

Для исследования данных пар нами были использованы следующие введенные в рамках сопоставительно-параметрического метода формализованные параметры:

индекс денотативной идентичности лексем – соотношение совпадающих денотативных сем к общему числу сем этой категории, выделенных в контрастивной паре;

индекс коннотативной идентичности лексем – соотношение совпадающих коннотативных сем к общему числу сем этой категории, выделенных в контрастивной паре;

индекс функциональной идентичности лексем – соотношение совпадающих коннотативных сем к общему числу сем этой категории, выделенных в контрастивной паре;

интегральный индекс идентичности лексем – среднее арифметическое индексов денотативной, индексов денотативной, коннотативной и функциональной идентичности. (Лукина 2008, с. 33 – 42).

Нами также был использован введенный Л.В. Лукиной индекс множественности соответствий, под которым понимается количество лексических единиц в языке сопоставления, выступающих в качестве соответствий конкретной лексической единицы языка. (Лукина 2008, с. 33 – 42).

Исследование показало, что количество векторных соответствий в рассматриваемой группе колеблется от 1 до 11. Наибольшее количество соответствий (11) в английском языке было выявлено для русской лексемы *мама* (*mother, mater, mattu, tatttu, momtu, tom, titt, ta, minnie, mamma, old woman*). Три лексемы русского языка имеют по шесть соответствий в английском языке (*брат – brother, sibling, bro, frater, brother-uterine, brother-german; папа – father, papa, pappy, dad, daddy, pa; бабушка – grandma, grandmother, granny, nana, nanny, nan*), одна лексема данной группы имеет 5 векторных соответствий (*наночка – dad, daddy, papa, pappy, father*), две лексемы – по 4 соответствия (*отец – father, pater, old man, genitor; дедушка – grandfather, granddad, granddaddy, grandpa*), три лексемы русского языка имеют по три английских соответствия (*родители – parents, folks, oldies; сынок – son, boy, sonny; мать – mother, mater, old woman*), у остальных лексем исследуемой группы были выявлены по 1-2 соответствия. Обращает на себя внимание наличие в русском языке большого количества синонимичных наименований отдельных родственников. Например, для обозначения брата в английском языке используется два наименования: *brother* и *bro*, а в русском языке – восемь: *брать, братан, брательник, братец, братик, братишка, браток, братушка*. Для обозначения сестры в английском языке используется три наименования: *sister, sis, sibling*, а в русском языке – пять: *сестра, сестренка, сестрица, сестричка, сеструха*.

Чтобы определить тип переводного соответствия лексем рассматриваемой подгруппы нами была использована разработанная Д.В. Козельской шкала, согласно которой выделяется 6 категорий возможных переводных соответствий. Так, при значении интегрального индекса идентичности 100% соответствие считается эквивалентным, при значении индекса от 76% до 99% – оптимальным, от 51% до 75% – подходящим, от 26% до 50% – приемлемым. При значении индекса

меньше 25% соответствия признаются неподходящими. Полное несовпадение индексов денотативной, коннотативной и функциональной идентичности лексем, ведущее к нулевому значению интегрального индекса, свидетельствует об отсутствии соответствия (Козельская, Стернина 2018, с. 3 – 4).

В исследованной подгруппе было выявлено 23 эквивалентных, 56 оптимальных, 54 подходящих соответствий, а также 5 приемлемых соответствий.

В качестве примера оптимального соответствия приведем контрастивную пару *сестра – sibling*:

Сестра - Sibling	
лицоженского полаРожденное от тех же родителей, что и другие детиНЕОЦЕНОЧНОЕНЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ<i>межстилевое</i><i>общенародное</i><i>современное</i><i>общераспространенное</i><i>высокопотребительное</i>	лицоженского или мужского полаРожденное от тех же родителей, что и другие детиНЕОЦЕНОЧНОЕНЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ<i>книжное</i><i>общенародное</i><i>современное</i><i>общераспространенное</i><i>употребительное</i>

Интегральный индекс идентичности лексем рассматриваемой пары составил 81%, что позволяет признать их оптимальными соответствиями.

Рассмотрим вторую подгруппу исследуемой группировки – «Наименования лиц, восходящих к общему предку». В ходе проведенного исследования в русском языке было выявлено 23 лексемы. Отмеченному количеству русских лексических единиц соответствует 19 английских лексем, при этом индекс множественности соответствий колеблется от 0 до 4. В русском языке 18 лексем имеют по одному соответствию в английском языке: (двоюродная бабушка – *grand-aunt*, дядечка – *uncle*, дядька – *uncle*, дяденька – *uncle*, тетя – *aunt*, тетенька – *aunt*, тетушка – *auntie*, двоюродный дядя – *welsh uncle*, троюродная сестра – *second cousin*, троюродный брат – *second cousin*, троюродный брат по одному из родителей – *half-cousin*, троюродная сестра по одному из родителей – *half-cousin*, внучатая племянница – *great-niece*, племянница – *niece*, племянка – *niece*, племянник – *nephew*, племянши – *nephew*, племянничек – *nephew*), 3 лексемы – по два векторных соответствия (двоюродный дедушка – *great-uncle*, *grand-uncle*, двоюродная сестра – *cousin*, *cousin-german*, внучатый племянник – *great-nephew*, *grand nephew*). Лексема двоюродный брат имеет 3 соответствия: *cousin*, *parallel cousin*, *cousin-german*. Лексема дядя имеет четыре соответствия в английском языке: *uncle*, *nuncle*, *nuncky*, *maternal uncle*, т.е. характеризуется наибольшим индексом

множественности соответствий. Также была выявлена безэквивалентная единица, не имеющая соответствия в русском языке – *a cousin on the sword side* (*родственник по отцу*).

Результат применения сопоставительно-параметрического метода для определения типов переводческих соответствий показал, что в рассматриваемых контрастивных парах было зафиксировано 8 эквивалентных соответствий, 12 оптимальных и 10 подходящих соответствий. Для одной лексемы (*a cousin on the sword side*) зафиксировано отсутствие соответствия.

Приведем пример подходящего соответствия.

Супруга - Spouse	
лицоженского поласостоящее в официальном семейном союзепо отношению к своему мужуНЕОЦЕНОЧНОЕНЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ<i>книжное</i><i>общенародное</i><i>устаревающее</i><i>общераспространенное</i><i>малоупотребительное</i>	лицоженского или мужского поласостоящее в официальном семейном союзепо отношению к мужу или женеНЕОЦЕНОЧНОЕНЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ<i>межстилевое</i><i>общенародное</i><i>современное</i><i>общераспространенное</i><i>малоупотребительное</i>

Интегральный индекс идентичности лексем рассматриваемой пары составил 72%, что позволяет отнести данную контрастивную пару к подходящим соответствиям.

Для подведения итогов проведенного контрастивного анализа национальной специфики наименований лиц по родственным связям представилось необходимым ввести индекс представленности переводного соответствия, вычисляемого через отношение количества соответствий конкретного типа к общему числу контрастивных пар в исследуемой группировке.

Применение данного индекса показало, что в подгруппе «Наименования родственных лиц по прямому родству» индекс представленности эквивалентных соответствий равен 16.7%, индекс представленности оптимальных соответствий – 40.6 %, индекс представленности подходящих соответствий – 39.1%, а индекс представленности приемлемых соответствий – 3.6 %.

В подгруппе «Наименования лиц, восходящих к общему предку» индекс представленности эквивалентных соответствий равен 26.7%, индекс представленности оптимальных соответствий – 40 %, индекс

представленности подходящих соответствий – 33.3%. Индекс представленности безэквивалентных соответствий оказался равным 3.6 %.

Анализ значений индексов представленности переводного соответствия в сравниваемых подгруппах показывает, что в обеих подгруппах преобладают оптимальные соответствия (40.6 % и 40 %), на втором месте находятся подходящие соответствия (39.3% и 33.3 %). На третьем месте – эквивалентные (16.7% и 26.7%). Таким образом контрастивный анализ показал приблизительно одинаковую степень выраженности национальной специфики исследованных контрастивных пар.

Литература

1. Козельская Д.В. , Стернина М.А. Контрастивный семный словарь наименований школьных педагогических работников и учащихся в русском и английском языках. – Воронеж: «Ритм», 2018.
2. Лукина Л.В. Национальная специфика семантики слова и проблема межъязыковой семантической эквивалентности (на материале наименований речевых событий в русском и английском языках): дис. канд. филол. наук . – Воронеж, 2008.
3. Стернина М.А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований: Монография. – Воронеж: «Истоки», 2014.

С.Н. Черникова

Национальная специфика фразеологизации наименований млекопитающих русском и английском языках

Аннотация: Статья посвящена определению национальной специфики фразеологизации лексем наименований *млекопитающих* в русском и английском языках. Исследование выполнено на основе сопоставительно-параметрического метода лингвистических исследований с использованием формализованных параметров.

Ключевые слова: национальная специфика, фразеологизация, сопоставительно-параметрический метод, индексализация, шкалирование.

Abstract: The paper is devoted to revealing the national specificity of the Russian and English phraseological units including the *mammal* component. The research is done on the basis of the comparative-parametric method with the help of some formalized parameters.

Key words: national specificity, phraseological unit, comparative-parametric method, indexing, scaling.

На основе сопоставительно-параметрического метода лингвистических исследований (Стернина 2014) нами была предпринята попытка определить степень проявления национальной специфики фразеологизации лексем наименований *млекопитающих* в русском и английском языках. Для определения характера национально-специфических различий фразеологического развития слова нами был применен алгоритм, состоящий из двух этапов: этап **индексализации**, предусматривающий использование формализованных параметров,

позволяющих дать количественную характеристику фразеологизации лексем, и этап *шкалирования*, на котором проводится оценка полученных количественных результатов. (Стернин, Стернина 2016, с. 22-29).

Фразеологические единицы, содержащие наименования млекопитающих, были извлечены методом сплошной выборки из отечественных и зарубежных фразеографических источников. В целом нами было рассмотрено фразеологическое развитие 49 наименований млекопитающих: 18 лексем в русском языке: *белка, бобр, волк, ежик/еж, жираф, зайчик, заяц, зверь, крыса, лев, лань, лиса, медведь, медведица, медвежонок, морж, мышь, слон, хорек* и 30 лексем в английском: *animal, ape, badger, bandicoot, bat, bear, beast, beaver, coon, deer, elephant, fox, gazelle, grampus, hare, hyena, kangaroo, leopard, lion, mouse/mice, monkey, panther, possum, rat, stag, tiger, wallaby, whale, wolf, zebra*. Данные лексемы входят в состав 194 фразеологических единиц: 70 фразеологизмов в русском языке и 124 – в английском. Отметим, что в целом группа наименований млекопитающих в английском языке характеризуется большей фразеологической продуктивностью по сравнению с русским языком.

При сравнении лексем наименований млекопитающих нами были определены эндемичные источники фразеологизации (Черникова 2016, с.9). В русском языке нами было зафиксировано 8 эндемичных источников фразеологизации (*белка, ежик/еж, жираф, лань, медведица, медвежонок, морж, хорек*). В английском языке было выявлено 20 эндемичных источников фразеологизации (*animal, ape, badger, bandicoot, bat, beaver, coon, gazelle, grampus, hyena, kangaroo, leopard, monkey, panther, possum, stag, tiger, wallaby, whale, zebra*).

В результате семантического анализа нами были выделены семантические признаки, послужившие основой фразеологического переосмыслиния лексем наименований млекопитающих. Так, лексема **мышь** была выявлена в десяти фразеологических единицах. Семантические признаки, послужившие основой фразеологического развития данной лексемы, следующие: **повадки** (как мышь затаиться/замереть; как мышь на крупу надулся; как мышь на крупу смотреть/уставиться), **объект охоты** (играть в кошки-мышки; как кошка с мышкой), **небольшой размер** (мышь не проскочит), **издаваемый звук** (мыши/мыши на сердце скребёт/скребут), **внешний вид** (летучая мышь; как мышь мокрый), **место обитания** (беден как церковная мышь). Лексема **wolf** была зафиксирована в 15 фразеологических единицах. Семантическими признаками, релевантными для фразеологизации данной лексемы, являются: **опасность** (*cry wolf; throw smb to the wolves; the big bad wolf; have a wolf by the ears; have seen a wolf; set the wolf to keep the sheep; who's afraid of the big bad wolf; a wolf in sheep's clothing; keep the wolf from the door*), **повадки** (*hungry as a wolf; as greedy as a wolf; eat like a wolf*).

one must howl with the wolves; a lone wolf), агрессивность (man is a wolf to man).

Как показало исследование, наиболее продуктивным семантическим признаком фразеологизации наименований млекопитающих в обоих языках оказался семантический признак **повадки**. Данный семантический признак является основой фразеологического развития семи лексем в русском языке (волк, зверь, крыса, лиса, медведь, мышь, медвежонок), входящих в состав 17 фразеологических единиц. В английском языке семантический признак **повадки** оказался релевантным для фразеологизации 14 лексем (*animal, ape, bandicoot, beast, beaver, fox, hare, monkey, mouse, possum, rat, wallaby, whale, wolf*), образующих 35 фразеологизмов.

В целом, в русском языке было выявлено 17 семантических признаков фразеологизации: **скорость движения** (как белка в колесе крутиться), **ценность** (убить бобра), **меховой покров** (как мышь мокрый), **повадки** (старая лисица), **агрессивность** (пробуждается в ком-л. зверь), **объект охоты** (убить двух зайцев), **издаваемый звук** (мышь/мыши на сердце скребёт/скребут), **опасность** (волк в овечьей шкуре), **форма** (подстричь под ёжик), **высота** (доходит как до жираша), **манера движения** (солнечный зайчик), **негативный образ** (канцелярская крыса), **место обитания** (беден как церковная мышь), **внешний вид** (точно у моржа), **большой размер** (из муhi делать слона), **небольшой размер** (мышь не проскочит) и **цвет** (заяц беляк).

В английском языке количество семантических признаков, релевантных для фразеологического переноса рассматриваемых лексем, равно двадцати одному: **повадки** (*act/play the ape*), **издаваемый звук** (*blow like a grampus*), **внешний вид** (*bald as a bandicoot*), **отсутствие реальной пользы** (*a gone coon*), **объект охоты** (*like a rat in a trap*), **негативный образ** (*give smb rats*), **физиологические особенности** (*blind as a bat*), **скорость движения** (*run like a deer*), **место обитания** (*have bats in one's belfry*), **агрессивность** (*fox and geese*), **опасность** (*have a tiger by the tail*), **的独特性** (*see the elephant*), **большой размер** (*throw out a minnow to catch a whale*), **манера движения** (*lithe as a panther*), **небольшой размер** (*burn one's house to get rid of the mice*), **цвет** (*can the leopard change his spots?*), **большое количество** (*starve the mice!*), **представитель фауны** (*mice and men*), **образ жизни** (*make a beast of oneself*), **возраст** (*a stag party*) и **внешняя непривлекательность** (*beauty and the beast*).

Проведенное исследование показало, что в основе фразеологического переноса лексем могут быть как **одноименные**, так и **эндемичные** семантические признаки (Портнихина 2011, с. 6). Общее число **одноименных** семантических признаков составляет 13 признаков, среди них: **скорость движения**, **повадки**, **агрессивность**, **объект охоты**, **издаваемый звук**, **опасность**, **манера движения**, **негативный образ**,

место обитания, внешний вид, большой размер, небольшой размер и цвет. Общее число эндемичных семантических признаков в русском языке составило четыре: *ценность, меховой покров, форма и высота*. Количество эндемичных семантических признаков в английском языке – восемь, к их числу относятся: *отсутствие реальной пользы, физиологические особенности, уникальность, большое количество, представитель фауны, образ жизни, возраст и внешняя привлекательность*.

На этапе индексализации использовались формализованные параметры, позволяющие дать количественную характеристику фразеологизации лексем. В общей сложности было задействовано шесть формализованных параметров: *индекс продуктивности семантического признака развития лексем в группе* (Портнихина 2011, с. 8), *индекс эндемичности источников фразеологизации* (Черникова 2016, с. 9), *средний индекс продуктивности одноименных семантических признаков* (Черникова 2013, с. 94); *средний индекс продуктивности эндемичных семантических признаков* (Черникова 2013, с. 93); *средний индекс продуктивности семантического признака* (Черникова 2013, с. 94), *относительная фразеологическая плотность* (Черникова 2014, с. 86). Четыре использованных нами индекса, а также показатель *относительной фразеологической плотности* оказались релевантными для общего вывода о степени выраженности национальной специфики исследуемой группировки.

На этапе шкалирования с помощью следующих шкал: *шкалы оценки степени проявления национальной специфики лексики* (Колтакова 2008, Деркач 2011), согласно которой национально-специфические различия могут быть охарактеризованы как *несущественные, видимые, заметные, существенные, гиперсущественные и сверхгиперсущественные* в зависимости от расхождений в показателях индексов и *шкалы степени выраженности национальной специфики лексической группировки* (Колтакова 2008, Деркач 2013, Черникова 2016, Вострикова 2018), позволяющей охарактеризовать степень выраженности национальной специфики как *неярко выраженную, умеренно выраженную, ярко выраженную и гипервыраженную*, была осуществлена интерпретация полученных количественных результатов.

Параметр	Русский язык	Английский язык	Разница в показателях параметров	Характер национально-специфических различий
<i>Средний индекс продуктивности семантического признака</i>	56 %	41 %	15 %	<i>существенные</i>

<i>Средний индекс продуктивности одноименных семантических признаков</i>	10,7%	7,4%	3,3 %	<i>видимые</i>
<i>Средний индекс продуктивности эндемичных семантических признаков</i>	3,1%	8,7%	5,6 %	<i>заметные</i>
<i>Индекс эндемичности источников фразеологизации</i>	45 %	59%	14%	<i>заметные</i>

Показатель *относительной фразеологической плотности* вычисляется в абсолютных числах, и его значение для данной группы составило 2,5, что указывает на *существенные* национально-специфические различия по данному параметру.

В целом из пяти использованных нами формализованных параметров по двум (*относительная фразеологическая плотность* и *средний индекс продуктивности семантического признака*) были зафиксированы *существенные* национально-специфические различия, по двум (*средний индекс продуктивности эндемичных семантических признаков* и *индекс эндемичности источников фразеологизации*) – *заметные*, а по одному (*средний индекс продуктивности одноименных семантических признаков*) – *видимые*. Согласно шкале степени выраженности национальной специфики лексической группировки, преобладание *существенных* и *заметных* расхождений в показателях сопоставляемых индексов указывает на *ярко выраженную* национальную специфику.

Таким образом, национальная специфика фразеологизации наименований млекопитающих в русском и английском языках может быть охарактеризована как *ярко выраженная*.

Литература

1. Вострикова И. Ю. Особенности проявления национальной специфики минигрупп «Трудовая деятельность, направленная на разрушение» в русском и английском языках // Сопоставительные исследования 2018. – Воронеж: изд-во «РИТМ», 2018. – С. 19-22.
2. Деркач С. И. Аспекты национальной специфики языка (на материале тематических групп «Политика» в русском и английском языках): Автограф. ...канд. филол. наук. – Воронеж, 2011.
3. Колтакова С.В. Национальная специфика тематических групп «Труд» и «Отдых» в русском и английском языках): Автограф. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2008.

4. Портнихина Н.А. Национальная специфика семантического развития слова (на материале наименований природных явлений и небесных тел в русском и английском языках): Автореф. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2011.
5. Стернин И.А., Стернина М.А. Методики индексализации и шкалирования в рамках сопоставительно-параметрического метода // Сопоставительные исследования 2016. – Воронеж: Истоки, 2016. – С. 22-29.
6. Стернина М.А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований. – Воронеж: Истоки, 2014.
7. Черникова С.Н. Фразеологизмы, включающие наименования природных комплексов в русском и английском языках / С.Н. Черникова // Сопоставительные исследования 2013. – Воронеж: Истоки, 2013. – С. 86-95.
8. Черникова С.Н. К вопросу об определении национальной специфики фразеологизмов в русском и английском языках // Вестник ВГУ. Филология. Журналистика. – №3 – Воронеж, 2014. – С. 86-89.
9. Черникова С.Н. Национальная специфика фразеологической картины мира (на материале наименований компонентов природного ландшафта в русском и английском языках): Автореф. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2016.

Раздел 3. Сопоставительные исследования национальных концептосфер и коммуникативного поведения

А.В. Асадуллаева, И.Ю. Рыкунова Понятийные характеристики концепта «коучинг» в английской и русской лингвокультурах

Аннотация: В статье исследуются понятийные характеристики концепта «коучинг» в английской и русской лингвокультурах для понимания того, как культурные различия влияют на восприятие и практику коучинга.

Ключевые слова: лингвокультура, лингвокультурный концепт, коучинг, коуч.

Abstract: The paper examines the conceptual characteristics of the concept «coaching» in English and Russian linguistic cultures to understand how cultural differences affect the perception and practice of coaching.

Key words: linguoculture, linguocultural concept, coaching, coach.

В современной лингвистике широко изучаются лингвокультурные концепты (Карасик, Красавский, Слышкин 2014) и лингвокультурные типажи (Асадуллаева 2010, Дмитриева 2019, Мурзинова 2021). Лингвокультурный концепт - это понятие, которое отражает взаимосвязь языка и культуры, а также специфические особенности восприятия и интерпретации мира в различных языковых и культурных сообществах. Этот термин используется для обозначения явлений, которые имеют особое значение в определенной языковой и культурной среде и которые

могут быть труднопереводимыми или требуют адаптации при переводе на другие языки.

Изучение лингвокультурных концептов помогает лучше понять особенности мышления и восприятия мира в различных культурах, а также облегчает межкультурное общение и перевод текстов с учетом культурных особенностей. Вслед за Карасиком В.И. мы считаем любой лингвокультурный концепт трехкомпонентным, что предполагает описание его понятийной, образной и оценочной (ценностной) составляющих (Карасик, Дмитриева 2005).

В данном исследовании рассматриваются и сравниваются понятийные признаки концепта «коучинг» в английских и русских толковых словарях.

Следует упомянуть, что слово «коуч», означавшее «повоzку», получило распространение в Англии в 16 веке, и к середине 19 века стало названием для частных репетиторов. В конце 19 века слово «коуч» занимает прочную позицию в спортивной терминологии как название тренера. Постепенно значение переносится на любую деятельность, связанную с консультированием. Первые коучи в США появляются в 70-х годах XX века. В бизнес-менеджмент термин «коучинг» был введен в начале 90-х годов английским бизнесменом и консультантом сэром Джоном Уитмором.

Сегодня термин «коучинг» используется в различных сферах (спорт, бизнес, реклама, психология, образование и так далее), подразумевая помочь человеку или группе людей в раскрытии потенциала и, как следствие, достижении целей.

Для выявления понятийных характеристик концепта (Карасик 2002, с.91) представляется необходимым обратиться к толковым словарям. В английском толковом словаре Cambridge Dictionary термин «coaching» представлен как:

1) the act of giving special classes in sports, a school subject, or a work-related activity, especially to one person or a small group: *You're very behind in your English - why don't you get some extra coaching? The company provides internet-based coaching for teachers;*

2) the act of training and organizing a sports team: *Many former football players go into coaching at the end of their playing careers. We wanted Bill to return for next season, but completely understand his decision to retire from coaching;*

3) the job or activity of providing training for people or helping to prepare them for something: *All our employees have access to expert coaching. His firm provides seminars and one-on-one coaching sessions throughout the country.*

Oxford dictionary дает следующие дефиниции лексемы «coaching»:

1) the process of training somebody to play a sport, to do a job better or to improve a skill: *a coaching session; I received hours of coaching for my audition;*

2) (especially British English) the process of giving a student extra teaching in a particular subject. *Extra coaching is available for students who might need a little more help;*

3) a method of achieving set goals. The coach through dialogue helps the coachee (client) to correctly set a goal, to find the best way to achieve the goal and reveal hidden inner potential in a person. The coach does not say how to achieve success, but asks questions through which the client himself finds the solution to his own tasks.

Для более детальной понятийной характеристики лексемы «коучинг» представляется важным анализ дефиниции лексемы «коуч» в англоязычных толковых словарях:

1) someone whose job is to teach people to improve at a sport, skill, or school subject (Cambridge Dictionary);

2) a person who teaches and trains the members of a sports team and makes decisions about how the team plays during games: a football/basketball/soccer coach (Cambridge Dictionary);

3) someone whose job is to train and organize a sports team: Our football coach has worked hard to inculcate a team spirit into the players. She's an excellent coach who knows how to get results (Oxford dictionary);

4) a private teacher who gives someone lessons in a particular subject (Oxford dictionary).

Таким образом, становится очевидным, что «coach» в английской картине мира – это человек, работа которого связана с обучением, тренировкой и наставничеством в спорте и обучении, а «coaching» – 1) в первую очередь относится к сфере спорта и образования; 2) предназначен как для группы людей, так и для отдельной личности; 3) может проходить в форме тренировки, обучения или помощи; 4) чаще всего является дополнительным инструментом физического или психологического развития и роста личности. Основной задачей коучинга является постановка цели и ее достижение.

Для сравнения понятийных характеристик изучаемого концепта в русской и английской лингвокультурах следует проанализировать толкование лексемы «коучинг» в русских лексикографических источниках, которые определяют «коучинг» как:

1) метод работы с клиентом по достижению поставленных им в определенной области (личной жизни, бизнесе, развитии) целей в форме индивидуального наставничества, тренинга (Большая Российская Энциклопедия);

2) индивидуальное психологическое сопровождение или персональное тренерство. Целью коучинга является сотрудничество психолога и клиента, в ходе которого происходит «чистка» личностных проблем клиента, нахождение его эффективного индивидуального

профессионального стиля в работе и частной жизни (Глобальная экономика. Энциклопедия);

3) метод обучения, в процессе которого человек, называющийся «коуч», помогает обучающемуся достичь некой жизненной или профессиональной цели. В отличие от менторства, коучинг нацелен на достижении чётко определённых результатов вместо общего развития (Википедия).

Приведенные выше дефиниции позволяют заключить, что русскоязычные лексикографические источники представляют «коучинг» как явление, в первую очередь, свойственное сфере бизнеса и психологического роста. Спорт и образование уходят на второй план, что отличается от понятийных установок в английской картине мира.

В результате сравнения дефиниций в английских и русских толковых словарях становится понятно, что концепт «coaching» в английском языке обычно ассоциируется с процессом индивидуального или группового обучения, направленного на развитие навыков, улучшение производительности и достижение целей. Этот термин также широко используется в спорте для обозначения тренировки и подготовки спортсменов.

В русской лингвокультуре понятие «coaching» также ассоциируется с процессом обучения и развития, однако оно, прежде всего, связано с консультированием, менторством и психологической поддержкой.

Литература

1. Cambridge Dictionary: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/coach>
2. Oxford Dictionary: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>
3. Асадуллаева А. В. Лингвокультурный типаж «английский пират»: определение и стереотипы / Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2010. – № 5(49). – С. 11-14.
4. Большая Российская Энциклопедия: <https://bigenc.ru/c/kouching-3a5b52>
5. Википедия – свободная энциклопедия: <https://ru.wikipedia.org/wiki>
6. Глобальная экономика. Энциклопедия / под ред. И. М. Куликова. – Москва: Финансы и статистика, 2011..
7. Дмитриева, О. А. Место теории лингвокультурных типажей в образовательном пространстве // Актуальные проблемы лингвистики и перевода в современном мире. – Душанбе, 2019. – С. 77-82.
8. Карасик В.И., Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи: сб. науч. тр. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 5–25.
9. Карасик, В. И. Красавский Н. А., Слыскин Г. Г. Лингвоконцептология. – Волгоград: Издательство ВГПУ «Перемена», 2014.
10. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс – Волгоград: Научное издательство ВГСПУ «Перемена», 2002.
11. Мурзинова, И. А. Критерии классификации лингвокультурных типажей / Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2021. – № 6(159). – С. 114-117.

У.Д. Камбаралиева

Особенности отношения к старшему поколению в русской и киргизской коммуникативных культурах

Аннотация: В статье представлены результаты контрастивного исследования отношения к старости в коммуникативной культуре русского и киргизского народов.

Ключевые слова и фразы: коммуникативное поведение, старость, ассоциативный эксперимент, система ценностей, иерархия отношений по возрасту.

Abstract: The paper presents the results of a contrastive study of attitudes to old age in the communicative culture of Russian and Kyrgyz peoples.

Key words and phrases: communicative behavior, old age, associative experiment, value system, hierarchy of relationships by age.

Изучение динамики этнокультурных коммуникативных процессов является одной из фундаментальных проблем современного лингвистического познания, важным направлением которого выступает коммуникативное поведение (КП) той или иной этнической общности.

Термин «коммуникативное поведение» (КП), который впервые был введен И.А. Стерниным в 1989 г., означает вербальное и сопровождающее его невербальное поведение народа, личности или группы лиц в процессе общения, регулируемое нормами и традициями общения данного социума (Стернин 2008, с. 105).

Понятие «КП лингвокультурной общности» в широком значении формируется на основе национального характера, охватывает все правила, нормы и традиции верbalного и невербального общения определенного народа и «...является компонентом его национальной культуры» (Прохоров, Стернин 2006, с.32). Для наиболее достоверного анализа КП и предотвращения возможного «конфликта культур» (термин С.Г. Тер-Минасовой) необходимо принимать во внимание доминантные этнические особенности общения, под которыми «понимаются такие черты, которые в равной степени проявляются у представителей разных возрастных, гендерных, социальных групп и проявляются представителями данного этноса в разных предметных ситуациях» (Стернин 2008, с. 107).

Контрастивный анализ КП русского и киргизского народов позволил нам выявить в рамках ситуативной и параметрической моделей коммуникативно-релевантные черты русского и киргизского менталитета (Камбаралиева, Стернин 2021).

По мнению участников проведенного нами ассоциативного эксперимента (более 4000 чел. разных национальностей), наиболее яркой доминантной чертой менталитета киргизского народа, после гостеприимства, является уважение к представителям старшего поколения (см. Камбаралиева, Стернин 2021, с. 193).

В русской коммуникативной культуре уважение к пожилым людям также считается одним из важных правил, но по результатам исследования

русского КП оно не относится к доминантным коммуникативно-релевантным чертам русского менталитета (см. Прохоров, Стернин 2006, с. 55).

Свободный ассоциативный эксперимент, проведенный среди русских и киргизов – граждан России и Кыргызской Республики, выявил, что в обеих коммуникативных культурах понятие «старость» воспринимается как с положительной, так и с отрицательной стороны, в первую очередь как завершающий этап социальной активности человека, после которого начинается время ожидания конца (последний этап жизни - жашоонун ақыркы кезеңи; предсмертный период - өлүмгө чейинки убакыт, и др.).

Эксперимент, направленный на выявление отношений к пожилым людям и старикам, дал другие результаты. В русской коммуникативной культуре «стар-ый/-ая» ассоциируется в первую очередь с соматической характеристикой человека (морщинистый, беззубый, и др.), оценкой действия (шаркающий, чавкающий, и др.) и характера (раздражительный, сварливый, и др.). Выявлены также ассоциации, связанные с отдельными предметами (очки, палка, клюка и др.) и болезнями.

В киргизском коммуникативном сознании в большинстве случаев старость связана с образами бабушек и дедушек респондентов-киргизов, что демонстрирует сохранившийся до наших дней исторический уклад их жизни, в котором понятие «семья» охватывает представителей двух-трех поколений во главе со старейшинами рода и племени. Кроме этого, в их ответах доминировали ассоциаты, связанные с одеждой киргизов пожилого возраста обоих полов или же с сединой, бородой («аксакал» - белобородый). Соматические и другие характеристики стариков составили незначительную часть ответов. Следует отметить, что в большинстве ответов киргизов (88%) выражено традиционное положительное отношение к идеализированному образу представителей старшего поколения. По мнению респондентов, а также по результатам верификации, пословицы, подчеркивающие важную роль стариков в обществе, и в наши дни являются актуальными (напр., «карсы бардын ырысы бар», т.е. досл.: кто имеет старца, тот имеет счастье, и мн. др.). На основе примеров из литературы и ответов респондентов можно заключить, что в киргизской культуре почти отсутствует негативное отношение к старикам, а наоборот, наблюдается их идеализация.

Сейчас подобное отношение к пожилым людям ярко проявляется в киргизских аилах-сёлах. А в городах правила, регулирующие отношения к старшим, претерпели определенные трансформации и уже не соблюдаются в своем классическом виде, однако сохранились в киргизском сознании как идеал, ориентир для воспитания молодежи.

В ходе исследования были выявлены ярко выраженные ограничения киргизского КП – вертикальная иерархия по признакам возраста и пола. Отметим, что в русском КП подобные признаки эксплицитно не

выявляются и их проявления бывают ситуативно-локального характера. Как отмечал И.А. Стернин, «ограничения по статусу общающихся позволяют говорить о двух разновидностях КП – вертикальном (вышестоящий – нижестоящий) и горизонтальном (равный – равный) (Стернин 2001, с. 57).

Уважение к старшим можно назвать главным морально-этическим правилом жизни киргизов, поскольку представители старшего поколения выполняют функцию: 1) разработчиков всего ценного, что составляет основу общества; 2) единственных хранителей устной летописи и истории народа, как фактора сохранения национальной идентичности и противостояния процессу ассимиляции в кругу многочисленных народов. Киргизский народ в силу различных социально-исторических причин не смог сохранить свою древнюю руническую письменность, поэтому его особый мнемонический талант стал основным средством сохранения истории, культуры народа и воспитания молодежи (напр., самый объемный в мире эпос «Манас», состоящий из более миллиона строк и включенный в список ЮНЕСКО, устно передавался от старших младшим). Сохранившееся до сих пор особое уважительное отношение киргизского народа к представителям старшего поколения связано еще и с сохранением генеалогического древа каждого члена общества до седьмого колена («жети ата» - «семь отцов»). Сведения о родословной и предках каждого человека: 1) позволяют избежать инцеста, т.к. старики только при отсутствии близкородственных отношений на протяжении трех веков дают свое благословение на брак; 2) издревле обеспечивали духовную связь между поколениями и создавали морально-этическую основу воспитания всего народа. Чингиз Айтматов так поясняет это в своей повести «Белый пароход» словами Мальчика: «...Дед говорит, что если люди не будут помнить отцов, то они испортятся. Дед говорит, что тогда никто не будет стыдиться плохих дел, потому что дети и дети детей о них не будут помнить. И никто не будет делать хорошие дела, потому что все равно дети об этом не будут знать» (Айтматов 2008, с. 278).

Именно память о прошлом выражает суть одного из основных жизненных принципов кочевой цивилизации (Гомбожапов 2008). Она выступает регулятором не только коммуникации в обществе, но и всей жизни кочевников и опровергает ошибочное мнение А.С. Пушкина о том, что «...уважение к минувшему — вот черта, отличающая образованность от дикости; кочующие племена не имеют ни истории, ни дворянства» (Пушкин 1959-1962, с. 367).

Следует отметить, что на данном этапе в Кыргызской Республике, как и во многих постсоветских странах, наблюдается деструкция прежних моделей отношений между людьми, выявляется фрустрированность сознания людей, выживающих в сложных экономических и социально-политических ситуациях. На фоне всего происходящего в мире, отношение

к людям старшего поколения необходимо рассматривать в комплексе, т.к. рассмотрение его только в рамках отношений между поколениями может привести к неверным, субъективным выводам.

В коммуникативной культуре киргизов фундамент отношений к старшим формируется с малых лет, и каждый член общества обязан знать свод правил, который используется в вертикальном вербальном и невербальном КП в зависимости от возрастной и гендерной иерархии. В вербальном КП киргиз обязан обращаться ко всем старшим в семье и вне семьи на «вы»; в речи использовать термины родства (бабушка, дедушка, брат, сестра, и др.) и «вежливые» этикетные формулы.

Невербальное общение киргизов с представителями старшего поколения имеет много деталей и тонкостей, которые касаются всех кинесических компонентов коммуникации. Например, старших принято приветствовать, встав с места; молодым мужчинам следует протягивать обе руки для приветствия стариков; при старших не рекомендуется сидеть или стоять в расслабленной позе; нельзя смотреть старшему прямо в глаза («впиваться взглядом»); молодым нельзя пересекать дорогу старшим, молодухи, приветствуя старших, должны кланяться, и мн. др. В русской культуре часть таких правил КП также имеется в виде рекомендаций, но в данное время они на практике не выполняются (см. Прохоров, Стернин 2006). Во всех нормах КП «может наблюаться национальная специфика: так, общение мужчины и женщины в русской культурной традиции выступает как горизонтальное, а в мусульманской – как вертикальное; общение старшего с младшим у мусульман гораздо более вертикально, чем у русских» (Прохоров, Стернин 2006, с. 17).

Как отмечается, в данное время в Средней Азии и на Кавказе почитание старших как главный принцип взаимоотношения между людьми сохраняется до сих пор, а в России он подвергся определенным изменениям из-за различных причин (Смолькин 2010, с. 67).

Если рассмотреть более детально, в Кыргызской Республике, как и в других постсоветских странах, образ идеализированного советского прошлого, закрепившийся в коммуникативном сознании пожилых людей, становится причиной их представлений о социальной несправедливости современного общественного устройства, отрицания всего современного и их непривычного для данного общества коммуникативного поведения. Это может усилить социальную напряженность в обществе, создать негативное отношение к старшему поколению, послужить прецедентом для дискриминации данной социальной группы. (Еще в 1969-м году Р. Батлер подобную дискриминацию по геронтологическим признакам пытался объяснить своей «концепцией эйджизма»: Якимова, Торнston 1994, с.59.).

Анализ мнений респондентов выявил, что наследие прошлого служит причиной негативного отношения к старикам со стороны более молодых членов общества (стилистика авторов сохранена): «молодежь в киргизском

обществе уже не самих стариков уважает, а их возраст и статус», потому что «настоящих, достойных уважения стариков, т.е. тех, кто защищал Родину, строил наше общество, уже не осталось»; «если даже старик со своим поведением недостоин уважения, то приходится его уважать, потому что родители нас воспитывали так»; «они - коррупционеры, и это нам передали в наследство», и мн. др. (Камбаралиева, Стернин 2021, с. 69).

Как показали результаты анализа, киргизская молодежь в большинстве случаев следует принятым в обществе традиционным правилам, но в некоторых случаях ими может пренебречь. Как отмечают исследователи, «отношения молодых людей из Средней Азии и Кавказа к старшим может изменяться в зависимости от культуры среды, в которой они оказались, а также от условий жизни и быта» (Смолькин 2010, с.71).

До XXI века в киргизском обществе негативное отношение молодых к старикам регулировалось разнообразными способами и подвергалось ostrакизму. Сейчас наблюдается равнодушие и отчужденность людей от происходящего вокруг. Одним из индикаторов такого отношения является рост количества пожилых людей в домах престарелых. Как отмечают исследователи, в XX веке в домах-интернатах для престарелых почти не было людей киргизской национальности, а в данное время их - более 50% (www.stat.kg). По традиции киргизского народа дети обязаны заботиться о своих пожилых родителях, жить вместе с ними. В русской культуре также наблюдается аналогичное отношение к родителям: «Общественное сознание резко не одобряет помещение родителей в дома престарелых («при живых детях»), ориентирует поведение русского человека на учет интересов родителей, заботу о них до старости. Родителей принято брать «к себе», съезжаться с ними, обменивать квартиры, чтобы в старости родители жили с детьми» (Прохоров, Стернин 2006, с. 57).

Раньше в киргизском обществе отправление стариков в дома престарелых считалось большим позором не только для определенной семьи, но и для всего рода и племени, поэтому в таких случаях стариков забирали к себе жить даже малознакомые люди. На данном этапе в связи с общественно-экономическими условиями в республике и миграцией трудоспособной части населения в другие государства, оставление стариков в домах престарелых иногда становится единственным выходом из тяжелых жизненных ситуаций (см.: Влияние миграции на старшее поколение).

Таким образом, модели взаимоотношений людей, которые традиционно существовали в социумах, начинают трансформироваться под влиянием социально-экономических и социально-психологических факторов, поэтому особенности КП, характеризующие отношения к пожилым людям в социуме, необходимо рассматривать не в традиционных рамках отношений между поколениями, а в комплексе с их условиями. Как показали результаты исследования, в русском КП отношение к

представителям старшего поколения в большинстве случаев горизонтальное, и иногда, в зависимости от ситуации, умеренно вертикальное, а в киргизском КП такое отношение имеет строгую вертикальную иерархию.

Литература

1. Айтматов Ч.Т. Полное собрание сочинений в 8 томах: Т.2. – Алматы, 2008.
2. Влияние миграции на старшее поколение. Режим доступа: <https://24.kg/archive/ru/glance/19241-2007/05/08/52119.html>/<https://www.auca.kg/>
3. Гомбожапов А.Д. Кочевые цивилизации Центральной Азии в трудах Л.Н. Гумилева: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.09. – Улан-Удэ, 2008. – Режим доступа: <http://www.dslib.net/istorio-grafia/kochevye-civilizacii-centralnoj-azii-v-trudah-l-n-gumileva.html>
4. Камбаралиева У.Д., Стернин И.А. Русское и киргизское коммуникативное поведение. – Воронеж, 2021. Режим доступа:
5. <http://sterininia.ru/index.php/izbrannye-publikatsii/item/491-russkoe-i-kirgizskoe-kommunikativnoe-povedenie>; 2) <https://elibrary.ru/item.asp?id=46498749>
6. Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. – М.: Флинта: Наука, 2006. Режим доступа: https://www.vsu.ru/ru/university/structure/communicate/pdf/monographs/russian-comm-behavior_2006.pdf
7. Пушкин А.С. О ничтожестве литературы русской // Собрание сочинений в 10 томах. М.: ГИХЛ, 1959–1962. Том 6. Критика и публицистика. – Режим доступа: <https://rvb.ru/pushkin/01text/07criticism/02misc/1053.htm>
8. Смолькин А. А. Трансформации уважительного отношения к пожилым людям у (им)мигрантов // Социологический журнал. – 2010. – № 4. – с. 66 - 91. Режим доступа: http://www.isras.ru/files/File/Sociologymagazin/Socmag_04_2010/04_Smolkin.pdf
9. Стернин И.А. О понятии коммуникативного сознания // Культура общения и ее формирование. – Вып.8. – Воронеж, 2001.
10. Стернин И.А. Избранные работы. Теоретические и прикладные проблемы языкоznания. – Воронеж: Истоки, 2008.
11. Якимова Е. В., Торнston Л. Геронтология в динамическом обществе // Социальная геронтология: современные исследования. — М.: ИНИОН РАН, 1994. — С. 58–68. Режим доступа: <https://sci.house/vozrastnaya-psihologiya-scibook/gerontologiya-dinamicheskem-obschestve-17833.html>

Л.Г. Попова, Л.Ф.Исаева

Репрезентация ядерных концептуальных признаков женской верности в немецких и русских художественных текстах XX века

Аннотация: В статье осуществляется сопоставительный анализ вербальной репрезентации концепта *женская верность* в немецком и русском языках.

Ключевые слова и фразы: концепт «верность», немецкий язык, русский язык.

Abstract: The paper provides a comparative analysis of the verbal representation of the concept of female fidelity in German and Russian.

Key words: the concept of fidelity, German, Russian.

Гендерный фактор в лингвистических исследованиях является сравнительно новым направлением, а концепт «верность» в гендерном аспекте в сопоставительном языкоzнании малоизучен.

Гендерный подход в языкоzнании подразумевает значимость культурных, социальных, психологических особенностей индивидов, когда берется во внимание разница в статусах женщины и мужчины в разных сферах жизни. В когнитивном аспекте становится возможным выяснение гендерных особенностей проявлений поведения человека, связанных с культурными традициями носителей того или иного языка (Бирюкова, Радченко, Попова 2018; Чуприна, Баранова, Меркулова 2018; Герасимова 2011). В этом случае гендерный фактор рассматривается в преломлении лингвокультурологии, так как язык и культура тесно взаимосвязаны. Отсюда становится понятным употребление в лингвистических работах такого термина, как гендерный стереотип, под которым подразумевается сформировавшееся с течением времени определенное правило поведения мужчин и женщин той или иной лингвокультуры.

Гендерные стереотипы репрезентированы в языке. Лингвокультурологические исследования направлены на выявление специфических национальных стереотипов фемининности и маскулинности, их репрезентативных особенностей. Несмотря на очевидные различия в восприятии мужественности и женственности у разных народов, эти понятия существуют во всех культурах, они одновременно универсальны и специфичны.

Анализируемый в данной работе концепт *Женская верность* является лингвокультурным концептом, так как обладает всеми характеристиками концептов подобного вида, а именно целостностью, ментальной природой, условностью, размытостью, ценностью, изменчивостью (Карасик, Слышик 2003, с. 107-108). Лингвокультурные концепты могут классифицироваться по различным основаниям. По признаку актуальности концепты относят к ведущим и второстепенным. Ведущими являются концепты, которые широко представлены в фольклоре, художественной литературе. Второстепенные концепты менее актуальны, их репрезентанты менее частотны (Попова, Стернин 2007). Концепт *Женская верность* можно отнести к ведущим концептам немецкого и русского языкового сознания. Несомненный научный интерес вызывает исследование репрезентации данного концепта с позиций гендерной лингвистики. Считаем необходимым выяснить представленность центральных признаков этого концепта при вербализации понятия *женской верности*. В этом случае предлагаем понимать женскую верность, как часть гиперконцепта *Верность*.

Целесообразно отметить, что в немецком языке понятийный компонент концепта *верность* может быть представлен ядерной лексемой *die Treue* и

соответствующими синонимами и антонимами. Согласно данным словарей (Deutsch Duden online, Электронный ресурс), эта лексема обладает следующими значениями:

- общее понятие верности
- супружеская верность, верность в любви
- верность при соблюдении обязательств
- верность в дружбе
- религиозная верность.

Обратимся к анализу примеров, где используется упомянутая ядерная лексема.

«*Übrigens widmete sie sich mit Liebe und Treue der Erziehung der kleinen Erika und erzählte ihr dieselben Erinnerungen und Geschichten, denen vor fünfzehn Jahren die Kinder des Konsuls gelauscht hatten: von einem Onkel im besonderen, der zu Marienwerder am Schluckauf gestorben war, weil er sich das Herz abgestoßen« hatte.*» (Thomas Mann, Электронный ресурс)

(Кстати, она с любовью и преданностью посвятила себя воспитанию маленькой Эрики и рассказала ей те же воспоминания и истории, которые пятнадцать лет назад слушали дети консула: в частности, о дяде, который умер в Мариенвердере от икоты, потому что у него разбилось сердце – здесь и далее перевод Л.Исаевой).

«*Die Treue und Hingebung der guten Ida Jungmann, die nun schon länger als drei Jahrzehnte den Buddenbrooks diente, war ja mit Gold nicht zu bezahlen. Sie hatte die vorhergehende Generation mit Aufopferung gehegt und gepflegt: Hanno aber trug sie auf Händen, sie hüllte ihn gänzlich in Zärtlichkeit und Sorgfalt ein, sie liebte ihn abgöttisch und ging in ihrem naiven und unerschütterlichen Glauben an seine absolut bevorzugt und bevorrechtigte Stellung in der Welt oftmals bis zum Absurden*» (Mann, Электронный ресурс).

(Верность и преданность доброй Иды Юнгманн, которая служила Будденброкам уже более трех десятилетий, не могла быть оплачена золотом. Она самоотверженно лелеяла и лелеяла предыдущее поколение: Ханно же она носила на руках, она полностью окружала его нежностью и заботой, она обожала его и, в своей наивной и непоколебимой вере в его абсолютное привилегированное положение в мире, часто доходила до абсурда).

В данном примере мы видим отражение концептуального признака женской верности как верности своим работодателям.

Рассмотрим аналогичным образом центральные признаки концепта женская верность через их презентацию в русских художественных текстах XX века. Отметим, что ядерной лексемой этого концепта в русском языке выступает лексема *верность*. Эта лексема, по данным толковых словарей (Ожегов, Электронный ресурс), обладает следующими значениями:

- стойкость и неизменность в чувствах, отношениях, в исполнении своих обязанностей, долга;
- уверенность, убеждение, твердое осознание, понятие о чем-либо, особенно о предметах высших, невещественных, духовных;
- полная преданность, правдивость, твердость в слове, стойкость в деле;
- надежность, точность, исправность, достоверность, правдивость, истина.

Обратимся к анализу примеров, взятых из русских художественных текстов.

И вот ведь как все перевито, перекручен в жизни: ежели у них, у Пряслиных, ничего не уродится, то и старухам его подшефным куковать. С войны еще идет порядок: всех старух престарелых, всех калек и увечных должны обсевать здоровые. Михаилу поэтому по рядку досталось пять старух. И вот две старухи смекнули, сумели запахать свои участки без него, а три старушонки: соседка Семеновна, Дуня Савкина и Матвеев на — те решили сохранить ему верность. Пришли на днях: «Мы уж, Миша, никого не зовем. Тебя будем ждать». (Абрамов, Электронный ресурс).

Данный пример демонстрирует концептуальный признак женской верности как верности дружбе.

Вытирая слёзы, старуха подумала, что, быть может, оттого она и не умерла ночью, что не простилась с Миронихой, со своей единственной во всю жизнь подружкой, что не было у неё того, что есть теперь, — чувства полной, ясной и светлой законченности и убранности этой давней и верной дружбы. Старуха знала: больше они не увидятся (Распутин, Электронный ресурс).

Данный контекст отображает пример истиной, долгой и верной дружбы между женщинами, что проецируется в концептуальном признаке женской верности.

Считаем целесообразным осуществить сопоставительный анализ выявленных нами ядерных признаков концепта *женская верность* на материале немецких и русских художественных текстов первой половины XX века. Полученные результаты представлены в таблице.

Таблица 1. Сводная таблица ядерных признаков концепта *Женская верность*, препрезентированных в немецких и русских художественных текстах первой половины XX века

Ядерные признаки концепта <i>Женская верность</i>	Немецкие художественные тексты	Русские художественные тексты
• Преданность	+	+
• Надежность	+	+
• Стойкость	-	+
• Уверенность	-	+

Таким образом, как в немецких, так и в русских художественных текстах, ядерными признаками концепта *женская верность* выступают признаки преданность и надежность. Отличительной особенностью русской женской верности являются такие признаки, как стойкость и уверенность.

Литература

1. Бирюкова Е.В., Радченко О. А., Попова Л. Г.. Языкознание: сравнительная типология немецкого и русского языков: Учебник для бакалавриата и магистратуры – Москва: Издательство ЮРАЙТ, 2018.
2. Герасимова, С. А. Антропоцентрический подход к языку // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2011. – № 2(8). – С. 96-100.
3. Карасик В.И., Слыскин Г.Г. Лингвокультурный концепт как элемент языкового сознания // Методология современной психолингвистики. – Москва; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003.
4. Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. – 18-е изд., стер. – М.: Русский язык, 1987. – [Электронный ресурс]. URL: http://mirsloverei.com/oje_a (дата обращения: 21.04.2023)
5. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М. . АСТ: Восток-Запад, 2007.
6. Чуприна, О. Г. Баранова К. М., Меркулова М. Г. Судьба как концепт в языке и культуре // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2018. – № 3(56). – С. 120-125.
7. Deutsch Duden online – [Электронный ресурс]. URL: <http://www.duden.de>, (дата обращения: 15.04.2023).

Л. А. Семёнова

Репрезентация концептуальной метафоры «счастье» в китайских и русских текстах эпохи постмодернизма

Аннотация: В статье на материале постмодернистских китайских и русских художественных текстов рассматривается в сопоставительном аспекте концептуальная метафора «счастье».

Ключевые слова: концептуальная метафора, китайские художественные тексты постмодернизма, русские художественные тексты постмодернизма, сопоставление

Abstract: The paper examines the conceptual metaphor «happiness» in a comparative aspect based on the material of postmodern Chinese and Russian literary texts.

Key words: conceptual metaphor, Chinese postmodern literary texts, Russian postmodern literary texts, comparison.

В лингвистике существует несколько подходов к исследованию концептуальной метафоры. Среди таких подходов в нашей работе выбирается установление сферы источника концептуальной метафоры. Исследование проводится на материале русских и китайских текстов эпохи постмодернизма, отражающих современное состояние языка и отличающихся ярким метафорическим наполнением. Такие тексты

формируют картину мира, опираясь в том числе на интертекстуальные стратегии текстопорождения (Смирнова 2018, с. 12), сочетают привычные для языка метафоры с авторскими, которые базируются на уже устоявшихся в языке концептах, развивая и обогащая их.

Объектом данной работы выступает концептуальная метафора *счастье*. Эта метафора репрезентируется в китайских текстах эпохи постмодернизма лексемами *福* *счастье*, а также их производными (幸福, 福气, 幸福感), которые являются ядерными лексемами концепта *счастье*.

Обратимся сначала к анализу китайских текстов. В них областью источника концептуальной метафоры *счастье* может быть *водоем* (*река*).

一种终于认清了奋斗的目标、预见到远大前程的**幸福感**—**浪接一浪在心头奔涌**。Счастье от того, что он наконец осознал цель борьбы и предвидел грядущие великие свершения, волнами поднималось в душе (莫言. *红高粱家族 / Мо Янь. Красный Гаолян: история одного рода*; перевод с китайского Натальи Власовой).

В этом случае под водоемом подразумевается движение воды, когда счастье волна за волной несется на человека (**一浪接一浪在心头奔涌**).

女人的气味……使他沉浸在一种飘飘欲仙、恍惚又优美的幸福感里。

Запах женщины ... погрузил его в тоскливо и прекрасное ощущение счастья, от которого он воспарил, подобно бессмертному (莫言. *天堂蒜薹之歌, пер. мой*).

В втором примере за счет метафоры подчеркивается тот факт, что в счастье можно погрузиться, как в воду (**使他沉浸在……幸福感里**).

Кроме описанной выше области источника исследуемой метафоры можно констатировать презентацию такой области источника, как *предмет реальной действительности*. Например:

他精神振奋, 头脑空前清醒, 似乎这凉水灌顶是他平生享受到的最大幸福。 Он воодушевился, в голове появилась небывалая ясность, словно эта холодная вода, благословившая его, была величайшим счастьем, которое он получил за всю жизнь (莫言. *天堂蒜薹之歌, пер. мой*).

В этом случае областью источника концептуальной метафоры *счастье* может быть материальный предмет, который можно получить и наслаждаться им (**享受到的最大幸福**). Кроме того, счастье представляется предметом, имеющим размер, в данном случае, счастье самое большое (**最大幸福**). С другой стороны, счастье может соотноситься с пространством, которое обладает или, напротив, не имеет границ:

能够重新体验在母腹中的生活他感到**无限幸福**, 没有饥饿没有寒冷他确实感到非常幸福。И оттого, что ему удалось заново пережить это чувство, чувство пребывания в утробе матери, где нет ни голода, ни холода, старик ощущал безграничное счастье (莫言. *红高粱家族 / Мо Янь*.

Красный Гаолян: история одного рода; перевод с китайского Натальи Власовой).

Из примера выше следует, что счастье, которое ощущает человек, безгранично, как пространство (**无限幸福**).

Обратимся к анализу примеров из русских художественных текстов постмодернизма. В них областью источника концептуальной метафоры *счастье* может быть *река*.

Но поверь, у здешних обитателей все они уходят на то, чтобы хоть понарошку, хотя бы в героиново-алкогольном дурмане, приблизиться к тому потоку счастья и радости, в котором проходит твоя жизнь (Пелевин, Священная книга оборотня).

Как демонстрирует пример, источником исследуемой метафоры является движение реки (поток счастья), когда счастье соотносится с потоком воды, который охватывает человека.

Кроме обозначенной выше области источника концептуальной метафоры *счастье* отмечается присутствие такой области, как *наркотик*. Например:

*Однажды, во время грозы или в какой-нибудь другой драматический миг, лиса открывает ему всю правду и обнажает свой хвост – но не для того, чтобы внушить очередную дозу **семейного счастья**, а чтобы поразить насмерть...* (Пелевин, Священная книга оборотня)

Согласно контексту, областью источника метафоры *счастье* выступает наркотик, причем подчеркивается отрицательная оценка семейного счастья, которое для человека так же пагубно, как доза наркотика.

Областью источника в русских текстах также выступает *материальный предмет*. Например:

*Прекрасно, когда два существа находят способ **принести друг другу счастье и радость*** (Пелевин, Священная книга оборотня)

Указанный контекст демонстрирует, проявление источника концептуальной метафоры *счастье* как объекта материальной действительности, который можно принести и дать.

Как и в случае с китайским языком, в русском счастье тоже можно сравнить с пространством, не имеющим границ. Обратимся к примеру:

*Я увидел то, что заставило меня повалить ее на пол — прошедшую по телу сладкую дрожь предвкушения, вспышку в мозгу, которая была обещанием **бесконечного счастья*** (Пелевин, S.N.U.F.F.).

Из примера следует, что источником концептуальной метафоры *счастье* может выступать *пространство*, отрезок, который имеет начало, но не имеет конца.

Обратимся к сопоставительному анализу установленных нами областей источников концептуальной метафоры *счастье* в китайских и русских художественных текстах эпохи постмодернизма. Как показывает исследование, и в китайских, и в русских художественных текстах

постмодернизма областями источника концептуальной метафоры счастье выступают *водоем*, *предмет материальной действительности* и *пространство*. В отличие от китайских текстов, в русских текстах может быть представлена такая область источника исследуемой метафоры как наркотик.

Литература

1. Смирнова А.И. Интертекстуальность художественного дискурса как реализация культурно-интеграционных процессов // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: «Филология. Теория языка. Языковое образование». – 2018. – № 4 (32) 2018. – С. 8–15.

Раздел 4. Сопоставительные исследования в психолингвистике

И.А. Барабушка, Л.А. Кривенко

Астионимы *Москва* и *Moscow* во вторичном языковом сознании

Аннотация: Статья посвящена выявлению особенностей репрезентации семантики астионимов *Москва* и *Moscow* в языковом сознании искусственных субординативных билингвов. Исследование осуществлялось на материале свободного ассоциативного эксперимента со стимулами на Я1 и Я2 при помощи метода семантической интерпретации ассоциативных полей.

Ключевые слова: Москва, астионим, ойконим, семантика астионимов, свободный ассоциативный эксперимент, САЭ со стимулами на Я2, субординативный билингвизм/

Abstract: The paper is devoted to identifying the specifics of semantic representation of the astyonyms *Москва* and *Moscow* in the linguistic consciousness of non-natural subordinate bilinguals. The study was conducted on the material of a free association experiment with stimuli in L1 and L2 using the semantic associative field method.

Key words: Moscow, astyonym, oykonym, semantics of astyonyms, free association experiment, FAE with stimuli in L2, subordinate bilingualism.

Человек является частью окружающей его действительности на протяжении всей истории своего существования. Мы не обособлены от мира, но воспринимаем и интерпретируем его реалии по-разному в зависимости от культурно-исторического ландшафта, в который мы погружены. Проекция географического пространства в сознании индивида создает уникальный образ, смоделированный под воздействием множества факторов, а личность наполняет этот образ смыслом, позволяет вдохнуть в него жизнь. Изучение ойконимов позволяет взглянуть на этот процесс более подробно, так как имя не только хранит какую-то историю, связанную с определенным местом, но и является в сознании индивида

своеобразным маркером или триггером, вызывающим воспоминания и ассоциации.

В данном исследовании в фокусе внимания оказалась специфика репрезентации семантического наполнения астионимов, т.е. ойконимов, обозначающих собственное имя города, в языковом сознании искусственных субординативных билингвов в ответ на стимулы на русском и английском языках. Для эксперимента нами был выбран астионим *Москва* (*Moscow*), так как в сознании любого человека, проживающего на территории России, есть свой образ столицы нашей Родины, даже если он ни разу там не был.

Изучение семантики рассматриваемых ойконимов проходило на основе результатов свободного ассоциативного эксперимента (САЭ) со стимулами на РЯ и АЯ с использованием метода семантической интерпретации ассоциативных полей, предложенного И.А. Стерниным и А.В. Рудаковой (Стернин, Рудакова 2011). Описание психолингвистического значения осуществлялось с использованием трафаретной модели Маклаковой-Стернина-Рудаковой (Маклакова 2014, Рудакова, Стернин 2015).

Эксперимент, результаты которого послужили материалом для данного исследования, был проведен в Воронежском государственном университете в 2022 году. В САЭ принимали участие 118 студентов естественно-научных факультетов ВГУ в возрасте от 18 до 23 лет. Испытуемые были случайным образом поделены на 2 группы. Респондентов первой группы попросили записать на русском языке первую ассоциативную реакцию на стимул *Москва*, для респондентов второй группы заданием было записать первую ассоциацию на английском языке на соответствующий англоязычный стимул (*Moscow*).

По данным проведенного САЭ были составлены ассоциативные поля астионимов *Москва* и *Moscow*, а также для каждой из ассоциативных реакций были определены индексы яркости.

Ассоциативное поле топонима *Москва*

МОСКВА 63: столица 24, Кремль 7, город 5, большая, Красная площадь, City (Москва сити), Алёша Прошин (молодой человек), аллюр, Арбат, Детский мир, любит бедных, любит делать их беднее, мегаполис, мороженое, Москва, муравейник, не резиновая, подруга, постоянное движение, Путин, Россия, Садовод, Санкт-Петербург, скорость, слезам не верит, спешка, храм, шумная точка 1

Индексы яркости

МОСКВА 63: столица 0,38, Кремль 0,11, город 0,08, большая, Красная площадь, City (Москва сити), Алёша Прошин (молодой человек), аллюр, Арбат, Детский мир, любит бедных, любит делать их беднее, мегаполис, мороженое, Москва, муравейник, не резиновая, подруга, постоянное движение, Путин, Россия, Садовод, Санкт-Петербург, скорость, слезам не верит, спешка, храм, шумная точка 0,02

Ядерные семы: столица 0,38

Ближняя периферия: Кремль 0,11, город 0,08,

Дальняя периферия: большая, Красная площадь, City (Москва сити), Алёша Прошин (молодой человек), аллюр, Арбат, Детский мир, любит бедных, любит делать

их беднее, мегаполис, мороженое, Москва, муравейник, не резиновая, подруга, постоянное движение, Путин, Россия, Садовод, Санкт-Петербург, скорость, слезам не верит, спешка, храм, шумная точка 0,02

Ассоциативное поле топонима Moscow

MOSCOW 58: capital 13, city 7, Kremlin 5, Moscow city 3, Red Square 2, capital city 2, town 2, never sleeps 2, flashes, working, wealth, money, rich village, country, Putin, anthill, evil, Moscow never sleeps, Dagestan, opportunities, huge escalators, dream, capital, metropolis, noise, high – rise, noisily, big, bad, swamp 1

Индексы яркости

MOSCOW 58: capital 0,22, city 0,12, Kremlin 0,09, Moscow city 0,05, Red Square, capital city, town, never sleeps 0,03, flashes, working, wealth, money, rich village, country, Putin, anthill, evil, Moscow never sleeps, Dagestan, opportunities, huge escalators, dream, capital, metropolis, noise, high – rise, noisily, big, bad, swamp 0,02

Ядерные семы: capital 0,22, city 0,12

Ближняя периферия: Kremlin 0,09, Moscow City 0,05

Дальняя периферия: Red Square, capital city, town, never sleeps 0,03, flashes, working, wealth, money, rich village, country, Putin, anthill, evil, Moscow never sleeps, Dagestan, opportunities, huge escalators, dream, capital, metropolis, noise, high – rise, noisily, big, bad, swamp 0,02

В процессе рассмотрения психолингвистического значения астионимов *Москва* и *Moscow*, были детально изучены и описаны их денотативный и коннотативный компоненты.

Денотативный макрокомпонент значения		
Признаковая часть		
Семантические параметры	Семантические признаки	
	Москва 60	Moscow 58
Вид и статус топонима	столица 24, город 5, мегаполис 1	capital 13, city 7, capital city 2, town 2, metropolis 1
Локация	Россия 1	country 1
Связь с респондентом	Алёша Прошин (молодой человек) 1, подруга 1, мороженое 1	-
Вид возможной деятельности	-	working 1, opportunities 1
Составные части объекта	Детский мир 1, Садовод 1, храм 1	flashes 1, huge escalators 1, high – rise 1
Физические характеристики	большая 1	big 1
Качественные характеристики	аллюр 1, постоянное движение 1, спешка 1, скорость 1, шумная точка 1	noise 1, noisily 1
Природные условия	-	swamp 1
Достопримечательности и символы города	Арбат 1, Кремль 7, Красная площадь 1, City (Москва сити) 1	Kremlin 5, Moscow City 3, Red Square 2

<i>Опасность</i>	-	Dagestan 1
<i>Благосостояние</i>	-	money 1, rich village 1, wealth 1
<i>Субъективная оценка</i>	муравейник 1, не резиновая 1	anthill 1, bad 1, dream 1, evil 1
Реляционная часть		
<i>Идентификация</i>	Путин 1	Putin 1
<i>Актуализация прецедентных текстов</i>	слезам не верит 1, любит бедных, любит делать их беднее 1,	never sleeps 2, Moscow never sleeps 1

<i>Не интерпретируется</i>	Москва 1, Санкт-Петербург 1	-

Как видно из таблицы, ряд семантических параметров объективированы реакциями у обоих рассматриваемых стимулов: «*Вид и статус топонима*», «*Локация*», «*Составные части объекта*», «*Физические характеристики*», «*Качественные характеристики*», «*Достопримечательности и символы города*», «*Субъективная оценка*», «*Идентификация*», «*Актуализация прецедентных текстов*».

По материалам исследования для каждого из топонимов были выделены эндемичные семантические параметры: для стимула *Москва* – «*Связь с респондентом*», для стимула *Moscow* – «*Вид возможной деятельности*», «*Природные условия*», «*Опасность*» и «*Благосостояние*».

Для объективной количественной и качественной характеристики полученных ассоциаций в рамках определенного семантического признака мы воспользовались **индексом представленности семантического признака (ИПСП)** в Я1 и Я2, под которым мы понимаем отношение количества полученных ассоциаций в рамках определенного семантического признака к общему количеству реакций, полученных на данный стимул (Барабушка, Кривенко 2023), а также **шкалой ранжирования степени выраженности исследуемых параметров** (Кривенко 2013).

Денотативный макрокомпонент значения		
Признаковая часть		
Семантические параметры	ИПСП, % Москва 60	ИПСП, % Moscow 58
<i>Вид и статус топонима</i>	50	43,1
<i>Локация</i>	1,7	1,7
<i>Связь с респондентом</i>	5	-
<i>Вид возможной деятельности</i>	-	3,4
<i>Составные части объекта</i>	5	5,2
<i>Физические характеристики</i>	1,7	1,7
<i>Качественные характеристики</i>	8,3	3,4

<i>Природные условия</i>	-	1,7
<i>Достопримечательности и символы города</i>	16,7	17,2
<i>Опасность</i>	-	1,7
<i>Благосостояние</i>	-	5,2
<i>Субъективная оценка</i>	3,4	6,9
Реляционная часть		
<i>Идентификация</i>	1,7	1,7
<i>Актуализация прецедентных текстов</i>	3,4	5,2
<i>Не интерпретируется</i>	3,4	-

У обоих стимулов яркая степень проявления индекса представленности семантического признака выявлена у ассоциаций с семантическим признаком «вид и статус топонима» – 50 у топонима *Москва* и 43,1 у топонима *Moscow*. Заметная степень проявления индекса представленности семантического признака отмечена у ассоциаций с семантическим признаком «достопримечательности и символы города» у обоих астинимов (16,7 и 17,2 соответственно). У остальных ассоциаций степень представленности семантического признака может характеризоваться как низкая на основании показателей индекса, варьирующихся от 8,3 до 1,7 у топонима *Москва* и находящихся в пределах от 6,9 до 1,7 у топонима *Moscow*.

В рамках исследования было также описано коннотативное значение топонимов *Москва* и *Moscow*, в которое входят оценочный, эмоциональный и функциональный компоненты (Стернин, Рудакова 2011).

Коннотативный макрокомпонент значения топонима *Москва*

Оценочная характеристика:

неоценочное 55 – столица 24, Кремль 7, город 5, большая 1, Красная площадь 1, City (Москва сити) 1, Алёша Прошин (молодой человек) 1, аллюр 1, Арбат 1, Детский мир 1, мегаполис 1, мороженое 1, Москва 1, подруга 1, постоянное движение 1, Путин 1, Россия 1, Садовод 1, Санкт-Петербург 1, скорость 1, спешка 1, храм 1

неодобрительное 5 – любит бедных, любит делать их беднее, муравейник, не резиновая, слезам не верит, шумная точка 1

одобрительное 0

Эмоциональная характеристика:

неэмоциональное 55 – столица 24, Кремль 7, город 5, большая 1, Красная площадь 1, City (Москва сити) 1, Алёша Прошин (молодой человек) 1, аллюр 1, Арбат 1, Детский мир 1, мегаполис 1, мороженое 1, Москва 1, подруга 1, постоянное движение 1, Путин 1, Россия 1, Садовод 1, Санкт-Петербург 1, скорость 1, спешка 1, храм 1

отрицательно-эмоциональное 5 – любит бедных, любит делать их беднее, муравейник, не резиновая, слезам не верит, шумная точка 1

положительно-эмоциональное 0

Коннотативный макрокомпонент значения топонима *Moscow*

Оценочная характеристика:

неоценочное 49 – capital 13, city 7, Kremlin 5, Moscow city 3, Red Square 2, capital city 2, town 2, never sleeps 2, flashes 1, working 1, wealth 1, money 1, country 1, Putin 1, Moscow never sleeps 1, huge escalators 1, capital 1, metropolis 1, high – rise 1, big 1, swamp 1

неодобрительное 7 – rich village 1, anthill 1, evil 1, Dagestan 1, noise 1, noisily 1, bad 1

одобрительное 2 – opportunities 1, dream 1

Эмоциональная характеристика:

неэмоциональное 49 – capital 13, city 7, Kremlin 5, Moscow city 3, Red Square 2, capital city 2, town 2, never sleeps 2, flashes 1, working 1, wealth 1, money 1, country 1, Putin 1, Moscow never sleeps 1, opportunities 1, huge escalators 1, capital 1, metropolis 1, high – rise 1, bad 1, swamp 1

отрицательно-эмоциональное 7 – rich village 1, anthill 1, evil 1, Dagestan 1, noise 1, noisily 1, big 1

положительно-эмоциональное 2 – opportunities 1, dream 1

С точки зрения функциональной характеристики обе лексемы могут быть описаны как межстилевые, общеупотребительные, современные, общераспространенные, частотные, тонально-нейтральные.

Было выявлено, что у обоих топонимов преобладает неоценочная характеристика, исходя из показателей индексов яркости 0,92 для топонима *Москва* и 0,84 для топонима *Moscow*. На втором месте у обоих топонимов оказалась неодобрительная оценочная характеристика с показателем ИЯ 0,02 у топонима *Москва* и показателем ИЯ 0,12 у топонима *Moscow*. Примечательно, что одобрительная оценочная характеристика топонима *Moscow* определяется показателем индекса яркости 0,03, а у топонима *Москва* одобрительная оценочная характеристика отсутствует.

Рассматривая эмоциональность, можно сделать вывод о том, что у обоих топонимов на первом месте находится неэмоциональный компонент (для топонима *Москва* показатель ИЯ – 0,92, для топонима *Moscow* показатель ИЯ – 0,84). На втором месте по убыванию ИЯ у обоих топонимов находится отрицательно-эмоциональный компонент: у топонима *Москва* показатель ИЯ – 0,02, у топонима *Moscow* – 0,12). Отметим также, что у топонима *Moscow* положительно-эмоциональный компонент составляет 0,03, в то время как у топонима *Москва* он отсутствует.

Таким образом, опираясь на результаты проведенного нами исследования, мы можем утверждать, что астиномы *Москва* и *Moscow* представлены в первичном и во вторичном языковом сознании по-разному. Несмотря на то, что примерно две трети семантических признаков, входящих в состав денотативного компонента психолингвистического значения, совпадают, их семное наполнение значительным образом отличается. Полностью совпало наполнение таких семантических

признаков, как «*Вид и статус топонима*», «*Физические характеристики*» (размер) и «*Идентификация*» (Путин), что говорит о том, что для обеих языковых личностей смысловым ядром в образе Москвы является «*Столица, большой город, мегаполис, в котором правит Путин*», хотя компонентное наполнение астионима для каждой из языковых личностей осталось специфичным. Всего 10 сем, что составляет около 16% от общего числа реакций, полученных на заданный стимул, оказались идентичными (*столица, город, мегаполис, большая, шумная, Кремль, Красная площадь, Москва-Сити, муравейник, Путин*). В первичном языковом сознании проявились связь астионима с респондентом, а также акцент на присущим жизни в столице спешке и постоянном движении, в то время как вторичной языковой личностью были актуализированы такие факторы, как опасность, возможность работать и зарабатывать деньги. Что касается природных условий, то вторичной языковой личностью был вербализован тот факт, что Москва стоит на болотах. Отметим также, что согласно толковым словарям, лексемы *Москва* и *Moscow* имеют две семемы – город и река с тем же названием, однако в ходе проведенного психолингвистического эксперимента ни одной реакции, актуализирующей семему «река», получено не было. Интересным видится то, что в первичном и во вторичном языковом сознании в ответ на заданные стимулы были актуализированы совершенно разные прецедентные тексты («Москва слезам не верит» – оскароносный фильм В. Меньшова, ставший советской классикой, и трек Скриптонита «Москва любит...» для ЯЛ1; композиция DJ SMASH «Moscow never sleeps» для ЯЛ2). Среди реакций респондентов на стимулы на обоих языках практически не встречались метафорические и образные ассоциаты, хотя количество отрицательных субъективных реакций на английском языке неожиданно оказалось выше.

Литература

2. Барабушка И.А. Кривенко Л.А. Топонимы VORONEZH и ВОРОНЕЖ в языковом сознании субординативных билингвов // Сопоставительные исследования 2023. Вып. 20. – Москва: Издательство ООО «РИТМ: издательство, технологии, медицина», 2023. – С. 84-91.
3. Кривенко Л. А. Национальная специфика семантем русской и английской субстантивной лексики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2013.
4. Маклакова Е.А. Теоретические принципы семной семасиологии и лексикографическое описание языковых единиц (на материале наименований лиц русского и английского языков): дис. ... доктора филол. наук – Воронеж, 2014.
5. Рудакова А.В. Стернин И.А. Трафаретная модель описания психолингвистического значения слова // Психолингвистика и лексикография. – Воронеж: Истоки, 2015. – №2. – С. 100 – 113.

6. Стернин И. А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы: монография. – LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011.

К.О. Селезнева

Сопоставительный анализ психолингвистического и лексикографического значений слова Учитель

Аннотация: Статья посвящена сопоставлению психолингвистического и лексикографического значения лексемы **Учитель**.

Ключевые слова: семантика, лексема, ассоциации, психолингвистическое значение, лексикографическое значение, сопоставительные исследования.

Abstract: The paper is devoted to the comparison of the psycholinguistic and lexicographic meaning of the lexeme **Teacher**.

Key words: semantics, lexeme, associations, psycholinguistic meaning, lexicographic meaning, comparative studies.

Представленная статья является фрагментом исследования педагогической лексики русского языка (Селезнева 2019; Селезнева 2021а; Селезнева 2021б; Селезнева 2022), в том числе лексемы **Учитель**, с психолингвистической и лексикографической точки зрения (Бондарева, Селезнева 2023а; Бондарева, Селезнева 2023б).

Для определения лексикографического значения (ЛГЗ) слова **Учитель** мы воспользовались методом обобщения словарных дефиниций (Рудакова, Стернин 2021). Данные современных толковых словарей русского языка (Кузнецов 2006; Ожегов 1968; Ожегов, Шведова 2013; Скворцов 2005; Словарь Ушакова) были нами проанализированы и обобщены. Приведём обобщённые лексикографические значения.

УЧИТЕЛЬ

Обобщённые лексикографические значения

1. Лицо, занимающееся преподаванием какого-н. учебного предмета в низшей и средней школе, преподаватель, школьный работник. Учитель математики, физики.

2. Глава, автор или распространитель какого-н. учения, имеющий последователей и обладающий высоким авторитетом для кого-л. в какой-л. области. Великие учителя-философы.

3. Тот, кто научил или учит чему-н., кто оказывает или оказал влияние на развитие кого-чего-н., наставник. Превзойти своего учителя в чём-л.

Для описания психолингвистического значения (ПЛЗ) мы обратились к материалам психолингвистических экспериментов (свободному ассоциативному и направленному ассоциативному), описание и результаты проведения которых были нами подробно представлены в предыдущих работах (Бондарева, Селезнева 2023а; Бондарева, Селезнева

2023б). Для их проведения мы воспользовались методикой, изложенной И.А. Стерниным и А.В. Рудаковой (Стернин, Рудакова 2011). Напомним, что эксперименты проводились в 2023 году. В них принимали участие студенты 1-5 курсов ФГБОУ ВО БФ «ВГУ» мужского и женского пола в возрасте от 16 до 25 лет. Всего 100 человек. Отказов не было. Результаты были обработаны по частотности и представлены в виде ассоциативного поля. Обратимся к полученным данным.

УЧИТЕЛЬ

Ассоциативное поле

Учитель 100 - добрый 27; школа13; умный 12; строгий, хороший 10; ученик 8; наставник 7; математика 6; понимающий, справедливый 5; друг, знания, мудрый, педагог, профессия, урок 4; терпеливый, человек 3; весёлый, квалифицированный, отзывчивый, работа, русский язык, я 2; авторитетный, биология, взрослый, Галина Александровна, года, Головкова Мария Николаевна, Гордо, дисциплина, доска для мела, Елена Викторовна, заботы, Иконникова Екатерина Михайловна, классный, коммуникабельный, коррекционная педагогика, личность, лучший, любящий, мама, Мария Викторовна, Мартыненко Лариса Петровна, мигрен, многогранный, мой, мудрость, мужчина, надёжный, начальных классов, ОБЖ, образец, образованный, ответственный, очки, первый, помошь, преподаватель, призвание, пример для подражания, профессионал, профессиональный, равнодушие, радость, разумный, рассудительный, родной, сильный, статный, студент, требовательный, Труфанова Дарья Эдуардовна, уважение, усердие, учительская, физрук, эмпатичный, Юмашева Галина Юрьевна 1.

Всего было зафиксировано 200 реакций, из них различных – 79.

Психолингвистические значения

1. **Обладает определённым набором знаний, личностных, нравственных и интеллектуальных качеств 0,91** (добрый 0,27; умный 0,12; строгий 0,1; справедливый 0,05; знания, мудрый 0,04; терпеливый 0,03; весёлый, отзывчивый 0,02; взрослый, дисциплина, классный, коммуникабельный, многогранный, мудрость, надёжный, образец, образованный, ответственный, помошь, призвание, пример для подражания, профессионал, равнодушие, разумный, рассудительный, сильный, статный, требовательный, усердие, эмпатичный 0,01), **имеет определённый статус и положение в коллективе 0,05** (квалифицированный 0,02; авторитетный, заботы, первый, профессиональный 0,01) и **вызывает чувства и эмоции 0,02** (радость, уважение 0,01).

СИЯ – 0,98

Когда-то вы мечтали быть учителем музыки, но в угоду отцу стали инженером.

2. **Конкретный человек 0,18** (человек 0,03; я 0,02; Галина Александровна, Головкова Мария Николаевна, Гордо, Елена Викторовна, Иконникова Екатерина Михайловна, личность, мама, Мария Викторовна, Мартыненко Лариса Петровна, мой, мужчина, Труфанова Дарья Эдуардовна, Юмашева Галина Юрьевна 0,01), **профессионально**

занимающийся преподаванием 0,25 (ученик 0,08; наставник 0,07; педагог, профессия 0,04; преподаватель, студент 0,01), **который работает в школе 0,21** (школа 0,13; урок 0,04; работа 0,02; доска для мела, учительская 0,01), **ведёт определённые предметы 0,13** (математика 0,06; русский язык 0,02; биология, коррекционная педагогика, начальных классов, ОБЖ, физрук 0,01) и **состоит в дружеских отношениях с учащимися 0,22** (хороший 0,1; понимающий 0,05; друг 0,04; лучший, любящий, родной 0,01).

СИЯ – 0,99

Худой, сутулый профессор в чёрном костюме казался очень строгим, как старый школьный учитель математики.

Не интерпретируются следующие реакции, связанные с личным опытом испытуемых – 3 (Года; мигрень; очки).

Сопоставительное описание

лексикографических и психолингвистических значений

Лексикографические значения	Психолингвистические значения
Лицо, занимающееся преподаванием какого-н. учебного предмета в низшей и средней школе, преподаватель, школьный работник. Учитель математики, физики.	Конкретный человек 0,18 (человек 0,03; я 0,02; Галина Александровна, Головкова Мария Николаевна, Гордо, Елена Викторовна, Иконникова Екатерина Михайловна, личность, мама, Мария Викторовна, Мартыненко Лариса Петровна, мой, мужчина, Труфанова Дарья Эдуардовна, Юмашева Галина Юрьевна 0,01), профессионально занимающийся преподаванием 0,25 (ученик 0,08; наставник 0,07; педагог, профессия 0,04; преподаватель, студент 0,01), который работает в школе 0,21 (школа 0,13; урок 0,04; работа 0,02; доска для мела, учительская 0,01), ведёт определённые предметы 0,13 (математика 0,06; русский язык 0,02; биология, коррекционная педагогика, начальных классов, ОБЖ, физрук 0,01) и состоит в дружеских отношениях с учащимися 0,22 (хороший 0,1; понимающий 0,05; друг 0,04; лучший, любящий, родной 0,01). СИЯ – 0,99 <i>Когда-то вы мечтали быть учителем музыки, но в угоду отцу стали инженером.</i>
0	Обладает определённым набором знаний, личностных, нравственных и интеллектуальных качеств 0,91 (добрый 0,27; умный 0,12; строгий 0,1; справедливый 0,05; знания, мудрый 0,04; терпеливый 0,03; весёлый, отзывчивый 0,02; взрослый, дисциплина,

	классный, коммуникабельный, многогранный, мудрость, надёжный, образец, образованный, ответственный, помощь, призвание, пример для подражания, профессионал, равнодушие, разумный, рассудительный, сильный, статный, требовательный, усердие, эмпатичный 0,01), имеет определённый статус и положение в коллективе 0,05 (квалифицированный 0,02; авторитетный, заботы, первый, профессиональный 0,01) и вызывает чувства и эмоции 0,02 (радость, уважение 0,01). СИЯ – 0,98 <i>Худой, сутулый профессор в чёрном костюме казался очень строгим, как старый школьный учитель математики.</i>
Глава, автор или распространитель какого-н. учения, имеющий последователей и обладающий высоким авторитетом для кого-л. в какой-л. области. <i>Великие учители-философы.</i>	0
Тот, кто научил или учит чему-н., кто оказывает или оказал влияние на развитие кого-чего-н., наставник. <i>Превзойти своего учителя в чём-л</i>	0

Приведённые выше данные позволяют сделать вывод о том, что не все лексикографические значения лексемы **Учитель** являются актуальными для носителей русского языка. Так, из трёх значений, зафиксированных в современных толковых словарях, только одно является актуальным на сегодняшний день – *Лицо, занимающееся преподаванием какого-н. учебного предмета в низшей и средней школе, преподаватель, школьный работник*. Более того, отметим, что совпадающее с ним ПЛЗ (*Конкретный человек, профессионально занимающийся преподаванием, который работает в школе, ведёт определённые предметы и состоит в дружеских отношениях с учащимися*) является более широким и глубоким по своему семенному составу. Добавим, что в названном ПЛЗ зафиксирована сема **профессионально** занимающийся преподаванием». Полагаем, это может быть связано с той потребностью в компетентных, высокопрофессиональных кадрах, с которой столкнулось общество сегодня (Макеева, Гурьянчик 2018, с. 111). Не секрет, что сейчас очень остро стоит вопрос с дефицитом высококвалифицированных кадров во

всех сферах, начиная от дворника и заканчивая государственным служащим. Кадры есть, а профессионалов становится всё меньше. Достаточно высокий индекс яркости данного компонента значения (0,25) наглядно демонстрирует, какое значимое место занимает этот аспект профессии учителя в языковом сознании современных носителей русского языка. Очевидно, что для респондентов важно, чтобы преподавание было для **Учителя** профессией. Вынужденное дистанционное обучение во время пандемии 2020 года наглядно продемонстрировало, что быть учителем не так просто, как кажется на первый взгляд, далеко не каждый может научить чему-либо.

Напомним, что в результате нашего исследования было выделено 2 ПЛЗ (*Конкретный человек, профессионально занимающийся преподаванием, который работает в школе, ведёт определённые предметы и состоит в дружеских отношениях с учащимися и Обладает определённым набором знаний, личностных, нравственных и интеллектуальных качеств, имеет определённый статус и положение в коллективе и вызывает чувства и эмоции*), которые имеют практически одинаковые, причём достаточно высокие, СИЯ – 0,99 и 0,98 соответственно. Представленные данные демонстрируют, что для носителей языка принципиальное значение имеет наличие у учителя достаточно широкого набора не только знаний, но и личностных, нравственных и интеллектуальных качеств. Обращает на себя внимание тот факт, что в сознании респондентов эти черты являются преимущественно положительными (*добрый; умный; терпеливый; весёлый; отзывчивый* и др.). Отмечена лишь одна реакция, указывающая на отрицательные характеристики учителя (*равнодушие*, однако она имеет низкий ИЯ – 0,01).

Для участников экспериментов важно, чтобы учитель состоял в дружеских отношениях с учащимися. Этот факт подтверждает наличие соответствующей семьи (*состоит в дружеских отношениях с учащимися*) с достаточно высоким ИЯ – 0,22, которая представлена словами *хороший; понимающий; друг; лучший; любящий; родной*. Интересно, что и другие исследователи отмечают в своих работах наличие этих же реакций (Морозова, Ткаченко 2023).

ЛГЗ *Глава, автор или распространитель какого-н. учения, имеющий последователей и обладающий высоким авторитетом для кого-л. в какой-л. области и Тот, кто научил или учит чему-н., кто оказывает или оказал влияние на развитие кого-чего-н., наставник* являются не актуальными в сознании носителей языка. Предполагаем, это может быть объяснимо возрастом респондентов, которые, скорее всего, просто ещё не сталкивались с необходимостью использовать лексему **Учитель** в одном из этих значений. Данное предположение требует, безусловно, экспериментального подтверждения. В перспективе возможно проведение подобных экспериментов среди других возрастных, профессиональных и

социальных групп для более детального исследования ПЛЗ лексемы **Учитель** и особенностей её употребления современными носителями языка.

Литература

1. Бондарева Т.В., Селезнева К.О. Лексема **Учитель** в русском языковом сознании студентов // Эпистемологические основания современного образования: актуальные вопросы продвижения фундаментального знания в учебный процесс. – Воронеж, 2023. – 439-444.
2. Бондарева Т.В., Селезнева К.О. Лексема **Учитель** в русском языковом сознании студентов (на материале направленного ассоциативного эксперимента) // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка. – Вып. 9. — Москва, 2023. — С. 10-14.
3. Макеева Т.В., Гурьянчик В.Н. Только уважая учителя, сам станешь учителем // Деловой партнериат. Сборник статей регионального научно-методического семинара. – 2018. – С. 111-118.
4. Морозова И.А., Ткаченко М.М. Лексема **Учитель** в сознании юношей: психолингвистический анализ (на материале свободного ассоциативного эксперимента) // Эпистемологические основания современного образования: актуальные вопросы продвижения фундаментального знания в учебный процесс. – Воронеж, 2023. – 488-493.
5. Рудакова А.В., Стернин И.А. Проблема корректировки дефиниций толковых словарей с помощью экспериментальных методов // Язык и национальное сознание. – Вып. 27 – Воронеж, 2021. – С.67-73.
6. Селезнева, К.О. Лексикографическое и психолингвистическое значение лексемы Образование // Сопоставительные исследования 2022. – Вып. 19. – Воронеж: издательство «РИТМ», 2022. – С. 129-134.
7. Селезнева, К.О. Психолингвистическое исследование лексем Образование (по результатам направленного ассоциативного эксперимента) // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2021. - № 4. – С. 60-62.
8. Селезнева, К.О. Результаты компонентного анализа лексических единиц, входящих в состав тематической группы «Общие номинации педагогов» // Казанская наука. – 2019. – № 3. – С. 99-103.
9. Селезнева, К.О. Тематическая группа «Образование» в лексикографических источниках // Психолингвистика и лексикография. – Воронеж: Издательство «РИТМ», 2021. – Вып. 8. – С. 115-122.
10. Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы. – LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH Co.KG: Saarbrücken, 2011.

Использованные лексикографические источники и их условные обозначения

1. Большой толковый словарь русского языка / Гл.ред. С.А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт, 2006.– Кузнецов 2006.
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Около 53 000 слов. 7-е изд., стереотип. Москва: Сов. энциклопедия, 1968. – Ожегов 1968.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. – Москва : ООО «А ТЕМП», 2013. – Ожегов, Шведова 2013.

4. Скворцов Л.И. Большой толковый словарь русского языка. Москва: Издательство «ЮНВЕС», 2005. – Скворцов 2005.
5. Толковый словарь русского языка: в 4 т. /Под ред. Д. Н. Ушакова. 1935-1939. Москва: ТЕРРА-Книжный клуб, 2007. – Словарь Ушакова.

Д.В. Утицких

Межъязыковое сопоставление ассоциативных полей антонимов (на примере пар ДЕНЬ/DAY – НОЧЬ/ NIGHT)

Аннотация: В статье исследуется национальная специфика ассоциативных полей антонимичных слов-стимулов ДЕНЬ-НОЧЬ и DAY-NIGHT, входящих в частотное ядро русского и английского языков.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, антонимы, оппозиты, ассоциативное поле, национальная специфика семантики.

Abstract: The paper examines the national specificity of the associative fields of the antonymous stimulus words ДЕНЬ-НОЧЬ and DAY-NIGHT, which are included in the frequency core of the Russian and English languages.

Key words: associative experiment, antonyms, opposites, associative field, national specifics of semantics.

В рамках межъязыкового сопоставительного изучения одноименных ассоциативных полей разных языков мы обратились к анализу структуры и содержания ассоциативных полей слов, входящих в частотное ядро русского и английского языков. Из первых 100 наиболее частотных существительных в русском языке (по словарю О.Н. Ляшевской и С.А. Шарова) и в английском языке (по данным корпуса современного американского английского языка) было выделено 60 лексем, совпадающих в обоих сравниваемых языках.

С рассматриваемыми словами был проведен свободный ассоциативный эксперимент, в котором приняли участие 200 носителей русского языка и 200 носителей американского варианта английского языка в возрасте от 18 до 35 лет. Из полученных в эксперименте ассоциатов сформированы ассоциативные поля (АП) стимулов, которые стали материалом для дальнейшего изучения.

В исследовании мы пользуемся общепринятой методикой проведения свободного ассоциативного эксперимента (САЭ) и обработки его результатов, а также методом когнитивной интерпретации результатов психолингвистических исследований, описанном И.А. Стерниным (Стернин 2020, Стернин, Рудакова 2011).

В данной статье мы рассматриваем ассоциативные поля, сформированные в результате САЭ с антонимичными словами-стимулами ДЕНЬ/DAY – НОЧЬ/ NIGHT с точки зрения сходства и различия объективированной в них семантики, воплощающей образы национального языкового сознания. Сопоставление ассоциативных полей осуществлялось по следующим параметрам: 1) семантические признаки

слов-стимулов, отраженные в АП; 2) структура АП слов-стимулов; 3) эндемичные реакции; 4) содержательное наполнение ядра и периферии АП слов-стимулов в языках сравнения.

Количественная обработка полученного ассоциативного материала показала, что из общего числа ответов – 200, в русском АП ДЕНЬ ответов-оппозитов больше, чем в АП DAY: 40% против 23,5% в американском; в АП слов-стимулов НОЧЬ – NIGHT соотношение обратное: 31,5% русских – 38,5% английских. В списке стимулов в ходе ассоциативного эксперимента эти слова находились достаточно далеко друг от друга (между ними было 40 других слов), поэтому мы можем исключить подсознательное указание оппозитов вследствие последовательного восприятия слов. В целом английские АП менее разнообразны – 54 разных лексемы на слово-стимул day, и 36 на слово-стимул night. В то время как в русском представлены 65 различных ответов на стимул день и 65 на стимул ночь.

В результате семантической интерпретации сформированных АП нами были выделены семантические признаки слов-стимулов, которые объективируются в реакциях поля. В целях экономии места мы не даем здесь полный состав АП, а представляем ассоциаты, уже сгруппированные по соответствующим смыслам, которые они объективируют.

ДЕНЬ

Оппозиты: 80 (ночь 79, и ночь 1)

Приметы дня: 35 (солнце 24, свет 7, белый цвет, солнечное небо, светлый, тень 1).

Погодные явления: 14 (солнечный 8, ясный 3, дождливый, теплый, тёмный 1).

Оценка: 11 (хороший 2, важный, новый, ответственный, прекрасен, прекрасный, радостно, радостный, суровый, тяжелый 1).

Праздник: 10 (рождения 8, благодарения, рождение 1).

Временной промежуток: 9 (жизнь 2, сутки 2, будни, время, назад, сегодня, час 1).

Продолжительность: 8 (длинный 2, долгий 2, быстро, долго, короткий, полный 1).

Действия (день – актант): 5 (прошел 2, закончен, закончился, проходит 1).

Занятия в это время суток: 5 (активность, работа 2, деньги 1).

День недели: 5 (воскресенье 2, недели, понедельник, четверг 1).

Дата: 3 (год, дата, число 1).

Время суток: 2 (восход, утро 1).

Устойчивые выражения: 2 (деньской, добрый 1).

Время года: 1 (летний 1).

Прецедентный текст: 1 («ночь, руки прочь» (песня) 1).

Фонетические ассоциации: 3 (пельмень, п***ень 1).

Ненинтерпретуемое: 3 (возможность, лист, чай 1).

НОЧЬ

Приметы ночи: 66 (луна 16, темнота 11, тьма 8, темно 6, темна 4, звезды 4, темная 3, звездное небо 2, небо 2, сумрак 2, тишина 2, глубина, звезда, звезды на темном небе, месяц, птицы, сова 1).

Оппозиты: 63 (день 59, не день, свет, солнце, рассвет 1).

Занятия в это время суток: 30 (сон 11, отдых 5, дедлайн, кино, крыши частных секторов, любовь, мысли, не спать, перед экзаменом, прогулка, прогулки, randevu, слова, сна, спать, учеба 1).

Создаваемое настроение: 13 (спокойствие 4, атмосфера 2, тайна 2, душа, нежность, одиночество, продуктивность, тревога 1).

Время суток: 5 (утро 2, закат, полдень, полночь 1).

Действия (ночь – актант): 5 (близка 2, впереди, настала, наступает 1).

Продолжительность: 3 (длинная, долго, коротка 1).

Погодные явления: 2 (туман, роса 1).

Оценка: 1 (хорошо1).

Прецедентный текст: 4 (тысяча и одна, улица, цой, (ночь) коротка (песня)1).

Ненинтерпретируемое: 1 (очень 1).

Сопоставление ассоциативных полей антонимических стимулов, позволяет выявить зону пересечения и различия в семантике слов-стимулов. Антонимы в языке, как известно, составляют парную корреляцию, поэтому в сознании между ними существует тесная ассоциативная взаимосвязь. В связи с этим закономерно, что в данных нашего эксперимента доминирующими реакциями на слова-стимулы ДЕНЬ и НОЧЬ стали оппозиты (80 и 63 соответственно). Общим у слов-стимулов является значение «время суток», которое объективируется в 8-ми совпадающих семантических признаках, противопоставленных по своему содержанию. Вместе с тем в результате семантической интерпретации ассоциатов выявляется разница в семантике пары антонимов. В АП слова ДЕНЬ объективируются, кроме указанного, также значения: «сутки», «дата», «календарная дата, связанная с каким-либо событием» (праздником), «день недели», «время года», которых нет в АП стимула НОЧЬ. Для характеристики ДНЯ важными оказываются признаки «погода» (14 ед.) и «оценка» (12 ед.). В свою очередь, в АП стимула НОЧЬ эти признаки менее важны, на первое место выходит признак «приметы ночи» (66 ед.) – это время суток представлено особыми небесными телами, отсутствием звуков, птицами. Более разнообразно, чем в поле ДЕНЬ, представлен признак «занятия» (30 ед.), выявлен и эндемичный признак: «создаваемое настроение». Таким образом, психолингвистический анализ позволяет получить более точную картину семантического соотношения слов-антонимов.

На следующем этапе исследования были проанализированы АП английских стимулов DAY – NIGHT, сформированные по данным, полученным от носителей американского варианта английского языка. Приведем их семантическую интерпретацию.

DAY

День недели: 55 (Monday15, week 10, Tuesday, Wednesday 8, Friday 6, Thursday 3, of the week, Sunday, wednesday hump day1).

Оппозиты: 47 (night 47).

Приметы дня: 21 (light 10, sun 9, sunlight , light saving 1).

Временной промежуток: 21 (time 15, today 4, hours , month 1).

Занятия в это время суток: 14 (job 3, party 4 , break 2, dreamer, (day)off - выходной, chart, class, spa1).

Дата: 13 (today 4, hour 3, 08/24/04, 23, 25th, 27th, October 5, when1).

Праздник: 6 (birthday 4, birth 2).

Время суток: 5 (morning 2, year 2, early1).

Продолжительность: 4 (24 hours, long 2).

Оценка: 4 (bright 2, dream, good 1).

Время года: 3 (May, October, calendar 1).

Прецедентный текст: 2 (DAY) light saving (переход на летнее время) 1, wednesday hump day 1(альбом музыкальный – рок).

Погодные явления: 1 (weather 1).

Фонетические ассоциации: 1 (pay 1).

NIGHT

Оппозиты: 77 (day 74, light 3).

Приметы ночи: 60 (dark 28, owl, stars 8, moon 6, animals, darkness, sky, star, night of a shining stars, street lights, cold 1).

Занятия в это время суток: 25 (sleep 12, bedtime 3, rest 2, adventures. bed , club, fall , fight, nap, party, night wear 1).

Временной промежуток: 20 (time 18, life 2).

Время суток: 4 (morning 3, late 1).

Прецедентный текст: 2 (night of a shining stars, rider (аниме)1).

Оценка: 1 (concrete1).

Фонетические ассоциации: 2 (inside, knight 1).

Ненитерпретируемое: 3 (jar, crawler, creep 1).

В сопоставляемых АП английских антонимов так же, как и в русских, в поле *DAY* больше признаков (13), чем в поле *NIGHT* (8). Общими и близкими по количественным показателям являются реакции - оппозиты, а также признаки «приметы», «занятия», временной промежуток», «время суток», «оценка». Совпадение этих же признаков характерно и для АП русских антонимов. В американском поле *DAY*, в отличие от его антонима, есть значения: «день недели», «праздник», «дата», «продолжительность», «время года», что также совпадает с русскими АП.

Межъязыковое сопоставление АП пар антонимов показывает, что в американском поле *DAY* самым ярким является признак «день недели» (ам. 55 – рус. 5), также более выражено представлен признак «временной промежуток» (ам.21 – рус.9). В русском поле *ДЕНЬ* ярче, чем в поле *DAY*, представлен признак «оценка» (рус.12 – ам. 4). Кроме того, в поле *ДЕНЬ* есть признак «погодные явления», которого нет ни в АП *DAY*, ни в поле *NIGHT*. Интересно, что признак «занятия в это время суток» и в русском, и в американском АП *НОЧЬ-NIGHT* объективируется большим числом разнообразных ассоциатов, чем в АП *ДЕНЬ-DAY*. Эндемичным для поля *NIGHT* является семантический признак русского АП *НОЧЬ* «создаваемое настроение».

В русском и английском АП антонимов есть реакции прецедентными текстами, которые представлены песнями или названиями музыкальных альбомов, именем певца. У всех стимулов, кроме слова НОЧЬ, есть и фонетические реакции.

Далее была определена структура АП слов-стимулов в двух языках на основе принципа частотности. Представим полученную структуру ассоциативных полей.

ДЕНЬ

Ядро: ночь 79.

Ближняя периферия: солнце 24.

Дальняя периферия: рождения, солнечный 8; свет 7; хороший, ясный 3; активность, быстро, воскресенье, длинный, долгий, жизнь, прошел, работа, сутки 2.

Крайняя периферия: белый цвет, благодарения, будни, важный, возможность, восход, время, год, дата, деньги, деньской, добрый, дождливый, долго, закончен, закончился, и ночь, короткий, летний, лист, назад, недели, новый, «ночь, руки прочь», ответственный, пельмень, п***ень, полный, понедельник, прекрасен, прекрасный, проходит, радостно, радостный, рождение, светлый, сегодня, солнечное небо, суровый, тёмный, тень, теплый, тяжелый, утро, чай, час, четверг, число 1.

DAY

Ядро: night 47.

Ближняя периферия: Monday, time 15; light, week 10.

Дальняя периферия: sun 9; Tuesday, Wednesday 8; Friday 6; birthday, today, 28th, party 4; hour, job, Thursday 3, birth, break, bright, calendar, life, long, morning; of the week, Sunday, year 2.

Крайняя периферия: 08/24/04, 23, 24 hours, 25th, 27th, chart, class, concrete, dream, dreamer, early, good, hours, light saving, May, month, October, October 5, off, pay, spa, sunlight, tired, weather, wednesday hump day, when 1.

Как показал анализ, в ядре полей ДЕНЬ и DAY в русском и американском языковом сознании находится ассоциат-оппозит «ночь». В ближней периферии русского АП представлены ассоциаты признака «приметы дня», в ближней периферии американского АП также есть объективация признака «приметы дня», а также признаки «день недели», «временной промежуток». В дальней периферии в русском и американском поле объективируются сходные признаки: «приметы», «праздник», «оценка», «продолжительность», «временной промежуток», «занятия», «дата», при этом у русских наиболее ярко представлены признаки «приметы» (15), «продолжительность» (7), а у американцев – «день недели» (30), «занятия» (7). В крайней периферии среди общих признаков в русском АП доминирует «оценка» (10), в американском АП – «дата» (7). В этой зоне размещаются также прецедентные тексты, устойчивые сочетания, фонетические реакции.

Таким образом, мы видим значительное сходство в рассмотренных русском и американском АП по составу признаков всех зон ассоциативных полей ДЕНЬ и DAY. Определенные различия наблюдаются в

количественном составе семантических признаков дальней и крайней периферии.

Сопоставим АП НОЧЬ и NIGHT.

НОЧЬ

Ядро: день 59.

Ближняя периферия: луна 16; звезды, сон, темнота 11.

Дальняя периферия: тьма 8; темно 6; отдых 5; спокойствие, темна 4; темная 3; атмосфера, близка, звездное небо, небо, сумрак, тайна, тишина, утро 2.

Крайняя периферия: впереди, глубина, дедлайн, долгая, долго, душа, закат, звезды, звезды на темном небе, кино, коротка, крыши частных секторов, любовь, месяц, мысли, настала, наступает, не день, не спать, нежность, одиночество, перед экзаменом, полдень, полночь, прогулка, прогулки, продуктивность, птицы, раневу, рассвет, роса, свет, слова, сна, сова, солнце, сочень, спать, тень, тревога, туман, тысяча и одна, улица, учеба, хорошо, цой 1.

NIGHT

Ядро: day 74.

Ближняя периферия: dark 28, time 18; sleep 12.

Дальняя периферия: owl, stars 8; moon 6; bedtime, light, morning 3; life, rest 2.

Крайняя периферия: adventures, animals, bed, club, cold, concrete, crawler, creep, darkness, fall, fight, inside, jar, knight, late, nap, night of a shining stars, night wear, party, rider, sky, star, street lights, sunset 1.

В ядре полей НОЧЬ и NIGHT находится ассоциат-оппозит «день». В ближней периферии русского и американского поля доминирует признак «приметы ночи», но в американском объективируются также признаки «продолжительность» и «занятия». В дальней периферии обоих полей также преобладает признак «приметы ночи» (рус. 24 – ам. 14), есть также признаки «занятия в это время суток» и как развитие антонимической семантики – реакции утро 2 и morning 3. В русском АП в этой зоне также находятся ассоциаты, объективирующие признак «создаваемое настроение»(4), которого нет в АП NIGHT. В зоне крайней периферии (47ед.) сосредоточена большая часть национально специфических ассоциатов, которые объективируют все семантические признаки, нашедшие выражение в данном поле. В американском поле в этой зоне наблюдается меньшее количество ответов (26), которые представляют по большей части два признака: «приметы ночи» и «занятия в это время суток».

Итак, в ассоциативных полях данной пары слов-стимулов так же, как у их антонимов, наблюдается значительное сходство состава признаков всех образующих их зон.

Далее были рассмотрены национально-специфические реакции. В русском АП ДЕНЬ 62 национально-специфических реакций, что составляет 31% от общего числа, в английском – 74 реакций, что составляет 37% от общего числа. В русском АП НОЧЬ 65 национально-специфичных реакций, что составляет 32,5% от общего числа, в английском 48 реакций, что составляет 24% от общего числа. Таким

образом, эндемичность русского поля ДЕНЬ ниже английского соответствия на 6%, а эндемичность поля НОЧЬ на 8,5% выше английского. Самые яркие национально специфические реакции у слова ДЕНЬ: солнечный 8, ясный 3 – они представляют признак «погода»; у слова DAY: week 10, Tuesday, Wednesday 8, Friday 6, объективирующие признак «день недели». В паре НОЧЬ-NIGHT яркими национальными ассоциатами являются соответственно: спокойствие, темна 4 – time 18, light, morning 3. Таким образом, в русских ответах актуализируются признаки «создаваемое настроение» и «приметы ночи», а в американских – «временной промежуток» и оппозиты.

Подведем итоги. В русском языковом сознании в паре ДЕНЬ-НОЧЬ, маркированным является стимул ДЕНЬ, а в американском – NIGHT. АП слов ДЕНЬ-DAY в обоих языках оказались более разнообразными по семантическому наполнению (имеют соответственно 15 и 13 семантических признаков), чем слова НОЧЬ- NIGHT (соответственно 10 и 8 семантических признаков). Состав семантических признаков, отраженных в парах сопоставляемых АП, практически полностью одинаков, что закономерно для антонимов, противопоставление которых опирается на семантическую общность. В ядре четырех АП антонимических пар русских и английских стимулов ярко представлены реакции-оппозиты, значительно превышающие по количеству все другие ответы. Эти данные хорошо согласуются с выводом А.А. Залевской о том, что «отношения между координированными членами в зависимости от «угла зрения» могут выступать в двух ипостасях: с позиций суперординаты координированные члены субъективно переживаются как симиляры, а в отрыве от нее – как оппозиты» (Залевская, 1990). Вместе с тем установлены и содержательные различия признаков в двух языках. Американцы осмысляют ДЕНЬ, в первую очередь, как день недели, определенный временной промежуток, т.е., можно сказать, более pragmatically. Для русских важна погода (эндемичный для американского АП признак), приметы дня, его оценка. Представление о ночи у носителей разных языков достаточно сходное – ее образ прежде всего создается лексемами, называющими приметы этого времени суток (звезды, темнота, месяц, луна). Однако наличие в русском поле признака «создаваемое настроение» свидетельствует о том, что русским языковым сознанием ночь воспринимается более эмоционально, чем американским.

Что касается распределения семантических признаков по зонам ассоциативных полей, то здесь явно выражено только ядерное положение оппозитов. Все остальные признаки объективируются во всех трех периферийных зонах как в русских, так и в американских ассоциативных полях. Определенные различия наблюдаются в количественном составе семантических признаков дальней и крайней периферии.

Наше исследование показало также, что эндемичность русского поля ДЕНЬ ниже английского соответствия на 6%, а эндемичность поля НОЧЬ на 8,5% выше английского. Среди ярких национально-специфических реакций на слово ДЕНЬ, как и среди сходных, выделился признак «погода»; на слово DAY – признак «день недели». В паре НОЧЬ-NIGHT национально-специфические реакции аналогично объективировали те же признаки, что и сходные реакции: у американцев – «временной промежуток» и оппозиты; у русских – «приметы ночи» и один эндемичный признак «создаваемое настроение». Русские ответы можно квалифицировать в этом случае как более конкретные, дифференцирующие, а американские – как дающие более абстрактную, родовую характеристику слову.

Таким образом, сопоставительно-семантическая интерпретация данных проведенного свободного ассоциативного эксперимента дает материал для выявления национальной специфики ассоциативных полей.

Литература

1. Corpus of Contemporary American English – <https://www.english-corpora.org/coca/>
2. Залевская А. А. Слово в лексиконе человека. Психолингвистическое исследование – Воронеж: Воронежский университет, 1990.
3. Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). – М.: Азбуковник, 2009.
4. Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы. – LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011.
5. Стернин И.А. Проблемы интерпретации результатов ассоциативных экспериментов // Вопросы психолингвистики. – № 45. – 2020. – С.111 – 125.

Д.К. Шапошникова

Временная и возрастная динамика русского языкового сознания (на материале ассоциативных полей «деньги» 2000-х и 2020-х гг.)

Аннотация. Работа посвящена сопоставительному исследованию языкового сознания во временной (поколение 2000-х и 2020-х гг.) и возрастной (носители языка 8-11 лет и 17-25 лет) динамике.

Ключевые слова: языковое сознание, психолингвистика, концепт «деньги», сравнительный анализ, метод подсчета степени наложения реакций.

Abstract. The paper is devoted to a comparative study of language consciousness in time (generations of the 2000s and 2020s) and age (native speakers 8-11 years old and 17-25 years old) dynamics.

Keywords: linguistic consciousness, psycholinguistics, the concept "money", comparative analysis, method of calculating the degree of overlap of reactions.

На протяжении жизни почти каждый человек сталкивается с такой ситуацией, когда при коммуникации с другими людьми возникает недопонимание, которое может обуславливаться разной степенью владения языком и различиями в языковом сознании. Например, общаясь с детьми, взрослые часто «упрощают» свою речь, исключая из нее сложные термины, сложносочиненные и сложноподчиненные предложения и прочее. Более того, в большинстве случаев мы делаем это неосознанно, беря во внимание тот факт, что сознание ребенка отлично от сознания взрослого.

Цель настоящего исследования заключается в том, чтобы изучить динамику языкового сознания в двух направлениях: с одной стороны, сопоставить фрагменты языкового сознания поколения 2000-х и 2020-х гг., с другой – носителей языка 8-11 лет и 17-25 лет. Материалом работы являются результаты ассоциативных экспериментов 2000-х годов (АЭ 2000 – эксперимент Е.В. Старостиной со взрослыми испытуемыми (Старостина 2007) и данные Ассоциативного словаря Саратовских школьников (АСШС 2011)), а также эксперимент 2020-х годов (АЭ 2023 – результаты нашего ассоциативного эксперимента, проведенного со взрослыми и школьниками в 2022-2023 гг.).

При выборе слова-стимула, который подвергся исследованию, мы, прежде всего, опирались на представление о том, что это должна быть такая лексическая единица, которая может отразить специфику человеческого сознания каждой изучаемой возрастной группы в каждый из временных периодов. Беря во внимание данное умозаключение, мы решили выбрать стимул «деньги».

Исследование концепта «деньги» становится с каждым годом все более и более популярными. Уже на сегодняшних день существует целый ряд работ, посвященных изучению данного феномена с разных точек зрения (см. работы Ерофеева 2009; Палеева 2010; Старостина 2016; Васильева 2016; Зайцева 2021; Пашнева, Умеренкова 2021).

Проведя сопоставительный анализ полей методом вычисления степени наложения реакций (Григорьев, Кленская 2000), мы выявили, что только ассоциативные поля взрослых испытуемых с 2000-х по 2020-е годы остаются более-менее стабильными (в них совпадают 39,25% реакций). Остальные исследованные пары ассоциативных полей уже не так стабильны и попадают в группу «максимально различных полей». Например, процент совпадения полей АСШС и АЭ 2023 (дети) составляет всего 26,1%, полей АЭ 2000 и АСШС – 28,51%, полей АЭ 2023 (взрослые) и АЭ 2023 (дети) – 26,12%.

Таким образом, нельзя сделать однозначные выводы о том, что сильнее влияет на изменчивость языкового сознания: эпоха или возраст. Возрастная разница испытуемых в 20-30 лет и временной диапазон в 20 лет существенно влияют на характер реакций поля. И в первом, и во

втором случае поля отличаются друг от друга, это связано с определенными изменениями, произошедшими с 2000-х годов в политической и экономической жизни страны (например, высокая частота реакций *доллар, евро, появление ассоциаций карта, банковская карта*), в культуре (популяризация идей «деньги – это инструмент», «деньги – это возможность», замещающих советскую установку «деньги – это зло») и других сферах.

Следующий этап нашей работы – это сравнительный анализ реакций первых десяти рангов всех полей «деньги». Мы отметили, во-первых, устойчивую связь денег с *богатством* (АСШС – 1,34%, АЭ 2000 – 3,07%, АЭ 2023 (дети) – 8,62%, АЭ 2023 (взрослые) – 2,5%), во-вторых, связь денег с *покупками* (АСШС – 2,35%, АЭ 2000 – 3,89%, АЭ 2023 (дети) – 4,92%, АЭ 2023 (взрослые) – 1,5%). В-третьих, все испытуемые указывают на *работу* как на основной источник получения денег (АСШС – *зарплата* 2,35%, АЭ 2000 – *работа* 3,48%, АЭ 2023 (дети) – *работа* 2,15%, АЭ 2023 (взрослые) – *работа* 2%). В-четвертых, во всех полях представлена ассоциация «*доллар*», что говорит о ее устойчивости в языковом сознании испытуемых разных эпох и возрастов (АСШС – 6,71%, АЭ 2000 – 2,05%, АЭ 2023 (дети) – 1,23%, АЭ 2023 (взрослые) – 3,5%).

В исследованных группах имеются, однако, и определенные различия. Например, главное отличие детей от взрослых 2000-х гг. заключается в том, что вместо реакций типа «зарабатывать», «доход» они дают реакцию «считать» 4,03%. У взрослых гораздо более частотны реакции «власть» 3,48%, «работа» 3,48%, отражающие более осознанное отношение к деньгам. У детей 2020-х гг., однако, есть реакции, отражающие специфику их возрастной группы, ведь дети любят играть (*машина* 2,77%, *игрушки* 1,54%), в том числе в компьютерные игры (*донат* 1,22%), они не зарабатывают деньги сами, они их в основном копят или тратят (*копить/накопить* 1,85%, *тратить* 1,53%, *тратить* 1,54%).

Что касается временной динамики, то при рассмотрении главных ассоциатов взрослых испытуемых в 2000-х и 2020-х годах нами было отмечено, что большинство реакций из числа главных ассоциатов АЭ 2000 остаются такими же частотными в поле АЭ 2020 (взрослые). Так, большинство испытуемых ассоциируют деньги с их большим количеством (ср. АЭ 2000 – *много/ много денег/ много!* 7,99% и АЭ 2020 (взрослые) – *много* 1,5%), *властью* (ср. 3,48% и 5,5%), *богатством* (ср. 3,07% и 2,5%). В сознании респондентов сформировалась устойчивая связь между деньгами и валютой США – *долларами* (ср. АЭ 2000 – *доллар/ доллары* 2,05% и АЭ 2020 (взрослые) – *доллар/ доллары/ доллар США* 3,5%). Что касается источника получения денег и способов их траты, то ассоциации «*работа*» и «*покупка/ покупки*» также сохраняют свою высокую частотность (ср. АЭ 2000 – *работа* 3,48%, *покупка/ покупки* 3,89% и АЭ 2020 (взрослые) – *работа* 2%, *покупки* 1,5%). Если выделить реакции,

дающие оценки и описывающие качества денег, то, как в 2000-х, так и в 2020-х, испытуемые оценивают деньги отрицательно: как зло (ср. АЭ 2000 – 2,87%, АЭ 2020 – 3,5%), бумажки (ср. АЭ 2000 – 2,05%, АЭ 2020 – 2%). У респондентов 2000-х, однако, все же появляется одна частотная положительная реакция – хорошо 2,05%, тогда как испытуемые 2020-х, наоборот, добавляют еще больше отрицательных оценок (ср. грязь 1,5%, пыль 1,5%). Нами также было замечено, что реакция рубль уходит из ядра языкового сознания испытуемых спустя 20 лет. Кроме того, у респондентов 2020-х годов уже нет такой устойчивой связи между деньгами и кошельком, как это было в 2000-х. Можем предположить, что это связано с цифровизацией денег и появлением банковских карт.

При сравнительном анализе временной динамики реакций детей 2000-х и 2020-х нами была отмечена высокая стабильность следующих реакций: доллар/ доллары (ср. АСШС – 6,71%, АЭ 2020 – 1,23%), покупка (ср. 2,35% и 4,92%), богатство (ср. 1,34% и 8,62%). При этом также стабильной остается связь денег и реакций: монета/ монеты (ср. АСШС – 5,03% и АЭ 2020 – 2,77%), банк/ банки (ср. АСШС – 3,69%, АЭ 2020 – 3,08%), бумага (ср. АСШС – 2,01% и АЭ 2020 – 1,54%), машина (ср. АСШС – 1,68% и АЭ 2020 – 2,78%). Кардинальные различия в ЯС детей 2000-х и 2020-х связаны с тем, что так же, как и взрослые испытуемые, они перестают давать реакции рубль и кошелек. Отрицательная оценка денег испытуемыми 2000-х годов меняется на положительную в 2020-х гг. (ср. счастье 2,15%, жизнь 1,54%, радость 1,22%). У респондентов 2020-х годов появляется реакция «донат» 1,23%, отражающая действительность этого времени.

Таким образом, проведенная работа показала, что реакции на стимул «деньги» достаточно активно меняются, на это влияет как возраст испытуемых, так и та эпоха, в которую они живут.

Литература

1. АСШС – Гольдин В.Е. Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников I–XI классов: в 2 т. – Т1. От стимула к реакции. – Ч.1. А–Н. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2011.
2. Васильева С.П. ДЕНЬГИ как ценность в языковом сознании русских Приенисейской Сибири // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. – 2016. – № 3(37). – С. 158–165.
3. Григорьев А.А., Кленская М.С. Проблемы количественного анализа в сопоставительных исследованиях ассоциативных полей // Языковое сознание и образ мира. – М.: ИЯ РАН, 2000. – С. 313–318.
4. Ерофеева И.В. «Деньги» как концепт в современном медиатексте // Известия ВГПУ. – 2009. – №7. – С. 23–27.
5. Зайцева М.В. Деньги в русском языковом сознании (на материале ассоциативных словарей) // Вестник Башкирск. Ун-та. – 2021. – №1. – С. 186–190.
6. Палеева Е.В. Концепт «Деньги» в сознании носителей русского языка // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2010. – №3-1(15). – С. 121–126.

7. Пашнева С.А., Умеренкова А.В. Динамика ассоциативного поля лексемы ДЕНЬГИ в языковом сознании носителей русского языка // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2021. – № 2(41). – С. 161-170.
8. Старостина Е.В. Динамика ассоциативных значений слова (на материале ассоциативного поля «деньги» // Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка: Материалы VI Международного научного семинара, посвященного памяти профессора Э.П. Кадыковой, Саратов, 27-28 октября 2016 г. – Саратов: Амирит, 2016. – С. 241-247.
9. Старостина Е.В. Исследование динамики ассоциативного мышления носителей русского языка // Языковое сознание: парадигмы исследования. – М.-Калуга: ИП Кошелев А.Б. (Издательство «Эйдос»), 2007. – С. 119-124.

Раздел 5. Сопоставительные исследования текста

Е.Ю. Дьякова, В.В. Шипилова

Прагматистические особенности рекламных слоганов в сопоставительном аспекте

Аннотация: Статья посвящена сопоставлению прагматистических принципов активации имплицитного речевого воздействия, применяемых в рекламных слоганах на русском и английском языках. Показано, что в рекламном тексте четко прослеживается прагматистическая функция языка.

Ключевые слова: реклама, слоган, стилистика, прагматика, стилистический прием, речевое воздействие, речевая стратегия, речевая тактика.

Abstract: The paper deals with comparison of pragmastylistic principles of stimulating implicit speech influence used in advertising slogans in Russian and English. It shows that the pragmastylistic function of a language is clearly recognizable in advertising.

Key words: advertising, slogan, stylistics, pragmatics, stylistic device, speech influence, speech strategy, speech tactics.

Поскольку для сферы рекламы и маркетинга характерен высокий уровень конкуренции, рекламное сообщение должно проникать в сознание потребителя так, чтобы у него не оставалось сомнений в выборе. Учитывая тот факт, что помимо выполнения информативной функции язык также способен влиять на мышление человека, исследователи говорят о прагматической ориентации рекламы, заключающейся в использовании языковых и неязыковых механизмов осуществления манипуляции сознанием реципиента рекламного сообщения.

Реализации прагматического потенциала высказывания способствует применение тех или иных стилистических средств и приемов. Согласно М.Н. Кожиной, под стилистикой подразумевается наука, занимающаяся изучением средств выразительности и закономерностей функционирования языка, детерминированных внутренне оправданным

использованием языковых единиц в зависимости от целей высказывания, контекста общения (Кожина 1993, с. 34).

В свою очередь, прагмастистика понимается как междисциплинарное направление, изучающее коммуникативную эффективность восприятия сообщения с учетом речевого и языкового варьирования стилистических средств (Hickey 1993, с. 578; Максименко 2014, с. 85).

Важным элементом эффективной рекламной кампании является слоган, который способствует узнаваемости продвигаемого товара или услуги среди конкурентов. И.И. Морозова определяет слоган как краткое рекламное сообщение, которое содержит основную идею продвигающей кампании. (Морозова 2001, с. 5). Цель слогана заключается в побуждении адресата рекламы к совершению определенных действий, создании положительных ассоциаций, связанных с имиджем компании и продвигаемым продуктом, у потенциального клиента.

Размышая об особенностях рассматриваемого понятия, отметим, что слоган, будучи подстроенным под особенности социальной среды, может рассматриваться как «зеркало» культуры, отражающее условия и особенности коммуникации, сложившиеся в обществе (Ерохина 2001). Это означает, что набор лингвистических средств и приемов, используемых в рекламных слоганах на разных языках, специфичен. В рамках настоящей статьи сопоставляются особенности реализации прагмастистического потенциала 100 рекламных слоганов на английском языке и 100 слоганов на русском языке, связанных с продвижением продуктов питания, собранных с помощью метода случайной выборки из открытых источников сети Интернет.

В ходе проведения сопоставительного анализа отобранного материала, было обнаружено, что в русскоязычном рекламном дискурсе большее внимание уделяется созданию графического образа слогана посредством применения различных чисел, символов, игры со шрифтом и цветом. Так, например, шрифтовыделение оказалось одним из наиболее частотных средств, в рассматриваемой выборке, поскольку выделенный компонент, имеющий непосредственное отношение к объекту рекламы, способен обогатить рекламное сообщение дополнительными коннотативными смыслами: «*уГОСТИ себя настоящим*» (продукция Сергиево-Посадского Мясокомбината). В приведенном примере, применение шрифтовыделения способствует «двойному» прочтению слогана. Таким образом, за счет графической вариативности возникает семантическая игра – графический каламбур.

Стоит также отметить, что создатели русскоязычных слоганов активнее используют лексический потенциал русского языка, вводя в рекламные сообщения сленг: «*КРАШные апельсины: узнай сам!*» (лимонад «Краш»), просторечие: «*Попробуйте нашенское, Простоквашино!*» (молочные

продукты «Простоквашино»), фразеологизмы: «Вода Чистой Воды» (питьевая вода «Черноголовская»), разговорную лексику: «Скоротай вечерок с семечками Хуторок!» (торговая марка «Хуторок»).

В результате сопоставления составленных корпусов удалось также выяснить, что создатели англоязычных слоганов, в свою очередь, большее внимание уделяют фонетическим средствам выразительности. При этом предпочтение отдается аллитерации, которая выражается в повторении звуков, присутствующих в имени бренда или продвигаемом товаре. Например, в слогане супов супы марки «Erin»: «*Erin. Soup that stirs your soul*» наблюдается повторение фонемы /s/, используемой в наименовании рекламируемого продукта – «soup».

Также наблюдается большее разнообразие синтаксических средств выразительности. Наиболее частотным средством в слоганах на английском языке оказалась анафора. Как правило, в начале анафорических рекламных слоганов помещены имя бренда, наименование продвигаемого товара или услуги: «*Activia. Actively good*» (Danone). Рассматриваемый прием выделяет рекламируемый объект, направляет на него внимание аудитории. Анафора также позволяет подчеркнуть основные достоинства рекламируемого продукта, выделяющие его среди товаров-конкурентов: «*Keebler. Uncommonly Made, Uncommonly Good*» (крекеры «Keebler»). Кроме того, применение анафоры оказывает положительное влияние на ритмику рекламного слогана, делая его более звучным и запоминающимся для целевой аудитории.

Учитывая то, что реклама, будучи одной из манипулятивных сфер деятельности человека, в большинстве своем строится на передаче имплицитной информации, корпусы отобранных рекламных сообщений были также проанализированы на наличие речевых стратегий, которые способны создать условия, при которых реципиентам отдается завуалированный приказ «купить» товар.

Сопоставительный анализ отобранных материала показал, что одной из наиболее частотных в выборке на русском и английском языках является стратегия дифференциации, которая заключается в представлении продвигаемого товара как лучшего среди конкурентных ему. Реализация данной стратегии происходит посредством применения определенных речевых тактик, в частности:

– тактики уникальных предложений, которая заключается в подчеркивании неповторимости продвигаемого товара, за счет применения языковых единиц, имеющих обобщенную семантику уникальности, например «*one*», «*only*», «*unique*»: «*Now... There is only one Mars*» (шоколадные батончики «Mars»), «*Оригинал всегда один*» (минеральная вода «Ессентуки»), а также морфологических средств – прилагательных в сравнительной и превосходной степени: «*The Best in the Midwest*»

(«Whitey's Ice Cream»), «Лучшее из самого лучшего» (сливочное масло «Тульчинка»).

— тактики неформальности: «*Erin. Soup that stirs your soul*» (супы «Erin»), «Попробуй вкус настоящего мороженого!» (мороженое «Исток-М»). Данная речевая тактика способствует сокращению дистанции с реципиентом, выступающим в качестве участника коммуникации и зачастую реализуется посредством использования личных местоимений.

Другой частотной стратегией оказалось применение трюизма. Данная стратегия характеризуется наличием команды, описанной как свойство, присущее всем людям или большой группе людей, выраженное как абсолютная истина. Такие высказывания попадают в подсознание адресата, минуя сознательный фильтр, повышая уровень подсознательного доверия реципиента к информации, заключенной в рекламном слогане. Примерами применения рассматриваемой речевой стратегии могут послужить слоганы «*Everybody loves Ritz*» (напитки торговой марки «Ritz»), «*Everyone's cup of tea*» (чай «Tetley»), в которых команда к приобретению продвигаемого товара не отображена напрямую, а скрыта. Адресат приведенных сообщений получает информацию о том, что рекламируемым товаром пользуются все люди, что рассматривается реципиентом как гарант качества.

Воздействие рассматриваемой стратегии может быть усилено посредством применения определенных речевых тактик. Сопоставительный анализ корпусов слоганов, продвигающих продукты питания, показал, что одинаково частотной является тактика «привокация», реализуемая через создание условий, при которых у адресата рекламного сообщения вызывается реакция несогласия с последующим усилением побуждения к совершению определенных действий. Примером может быть слоган торговой марки «Jeam Beam» («*For those bold enough to choose on taste*»), в котором подчеркивается, что круг потребителей продвигаемого товара состоит из людей, обладающих определенными чертами характера. Выбранная формулировка рекламного слогана способна вызвать несогласие, заставляет адресата «доказать» свою причастность заявленной категории, тем самым побуждая приобрести товар.

Еще одной частотной стратегией оказалась стратегия пресуппозиций, которая основана на побуждении реципиента к какому-либо действию, для выполнения которого необходимо приобрести рекламируемый товар, тем самым обозначая этот этап в сознании потенциального потребителя как ничего не значащий, промежуточный перед исполнением «главного».

Для достижения поставленной цели специалисты в области рекламы применяют, как правило, повелительное наклонение, реализующее тактику неформальности: слоган торговой марки «Coca-Cola» («*Have a Coke and a smile*») передает реципиенту информацию о том, что после покупки

продвигаемого товара, потребитель будет счастлив и удовлетворен. Особое внимание стоит уделить расположению побуждения к действию: команда ("купи товар") сделана предварительным действием, условием того, что клиент испытает положительные эмоции. Это усиливает воздействие, оказываемое на потребителя, т.к. в случае перемены мест элементов слогана эффект будет противоположным.

Таким образом, в ходе проведения сопоставительного анализа было обнаружено, что в корпусе рекламных слоганов на русском языке большее внимание уделяется созданию графического образа слогана, кроме того, было выявлено большее лексическое разнообразие – создатели рекламных сообщений на русском языке чаще прибегают к использованию фразеологизмов, сленга, просторечий, разговорной лексики. Создатели англоязычных слоганов корпуса, в свою очередь, большее внимание уделяют фонетическим, а также синтаксическим средствам выразительности.

Анализ корпусов рекламных фраз на русском и английском языках также показал, что наиболее частотной речевой стратегией в рассматриваемых выборках стала стратегия дифференциации. Эффективными считаются также стратегия пресуппозиций, применение трюизмов, реализующиеся через определенные речевые тактики, использующиеся для того, чтобы вызвать у потребителя определенный спектр эмоций, ассоциаций, связанных с объектом рекламы, в частности, тактики неформальности, уникального предложения, провокации.

Литература

1. Hickey L. Stylistics, Pragmatics, and Pragmastylistics // "Revue Belge De Philology. – №71. –1993. –P.573-586.
2. Ерохина Т.Б. Воздействие рекламы на сознание потребителей. – Ростов н/Д: Рост. гос. экон. ун-т "РИНХ", 2001.
3. Кожина М.Н Стилистика русского языка. – М.: Просвещение, 1993.
4. Максименко Е.В. Прагматические функции имплицитной информации как средства воздействия в рекламе // Культурная жизнь Юга России. – 2014. – №3. – С. 84-87.
5. Морозова И. Слагая слоганы. – М: РИП-холдинг, 2001.

А.А. Исаева, Е.Г. Исаева

Язык СМИ как инструмент формирования общественного мнения (сопоставительный анализ лексики на материале статей британской прессы о Кейт Миддлтон и Меган Маркл)

Аннотация: Статья посвящена сопоставительному анализу лексики статей британской прессы, посвященной деятельности К. Миддлтон и М. Маркл с целью выявления лексики с положительной/отрицательной коннотацией, способствующей формированию у читателей определенной точки зрения.

Ключевые слова: язык СМИ, положительная/отрицательная коннотация, оценочная лексика

Abstract: The paper is devoted to a comparative analysis of the vocabulary of articles in the British press devoted to the activities of K. Middleton and M. Markle in order to identify the vocabulary with positive/negative connotation contributing to shaping public opinion.

Key words: language of the media, positive/negative connotation, evaluative vocabulary

В современном мире СМИ являются мощной силой – с помощью одной только статьи человека можно заклеймить, полностью уничтожить или же, напротив, возвысить в глазах общественности. Поэтому изучение выбора лексики в СМИ, особенно в заголовках, для формирования общественного мнения вызывает большой интерес у лингвистов и психолингвистов и определяет актуальность данного исследования. Ставя перед собой цель выявить эмоционально окрашенную, оценочную лексику в заголовках и статьях, способствующую формированию определенного мнения у читателей, мы проанализировали 16 статей британской прессы, посвященных супругам британских принцев Уильяма и Гарри Кейт Миддлтон и Меган Маркл из таких газет, как *The Daily Mail*, *The Sun*, *Daily Express*, *The Daily Mirror* с 2011 по 2020 год.

Заголовки газет «являются первым сигналом, побуждающим читать газету, предваряя текст, неся определенную информацию о содержании публицистического произведения» (Рахимов, Далецкая 2019, с. 171), они имеют собственную эмоциональную окраску, возбуждающую читательский интерес, и привлекающую внимание аудитории. В тексте заголовка, как и в статье, отражается и личная точка зрения автора и мнение редакции, а также идеологические и политические установки, культурные ценности и пр. Газетный заголовок не только прогнозирует реакцию читателя, но и побуждает читателей к определенным выводам и ожидаемой реакции, что дает возможность ряду исследователей выделять заголовок в качестве самостоятельного текста (Минемулина 2014 с. 166, Просвиркина, Пригонов 2022).

В ходе сопоставительного анализа газетных статей, посвященных Кейт и Меган, мы выделяли стилистически маркированную лексику, т.е. по определению И.В. Арнольд, «слова, которые наряду с денотативным значением, указывающим на предмет речи, имеют еще коннотативное значение (коннотации), которое складывается из эмоционального, экспрессивного, оценочного и функционально-стилистического компонентов» (Арнольд 2002, с. 153). Чтобы определить, имеют ли слова/фразы положительную или отрицательную коннотацию, значения слов анализировались по дефинициям, приведенным в Кембриджском словаре английского языка (*Cambridge Dictionary of the English language*) и *Free Dictionary of the English language*.

Перейдем к примерам. Первые статьи были посвящены решению двух принцев и их семьи провести Рождество отдельно от королевы в

Сандрингеме, который является обычным и традиционным местом единения королевской семьи в праздничный сезон.

1. "Carol wins granny war! Duke and Duchess of Cambridge will spend second 'private' Christmas with the Middleton family rather than joining the Queen at Sandringham"	2. "Doesn't the Queen deserve better than this baffling festive absence? Richard Kay examines the impact of Prince Harry and Meghan Markle's decision not to spend Christmas with the royal family"
"Royal sources said yesterday that the Queen understood and endorsed William and Kate's decision not to spend Christmas Day with her. One said: 'Her Majesty understands that it is a dilemma that many young couples face and acknowledges how close Catherine's relationship is with her family.' <i>Daily Mail: Dec. 16, 2016</i>	"The fact is the Queen expects to have the family around her for the festive season... to the Queen, for whom the tradition of the family gathering is a key date in her calendar, Harry and Meghan's absence will be a matter of great sadness. It will also be a source of frustration." <i>Daily Mail: Nov. 13, 2019</i>

В статье о Кейт было использовано 4 слова/фразы с положительной коннотацией:

to win - to be successful in a war, fight, or argument

to understand – to have sympathy and tolerance

to endorse - to say publicly that you support a person or action

close relationship – affectionate and confident ties

В статьях о Меган было использовано 4 слова с негативной коннотацией:

baffling – confusing

absence – the fact of not existing

sadness - unhappiness

frustration – the feeling of being annoyed because things are not happening in the way that you want, or in the way that they should

Вторая подборка статей была посвящена подготовке к двум королевским свадьбам и желаниям невест украсить торжество своими любимыми ароматами.

"PS. HOW KATE SCENTED THE ABBEY"	Kicking up a stink: 'Dictatorial' bride Meghan wanted air fresheners for 'musty' 15 th -century St George's Chapel... but the Palace said no '
"It was reported that new Duchess of Cambridge requested her favorite scented candles and toiletries from luxury fragrance brand Jo Malone be delivered to scent the Abbey. A selection of candles, handwashes and lotions was requested, specifically in	"Meghan wanted staff to go around with these atomizers, like spritzer guns, and spray the chapel with scent before anyone arrived. Royal Household staff stepped in and told her

citrus spring scents including Orange Blossom, Grapefruit and the ever-popular Lime, Basil & Mandarin." <i>Daily Mail</i>: May 4, 2011	office politely, but firmly, that this was the queen's chapel and it simply wasn't appropriate.' <i>Daily Mail</i>: Nov. 30, 2018

В статьях о Кейт было использовано 4 слова с положительной коннотацией:

to request – to express a desire for, especially politely ask for something

luxury – great comfort or pleasure from expensive or beautiful things

popular – favorably regarded, well-liked

favourite – most liked; preferred above all others

В статьях о Меган было использовано 7 слов и фраз с негативной коннотацией:

to kick up – to express negative feelings vigorously; complain, protest

dictatorial – tending to tell others what to do in an presumptuous manner

to stink – to emit a strong foul odor

musty – stale or moldy in odor or taste

to say no – to reject

to want smb to do smth - to wish for a particular thing or plan of action.
'Want' is no used in polite requests.

not appropriate – irrelevant, not suitable

Третья подборка статей была посвящена выбору цветов на свадьбах Кейт и принца Уильяма и Меган и принца Гарри.

"Why you can always say it with flowers**"

"As far as bridal bouquets go there was nothing particularly regal about Kate Middleton's **modest** arrangement of **simple**, seasonal flowers. Like the bride herself the bouquet was **effortlessly elegant and understated**.

"Yet behind that modest posy lay a secret story. Kate, the commoner-turned-duchess, had **painstakingly** selected blooms with real meaning. She is evidently **well-versed** in the language of flowers, a little-known **romantic relic** from the 19th century.

"Hence the use of lilac in her bouquet, which signifies the **first emotions of love**, the lily of the valley meaning a return of **happiness**, hyacinth standing for **constancy**, myrtle meaning **love** and the ivy,

"Royal wedding: How Meghan Markle's flowers may have **put** Princess Charlotte's **life at risk**"

"[Meghan Markle] was holding a wedding bouquet which flowers were replicated in Princess Charlotte and the other bridesmaids' flower crowns. Express.co.uk can now reveal the children' crowns were made of flowers that can be **deadly**, especially for children. Meghan's bouquet was made of forget-me-nots as well as sweet peas, lily of the valley, astilbe, jasmine, and astrantia..."

"Lily of the valley is a **highly poisonous** woodland flowering plant and ingestion could be **deadly**... As Meghan's bridesmaids were so young, having this flower on their heads could be considered a **dangerous** decision. Other brides have also used these

which represents <i>fidelity</i> . Then of course there was the suitably named <i>Sweet William</i> , which is shorthand for <i>gallantry</i> ." <i>Express</i> : Aug. 29, 2011	flowers including Kate Middleton, Princess Eugenie and Camilla, Duchess of Cornwall." <i>Express</i> : Oct. 13, 2019

В статьях о Кейт было использовано 13 слов и фраз с положительной коннотацией:

appropriate – suitable or right for a particular situation or person

modest – free from showiness or ostentation; unpretentious

elegant – characterized by refined, tasteful beauty of manner, form, or style

understated – unostentatious, unpretentious

effortlessly – without effort or apparent effort

well-versed – comprehensively knowledgeable (about), or skilled (in)

painstakingly - done with a lot of care

constancy – the quality of staying the same, not getting less or more

gallantry – polite and kind behavior towards women, especially when in public

happiness – good fortune, pleasure, contentment, joy

fidelity – faithfulness to obligations, duties, or observances.

love – a strong feeling of affection and concern toward another person

sweet – pleasing to the mind or feelings, gratifying, lovable

В статьях о Меган было использовано 4 слова и фразы с негативной коннотацией:

to put life at risk – to put smn/smth in a situation where they could be in danger

deadly – likely to cause death

highly poisonous – very harmful and able to cause illness or death

dangerous – able or likely to cause harm or death, or unpleasant problems

Хотя ряд исследователей (Филясова, 2023, с. 97) полагают, что британские СМИ «не отличаются высокой эмоционализацией», данные нашего исследования показывают обратную тенденцию – в проанализированных статьях было выявлено 108 эмоционально окрашенных слов/словосочетаний, многие из которых были использованы в заголовках, что подтверждает предположение о том, что заголовки обычно изобилуют эмоционально окрашенными словами и словосочетаниями, имеют оценочную лексику, выразительность и воздействуют на аудиторию. Возможно, это было обусловлено и типом анализируемых газет. Это подтверждает вывод А.Б. Алеевой о том, что тексты и заголовки таблоидов, в частности The Sun, отличаются большей экспрессивностью, в том числе за счет более активного использования элементов разговорного стиля. Автор подчеркивает, что «оценочность в заголовках The Sun явно эксплицируется, в то время как The Times ... старается избегать использования стилистически окрашенных элементов в

своих заголовках, предпочитая более скрытые, имплицитные оценочные средства» (Алеева, 2006, с. 74).

Сопоставительный анализ статей показал, что в статьях о Кейт Миддлтон было отмечено 59 лексических единиц с положительной коннотацией, что способствовало созданию положительного образа герцогини. В статьях о Меган Маркл мы отметили 49 лексических единиц с отрицательной коннотацией, что повлияло на создание ее негативного образа. Таким образом, хотя в статьях обсуждались общие ситуации, у читателей формировались противоположные мнения о герцогинях благодаря умелому выбору лексики, осуществленному журналистами. Это в очередной раз подтверждает силу СМИ, способную даже на материале схожих бытовых ситуаций формировать диаметрально противоположные точки зрения у больших групп населения и оказывать на массовое сознание, как лингвистическое, так и психолингвистическое воздействие.

Литература

1. Алеева А.Б. К вопросу о лексических особенностях британских газетных заголовков (на материале заголовков газет The Times и The Sun) – Вестник БДУ. – Сер. 4. – 2006. – № 1. – С. 73-78.
2. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. – М.: Флинта: Наука, 2002.
3. Минемулина А.Р. Адъективная оценочная лексика в заголовке публицистического текста // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – Т. 1. – № 4. – С. 166-170.
4. Просвиркина И.И., Пригонов Д.А. Игра со смыслом слова как средство воздействия на читателя // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. – 2022. – Т. 11. – № 1. – С. 34-39.
5. Рахимов Р.Р., Далецкая Т.А. Специфика современного газетного заголовка // Язык и межкультурная коммуникация в современных условиях: Сборник научных статей Межвузовской научно-практической конференции, Новосибирск, 14 февраля 2019 года. – Новосибирск: Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковleva войск национальной гвардии Российской Федерации, 2019. – С. 170-173.
6. Филясова Ю.А. Репрезентация эмотивных коннотаций английских новостных заголовков при переводе на русский язык // Вопросы современной лингвистики. – 2023. – № 4. – С. 87-101.

А.Р. Мордвинова

Сопоставительный анализ особенностей двуязычия в Татарстане и Канаде (по материалам татароязычной и франко-канадской прессы)

Аннотация: В статье представлены результаты сопоставительного анализа характеристик двуязычия в татароязычной и франко-канадской прессе, выявленных на основе тезаурусов, сконструированных на материале 300 статей, опубликованных в газетах указанных регионов.

Ключевые слова: двуязычие, тезаурус, татароязычная пресса, франко-канадская пресса.

Abstract: The paper presents the results of a comparative analysis of the characteristics of bilingualism in Tatar and French-Canadian press identified in the thesauruses, constructed on the basis of 300 articles published in the newspapers of these regions.

Key words: bilingualism, thesaurus, Tatar press, French Canadian press.

В условиях глобализации вопрос двуязычия представляет собой особый интерес для представителей разных научных направлений – лингвистов, социологов, культурологов, политологов и т.д. Языковая ситуация в Республике Татарстан (далее РТ) и Канаде имеет общие характеристики: асимметричность билингвизма – при официально закрепленном паритетете государственных языков (далее ГЯ) фактически имеет место быть доминирование одного языка (русского в РТ и английского в Канаде) ввиду их большей социальной востребованности; ограничение функционирования второго языка (татарского и французского), обусловленное особенностями исторических путей регионов. Так как медиадискурс является «является мощным средством производства и воспроизведения идеологических дискурсов о языке и нации» (Vessey 2013, с. 41 – перевод наш), изучение освещения данного феномена в прессе может дать представление о характеристиках двуязычия в сознании жителей регионов.

Целью данного исследования является выявление изоморфизма и алломорфизма характеристик двуязычия в татароязычной и франко-канадской прессе; материалом исследования послужили 300 статей, опубликованных в газетах РТ и канадских провинций Квебек и Нью-Брансуик (далее НБ) – по 100 статей из медиаресурсов каждого региона. Для реализации поставленной цели был применен метод поля, а именно выделены тематические области освещения билингвизма со свойственным им наполнением лексико-тематических групп (далее ЛТГ); были составлены тезаурусы по материалам медиаресурсов РТ (169 языковых единиц, далее ЯЕ, в составе 10 ЛТГ), канадских провинций Квебек (122 ЯЕ в составе 13 ЛТГ) и НБ (103 ЯЕ, 14 ЛТГ).

В результате сравнения характеристик билингвизма в татароязычной и франко-канадской прессе были выделены их следующие изоморфные характеристики:

1) Большая часть выделенных ЛТГ одинакова – все 10 ЛТГ, выделенных на материале татароязычной прессы РТ, представлены в тезаурусах, составленных по материалам квебекской и акадийской прессы, что говорит о том, что в сознании татар и франко-канадцев двуязычие связано с одними и теми же феноменами общественной жизни.

2) Достаточно высокая и приблизительно одинаковая доля ЛТГ «Нормативно-правовая база двуязычия» в общем количестве выделенных ЯЕ (РТ – 15,4%, Квебек – 17,3%, НБ – 14%); ряд единиц полностью или в

значительной степени семантически/функционально идентичен – «ТР Конституциясе» / “la Constitution” *Конституция*, “Татарстан Республикасы халыклары телләре түрүнда” гы законы закон “О языках народов РТ” / “La Loi sur les langues officielles” Закон об официальных языках (далее ОЯ), «омбудсмен» / “l’ombudsman”, «Конституциядә каралган хокуклар» / «des droits constitutionnels» *права, предусмотренные Конституцией*, «дәүләт төле статусы» *статус ГЯ* / “les langues officielles» ОЯ и др. Очевидно, что и в татарской, и во франко-канадской картине мира находит отражение юридический статус языков региона, закрепление двуязычия в основном законе государства/региона, его место в законодательной и исполнительной системе региона и государства в целом.

3) В анализируемых медиаресурсах всех трех билингвальных регионов в ЛТГ «Характеристики двуязычия» шире других представлена лексико-тематическая подгруппа (далее ЛТП) «Отрицательные характеристики двуязычия», выделенным ЯЕ свойственны общие семы «конфликт» – «тел низагы» / “un conflit linguistique” языковой конфликт, «фиктивность» – “кәгәзьдә генә” / «sur papier» (только) на бумаге, «противостояние» – “Татарстан халыкларын кара-каршы кую” противостояние народов Татарстана / «la frontière linguistique» языковая граница, «несбалансированность» – “ассиметрик” асимметричное / “la prédominance de l’anglais et l’absence relative du français” доминирование английского языка и отсутствие французского языка.

Отметим, что выявленные характеристики в какой-то степени входят в противоречие с тем фактом, что двуязычие как феномен в целом и как часть культурной идентичности жителей регионов характеризуется положительно – «байлык» богатство, «файда» польза / «atout précieux/ formidable ценный актив, “эш, үсеш перспектива» перспектива трудоустройства и роста / “un avantage compétitif” конкурентное преимущество; «безнен үзенчәлек» наша особенность / “partie intégrante de l’identité canadienne” неотъемлемая часть канадской идентичности, “милләтләр дуслыгын саклап калуның нигезе” основа сохранения дружбы народов / “rapporte les anglophones des francophones” сближает англофонов и франкофонов.

4) В тезаурусах, сконструированных на материале татароязычной и франко-канадской прессы, отражена реализация (или отсутствие должной реализации) политики двуязычия в разных сферах общественной жизни: культура и образование – «мәдәният һәм мәгариф бүлекләре» отделы культуры и образования / “des arts” искусство, “en éducation” в образовании, избирательные комиссии – «Үзәк сайлау комиссиясе» Центральная избирательная комиссия / “Élections Canada” Элексьон Канада, а также в здравоохранении, транспорте, промышленности, СМИ, торговле, туризме и спорте.

5) ЯЕ, входящие в ЛТГ «Научная база двуязычия», в значительной степени совпадают – «статистик мәгълүматлар» / «les statistiques» *статистические данные*, «сорашу-белешү» / «le sondage» *опрос*, “les études” / «фәнни әзләнүләр» *научные труды*.

6) Проанализированный языковой материал прессы РТ, провинций Квебек и НБ свидетельствует, что и для татар, и для франко-канадцев критерием соблюдения двуязычия является предоставление визуальной информации и документации на обоих ГЯ: «учреждениеләрдәгә, объектлардагы алтакталар» *вывески на учреждениях, объектах* / “l'affichage dans les deux langues officielles” *вывески на обоих ОЯ*, «сайтлар, эш кәгәзләре, документлар» [наличие на ТЯ] *сайтов, деловых бумаг, документов* / “la documentation disponible dans les deux langues” *документация, доступная на обоих языках*.

7) В медиаресурсах всех сопоставляемых регионов поднимаются языковые вопросы реализации двуязычия: некачественный перевод указателей, документации и т.д. – “хаталы тәрҗемәләр” *ошибочные переводы* / “une traduction affreuse” *ужасный перевод*; смешение языков на территории региона – “урыслаштыру” *русификация [языка]* / «franglais» *франгле*; внедрение новейших технологий перевода – «Смарткат» профессиональ тәрҗемә системына рус-татар пары кертелү” *внедрение пары русский язык-татарский язык в систему профессионального перевода “Смарткат”* / “un système de traduction simultanée” *система синхронного перевода*.

8) В татароязычной и франко-канадской прессе освещаются экономические аспекты двуязычия: владение двумя ГЯ приносит прибыль – “керемне арттыру” *увеличивать доход* / “les avantages économiques” *экономическая выгодность*, но внедрение и поддержание двуязычия на государственном уровне подразумевает расходы – “[акча] тотылу” *расходовать денежные средства* / “des dépenses gouvernementales” *государственные расходы*; рассматривается возможность материального стимулирования индивидуального и корпоративного двуязычия – “акчалата премия” *денежная премия*, “ташлама ясау” *сделать скидку* / “la prime au bilinguisme” *доплата за двуязычие*.

Перейдем к рассмотрению алломорфных характеристик:

1) На материале франко-канадской прессы выделено большее количество ЛТГ, в т.ч. специфичных ввиду реалий общественной жизни страны – «Двуязычное приветствие «Le bonjour/hi», «Должности, значимые с точки зрения соблюдения двуязычия» и др.

2) 26,6% ЯЕ, выделенных на материале татароязычной прессы, принадлежат к ЛТГ «Реализация двуязычия в сфере образования» (в которую входит самое большое количество выделенных ЯЕ), в то время как в прессе Квебека и НБ это только 4,9% и 3,3% соответственно, что позволяет сделать вывод о том, что в РТ реализация двуязычия прежде

всего связана с его реализацией в образовательном процессе: широк ряд и высока количественная наполняемость ЛТП – «Средства обучения, способствующие достижению двуязычия в РТ», «Меры, направленные на достижение двуязычия в образовательной системе РТ» и др. При этом ряд ЯЕ, выделенных в данной ЛТГ, обладает идентичными или схожими семантическими характеристиками в прессе всех сопоставляемых регионов: реализация двуязычия на разных ступенях образования – “les écoles” / «мәктәп» школа, «һөнәри белем бирү системасы» система профессионального образования / “le Cégep” колледжи, «югара уку йортлары» вузы / «l'éducation postsecondaire» высшее образование; такие меры развития двуязычия как «икетелле мәктәп мәгарифе моделе үстерү» развивать модель двуязычного школьного образования / «développer un modèle d'apprentissage des langues officielles» разработка модели изучения ОЯ, положительное влияние двуязычия на образовательный процесс – “физиологик үсешү, хәтер үсешенә, фикер йөртешенә, мантыйгына, зирәклегенә үңай тәэсир итү” положительное влияние на физиологическое развитие, развитие памяти, мышления, логики, мудрости / “être plus capables de se centrer sur un but et d'être flexibles dans l'atteinte du but” быть более способным сосредоточиться на цели и проявлять гибкость в достижении цели.

3) В тезаурусах, составленных на материале франко-канадской прессы, в ЛТГ «Характеристики двуязычия» присутствуют ЯЕ, содержащие семы «обман» – “une promesse non tenue” несдержанное обещание, “un truc institutionnel, officiel” официальная, институциональная уловка, «deux poids, deux mesures» двойные стандарты, что позволяет сделать вывод об эксплицитно выражаемом упреке властям (или о более свободной редакционной политике СМИ); “невозможность” – «le mythe» миф, “une utopie” утопия, “un fantasme idéologique” идеологическая фантазия, «бессмысленность» – “un gaspillage de temps et d'argent” пустая трата времени и денег, “une bureaucratie trop lourde” слишком большая бюрократия.

4) Во франко-канадской прессе освещение реализации двуязычия тесно связано с политическими реалиями страны («le Parti libéral du Canada» Либеральная партия Канады, «le Nouveau parti démocratique» Новая демократическая партия и др.), так как билингвизм (его развитие или отмена) в Канаде является одним из важных пунктов избирательной кампании и частью политической деятельности партий.

5) ЛТГ «Меры, принимаемые/рекомендуемые для развития и поддержания двуязычия» и «Общественные организации и их деятельность по развитию и поддержанию двуязычия» количественно и пропорционально более выражены в татароязычной прессе.

6) Для прессы РТ специфичным является предложение репрессивных мер поддержки двуязычия – “штраф санкцияләр” штрафные санкции.

8) В тезарусе, составленном на материале квебекской прессы, выделена ЛТГ “Факторы, противодействующие соблюдению двуязычия в Канаде” (8 ЯЕ), что позволяет сделать вывод о большей аналитичности освещения двуязычия во франко-канадской прессе.

Резюмируя вышеизложенное, изоморфными характеристиками двуязычия в татароязычной и франко-канадской прессе являются общность большей части выделенных ЛТГ, высокая доля ЛТГ “Нормативно-правовая база двуязычия”; реализация двуязычия во многих сферах общественной жизни, его важность как части культурной идентичности жителей региона, экономические роли, и вместе с тем – его формальный характер. Алломорфными характеристиками являются большая связь двуязычия с его реализацией в сфере образования, нежели в других сферах общественной жизни, в татароязычной прессе, и с его реализацией в политической жизни страны и регионов – во франко-канадской прессе, а также большая аналитичность освещения двуязычия и специфичность ЛТГ и их наполнения, свойственная франко-канадской прессе.

Литература

1. Vessey R. Language ideologies and discourses of national identity in Canadian newspapers: a cross-linguistic corpus-assisted study. – School of Languages, Linguistics and Film, Queen Mary, University of London. – February, 2013.

Источники материала

1. L'Acadie Nouvelle: электрон. версия газеты. – URL: <https://www.acadienouvelle.com/> (дата обращения: 12.11.2023)
2. La Presse: электрон. версия газеты. – URL: <http://www.lapresse.ca> (дата обращения: 12.11.2023)
3. Le Journal de Montréal: электрон. версия газеты. – URL: <https://www.journaldemontreal.com> (дата обращения: 12.11.2023)
4. Radio Canada Nouveau-Brunswick [сайт]. – URL: <http://ici.radio-canada.ca/acadie/nouveau-brunswick> (дата обращения: 12.11.2023)
5. Безнен гәҗит: электрон. версия. – URL: <https://beznen.ru> (дата обращения: 01.10.2023)
6. Ватаным Татарстан: электрон. версия газеты. – URL: <https://vatantat.ru> (дата обращения: 01.10.2023)
7. Татар-информ [сайт]. – URL: <https://www.tatar-inform.ru/> (дата обращения: 01.10.2023)
8. Шәһри Казан: электрон. версия газеты. – URL: <https://shahrikazan.ru/> (дата обращения: 01.10.2023)

Раздел 6. Сопоставительные исследования в области грамматики

С.С. Калинин

Сопоставительный анализ неотенических черт в морфологии контактных идиомов

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые черты развития морфологической типологии трех контактных идиомов различного генеза, которые, по предположению автора, могут считаться проявлением языковой неотении.

Ключевые слова: языковая неотения, контактный идиом, pidgin, креольский язык, эволюция языка, морфологическая типология, руссенорск, tok-pisin, африкаанс.

Abstract: The paper explores some features of the development of the morphological typology that are characteristic of three contact idioms. According to the author's assumption, these features can be considered as representation of linguistic neoteny.

Key words: language neoteny, contact idiom, pidgin, Creole language, language evolution, morphologic typology, Russenorsk, Tok Pisin, Afrikaans.

Понятие языковой неотении (используется также синонимичный термин «языковой педоморфоз») было впервые введено Б. Бичакжаном в работах 1988 и 1989 гг. (Bichakjian 1988; Bichakjian 1989). Данная концепция также была подробно разобрана в статье Т. М. Николаевой (Николаева 1996). Сущность этой концепции заключается в том, что развитие языка движется в сторону приобретения тех параметров, либо возвращения к тем параметрам, которые развились в данном языке на более ранних этапах его развития. При этом более сложные признаки и параметры, а также те из них, которые возникли на более поздних этапах языковой эволюции, исчезают раньше.

В той же статье описываются некоторые из признаков, которыми характеризуется само явление языковой неотении (Николаева 1996, с. 32-33). Эти признаки перечислены ниже:

1. Основной признак – развитие языка в сторону большей степени аналитизации;
2. Упрощение морфологической системы;
3. Упрощение фонологии;
4. В качестве средств формообразования начинают использоваться вспомогательные части речи (например, предлоги или вспомогательные глаголы);
5. Исчезают сложные непозиционно обусловленные явления, которые используются для формообразования, например, абраут;
6. Разрушается супплетивизм;
7. Происходит сдвиг вправо вершины именной группы либо глагольной клаузы;

8. Более широко начинают использоваться гипотаксис и паратаксис вместо инфинитивных групп и оборотов, причастных и деепричастных конструкций и т. п.

К этому перечню можно также добавить и ряд явлений на лексико-семантическом уровне, которые, однако, не будут рассматриваться в данной работе.

Контактные идиомы различного рода (под этим обобщающим названием в данной работе понимаются пиджиньи, креольские и креолизованные языки) представляют собой уникальный объект, на материале которого может быть показана эволюция языка «в миниатюре». Ценность пиджинов и креолов в этом отношении уже отмечалась в целом ряде исследований: из таковых здесь стоит упомянуть книгу Д. Бикертона 2016 г. «Корни языка» (Bickerton 2016), а также его статью 2007 г. (Bickerton, 2007, p. 515).

Не претендуя на полноту изложения и анализа указанной проблемы, ниже мы попытаемся проанализировать ряд морфологических параметров, возникновение которых может объясняться проявлением языковой неотении, на примере трех контактных идиомов различного типа. В качестве примера редуцированного пиджина взят русско-норвежский торговый пиджин руссенорск (в настоящее время он уже вышел из употребления), в качестве примера креольского языка, произошедшего из расширенного пиджина и находящегося на стабилизированной стадии развития, – ток-писин (англокреольский язык, который является одним из официальных языков Новой Гвинеи).

Особый случай представляет язык африкаанс. Традиционно его классифицируют как германский язык: ср. подобная характеристика африкаанса – индоевропейский язык германской группы западногерманской подгруппы, который сформировался на основе смешения различных диалектов нидерландского (Миронов 2000, с. 88). Вместе с тем, некоторыми другими авторами он характеризуется как язык, близкий к креольским языкам: так, в статье Р. ван Слайеса африкаанс назван «semi-creole language» (в дословном переводе – «полукреольский язык») (van Sluijs 2013). Нам представляется, что такая характеристика африкаанса оправдана особенностями истории его развития, а также той языковой ситуации, в которой он сложился, функционировал и продолжает функционировать. Кроме того, по ряду признаков и параметров морфологической типологии африкаанс существенно отличается от остальных германских языков, что будет еще кратко освещено ниже.

Анализ морфологических особенностей ток-писина в рамках данной работы основан на работах Дж. П. Смита и Дж. Сигела (Smith, Siegel 2013) и книге М. В. Дьячкова, А. А. Леонтьева и Е. И. Торсуевой (Дьячков, Леонтьев, Торсуева 1981). Анализ морфологии африкаанса основан на уже упоминавшейся выше работе Р. ван Слайеса (van Sluijs 2013), морфологии

руссенорска – на монографии И. Брок и Э. Яра (Broch, Jahr 1981), а также обзорной статье Д. Штерна (Stern 2020).

Остановимся на базовых признаках неотенической морфологии. Для начала следует отметить, что все указанные идиомы характеризуются доминированием анализа по сравнению с флексией и синтезом. В руссенорске синтетическая морфология полностью отсутствует: так, Д. Штерн пишет о том, что признаков флексивного глагольного и именного словоизменения, характерных для русского и норвежского языков, в руссенорске нет (Stern 2020).

В ток-писине базовые грамматические и грамматико-семантические значения также почти во всех случаях выражаются аналитически. Известные исключения можно обнаружить в формообразовании форм множественного числа существительных, где конкурирующими формами являются формы аналитического множественного, образуемого при помощи частицы *ol*, и суффиксального множественного, которое образуется при помощи агглютинативного суффикса *-s* (см. подробнее (Smith, Siegel 2013)). В настоящее время в ток-писине для ряда имен существительных предпочтителен способ образования множественного числа при помощи суффикса *-s*: среди таковых можно выделить *boi* ‘мальчик’, *fren* ‘друг’, *perent* ‘родитель’, *wik* ‘неделя’, *gel* ‘девочка’, *stiudent* ‘ученик, студент’, *ticha* ‘учитель’ (там же).

Кроме того, отдельные черты агглютинативной морфологии встречаются при образовании атрибутивных форм некоторых прилагательных, для чего используется суффикс *-pela* (там же). Ср. следующий нами сконструированный пример *waitpela dok* ‘белая собака’, но *dispela dok i wait* ‘эта собака – белая’. Отдельный случай представляют собой инклозивные и эксклюзивные формы местоимений, а также местоименный дуалис, которые образуются за счет словосложения (там же): ср. инклозивная форма 1 л. мн.ч. *uyti* <*yu* ‘ты’ + *mi* ‘я’.

Аналитическая морфология преобладает и в африкаансе, за исключением отдельных зон именной морфологии, связанных, в частности, с образованием форм множественного числа существительных, диминутивов, образованием степеней сравнения прилагательных, а также объектных и притяжательных местоименных форм. При этом С. А. Миронов замечает, что немногочисленные словоизменительные аффиксы в африкаансе имеют агглютинативный характер (Миронов, 2000, с. 94).

Утрата спряжений характерна для каждого из рассматриваемых идиомов. В руссенорске глагол вообще не изменяется по лицам, числам и временам, а темпоральная семантика передается обычно или лексическими средствами, или выводится из контекста: ср. нами сконструированные примеры *moja kjai drikkom* ‘я пью чай’, но *moja på gammel ras kjai drikkom*

‘я пил чай тогда/в тот раз’, *moja på morradag kjai drikkom* ‘я завтра буду пить чай’, при этом сам глагол *drikkom* ‘пить’ не изменяется.

Единственным элементом синтетической морфологии в руссенорске является суффикс *-om*, который присоединяется к ряду глаголов: ср. *betalom* ‘платить’, *robotom* ‘работать’ (Stern 2020). Семантика этого суффикса не вполне ясна, обычно его классифицируют как специфический глагольный показатель; по всей видимости, он совмещает в себе несколько грамматических значений.

В ток-писине для образования временных и видо-временных форм глагола используются многочисленные вспомогательные частицы и адвербильные модификаторы (Дьячков, Леонтьев, Торсуева, 1981, с. 46-49). В африкаансе система глагольного словоизменения была утрачена, как пишет С.А. Миронов (Миронов 2000, с. 93), наряду с системой склонений в результате контакта между собой различных нидерландских диалектов, а также и местных языков. По замечанию Р. ван Слайеса (van Slujs 2013), немаркированная глагольная основа в африкаансе может использоваться как для передачи темпоральной семантики настоящего времени, так и для передачи семантики будущего времени, кроме того, для передачи значения прошедшего времени могут использоваться различные лексические средства. По последнему параметру африкаанс сближается с пиджинами и креолами, в частности, с вышеупомянутым руссенорском.

Аблаут и прочие явления, близкие к апофонии, не характерны как для ток-писина, так и для руссенорска (по всей видимости, они вообще являются нетипичными для креольских языков). Известной примечательной особенностью африкаанса является утрата в нем аблаутных противопоставлений, характерных для германских языков в целом, которые в них используются для образования различных временных форм. Прошедшее время в африкаансе образуются унифицированным способом при помощи префикса *ge-*, присоединяемого к смысловому глаголу, и вспомогательной глагольной формы *het* (<*hē* ‘иметь’) (van Slujs 2013).

Очень небольшое число глаголов языка африкаанс сохраняют «старый» германский аблаут: ср. *weet* ‘знать’ – *wis* ‘знал/знала/знало/знали’ (там же). К такому же типу глаголов можно отнести модальные глаголы, а также глаголы *dink* ‘думать’, *hē* ‘иметь’, *wees* ‘быть’ (там же). Таким образом, этот тип чередования в африкаансе может считаться реликтовым.

Исходя из представленного выше анализа, можно сделать вывод, что наиболее ярко неотенические черты выражаются на морфологическом уровне пиджинов и креолов, при этом особенно отчетливо эти черты проявляются у редуцированных пиджинов. Вместе с тем нужно заметить, что и креольские языки, которые находятся на стабилизированной стадии развития (как, например, ток-писин) также демонстрируют ряд неотенических черт в своей системе.

Нужно также заметить, что теория языковой неотении нерелевантна, по всей видимости, для смешанных языков, поскольку они возникают и развиваются в языковых ситуациях другого типа. Кроме того, по характеристикам своей морфологической и синтаксической типологии языки такого типа отличаются от пиджинов и креолов, так как в смешанных языках сохраняются морфологические особенности и параметры, наследуемые из тех языков, которые вступают в контакт: таков, например, медновский язык, в котором сохраняются элементы флексивной русской и алеутской морфологии.

Литература

1. Bichakjian B.H. Language innateness and speech pathology // Studies in language origins. – Vol. 1. – Amsterdam–Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1989. – P. 209-232.
2. Bichakjian B.H. Neoteny and language evolution. // The genesis of language. A different judgement of evidence. Ed. by M. E. Landsberg. – Berlin – New York – Amsterdam: Mouton de Gruyter, 1988. – P. 113-136.
3. Bickerton D. Language evolution: a brief guide for linguists // Lingua. 2007. – V. 117. – P. 510-526.
4. Bickerton D. Roots of Language. – Berlin: Language Science Press, 2016.
5. Broch I., Jahr E. N. Russenorsk – et pidginspråk i Norge (Tromsø-studier i språkveteskap, III). – Oslo: Novus Forlag, 1981.
6. Smith G.P., Siegel J. Tok Pisin // The survey of pidgin and creole languages. – V. 1: English-based and Dutch-based Languages. – Oxford: Oxford University Press, 2013. URL: <https://apics-online.info/surveys/22> (дата обращения 30.12.2023)
7. Stern D. Russian Pidgin Languages // Encyclopedia of Slavic Languages and Linguistics Online. Ed by. M. L. Greenberg and L. Grenoble. – Brill, 2020.
8. van Slujs R. Afrikaans // The survey of pidgin and creole languages. – V. 1: English-based and Dutch-based Languages. – Oxford: Oxford University Press, 2013.
9. Дьячков М.В., Леонтьев А.А., Торсунова Е.И. Язык ток-писин (неомеланезийский). – М.: Изд-во «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1981.
10. Миронов С.А. Африкаанс язык // Языки мира: Германские языки. Кельтские языки. – М.: Academia, 2000. – С. 87-101.
11. Николаева Т.М. Теория происхождения языка и его эволюции – новое направление в современном языкоизнании // Вопросы языкоизнания. – 1996 – №2. – С. 79-89.

В.Н. Картавцев

Русские и английские конструкции с непереходными глаголами

Аннотация: В статье представлено сопоставительное исследование синтаксических конструкций, образуемых непереходными глаголами в разноструктурных языках – русском и английском. На основе понятия информативного минимума автор выделяет и последовательно рассматривает в обоих анализируемых языках три модели предложения, в которых непереходные глаголы функционируют в качестве сказуемого.

Ключевые слова: Воронежская синтаксическая школа, лексически ориентированный синтаксис, непереходность, модель предложения, типовая пропозиция.

Abstract: The paper presents the comparative analysis of syntactic constructions formed by intransitive verbs in two typologically different languages – Russian and English. Basing on the concept of informative minimum, the author identifies and consistently examines in both languages three sentence models in which intransitive verbs function as predicates.

Key words: Voronezh school of syntax, lexico-syntactic analysis, intransitivity, syntactic pattern, typical proposition.

Явление непереходности представляет большой интерес как для частного языкознания, так и для сопоставительных исследований разноструктурных языков. На огромное семантическое разнообразие непереходных глаголов накладывается разнообразие предлогов. Сюда добавляются еще и различные в функционально-синтаксическом плане конструкции, в которых непереходные глаголы могут употребляться. Закономерно, что перед исследователем встают два вопроса:

1) стоит ли объединять все это разнообразие в рамках одного исследования, не правомерней ли ограничиться изучением различных непереходных глаголов в составе соответствующих лексических группировок и семантических типов предложений, в которых эти глаголы выступают в роли сказуемого?

2) если стоит, то как к этому разнообразию подступиться?

Нам представляется, что на первый вопрос следует дать положительный ответ. Освоение обучающимся того, как непереходность «работает» в предложении – неотъемлемая часть общей языковой компетенции, формируемой при изучении языка как иностранного. Методология лексически ориентированного синтаксиса, идеи которого были первоначально обоснованы И.П. Распоповым и получили дальнейшее развитие в трудах Т.М. Чирко и Т.М. Ломовой, предполагает последовательное изучение функционирования словоформ определенных лексико-грамматических разрядов в предложении (Распопов 1981; Чирко, Ломова 2002). Непереходные глаголы представляют собой как раз такой лексико-грамматический разряд, просто состоящий из множества подразрядов, выделяемых на семантической и структурной основе. Другой вопрос: на какой основе классифицировать столь различный языковой материал? В соответствии с подходом, принятым в лексически ориентированном синтаксисе, – на строгой синтаксической основе, не исключая при этом из рассмотрения, в конечном счете, и лексическую семантику глагола-сказуемого. И здесь подсказку нам дала описательная грамматика COBUILD, в которой английские непереходные глаголы классифицировались на основе синтаксических конструкций, в которых они употребляются (Collins COBUILD English Grammar 2011). Проблема подхода авторов вышеназванной грамматики, на наш взгляд, состоит в

том, что выделяемые ими конструкции не получают четкую синтаксическую интерпретацию: функционально-синтаксические позиции иногда подменяются частями речи, их выражающими. Это вполне может быть оправдано с учетом практической ориентации грамматики, но является неприемлемым при теоретическом осмыслении проблемы, а также при сопоставительном изучении языков. Поэтому ниже мы приведем видоизмененный вариант данной классификации и рассмотрим, как в выделяемых типах конструкций функционируют русские и английские непереходные глаголы.

Рассмотрение данного вопроса на материале русского и английского языков в сопоставительно-типологическом аспекте представляется нам интересным, поскольку один из языков является по своему грамматическому строю синтетическим, а другой – аналитическим. Мы будем основываться на положениях лексически ориентированного синтаксиса, понятиях модели предложения, семантической структуры и информативного минимума, а также будем во многом опираться на подход З.Д. Поповой и Г.А. Волохиной и выделяемые ими типовые пропозиции, отличающиеся своей универсальностью (Чирко, Ломова 2002; Волохина, Попова 2003; Мустайоки 2006; Копров 2016).

Главное, на что мы будем обращать внимание – те функционально-синтаксические позиции, которые необходимы для выражения информативного минимума того или иного высказывания. Например, в высказывании *Летящей походкой ты вышла из мая* обстоятельство *из мая* необходимо для смысловой завершенности при сказуемом, выраженным глаголом движения.

Теперь рассмотрим другой пример:

А люди, которые остаются – это люди, у которых нет шанса уехать.

Здесь значение обстоятельственной позиции восстанавливается из контекста, мы можем считать, что оно представляет усеченную реализацию той же схемы, какую мы наблюдали в предыдущем предложении.

И третий пример:

Наш костер в тумане светит.

Обстоятельство *в тумане* при сказуемом, выраженным глаголом свечения, является факультативным с точки зрения смысла, его наличие не влияет на смысловую завершенность высказывания – см. по этому вопросу монографии: Волохина, Попова 2003; Мустайоки 2006; Копров 2016.

В рамках данного исследования для русского языка ограничимся базовыми двусоставными моделями предложения, имеющими непосредственные корреляты в английском языке. В качестве главного (но не единственного) источника примеров будем использовать Национальный

корпус русского языка, его основной и параллельный русско-английский подкорпусы (Национальный корпус русского языка).

Итак, общая модель предложения, в рамках которой будут выделяться варианты, имеет следующий вид:

Подлежащее – Сказуемое – [Предложное Дополнение/Обстоятельство].

Ее первый вариант – **нулевой**:

Подлежащее – Сказуемое (правостороннее распространение для выражения информативного минимума не требуется).

Например:

Город пылал.

Minerals found in water don't evaporate.

Следующий вариант – **предложно-дополнительный**:

Подлежащее – Сказуемое – Предложное дополнение.

Например:

Когда я в последний раз так с кем-то разговаривал?

...those few biologists... have attempted to grapple with these problems in detail.

И последний вариант – **обстоятельственный**:

Подлежащее – Сказуемое – Обстоятельство (места/времени/меры и степени).

Данная модель, в свою очередь, делится на подтипы:

А) Подлежащее – Сказуемое – Обстоятельство места/времени.

Например:

Тысячи докторантов уедут за границу в 2016 году при финансовой поддержке Китайского совета по стипендиям.

He arrived in the UK as a refugee.

Б) Подлежащее – Сказуемое – Обстоятельство меры и степени.

Например:

Они должны увеличиться в 10 раз относительно 2, 5 млрд долларов в год.

Since the WTO was established in 1995, global GDP has grown by about 250% on a cumulative basis, while global trade has increased by about 270%.

Теперь обратимся к семантическим структурам, стоящим за этими конструкциями.

Нулевая модель характерна для выражения следующих семантических структур:

- существования:

Бытует мнение, что у англичан, в сравнении с другими народами, более тонкое, более развитое чувство юмора.

*So, you know, we can do this, the technology **exists**.*

- существования явлений природы:

*Пока светит солнце – While the sun **shines**.*

- события:

*В результате на уровне частиц **происходит** ядерная реакция
When a reversal **happens**, the normally strong magnetic field weakens.*

- инообытия объекта:

*Он живой и **светится**.*

*Screens glow and equipment fans **whir**.*

- физического процесса, действия или состояния:

*Он спустился вниз, свернулся комочком и снова **заснул**.*

*She **fidgeted**, afraid he wasn't going to believe her.*

- ментальных действий и чувственно-эмоциональных состояний:

*Она **призадумалась**.*

*It's a poor heart that never **rejoices**.*

- а также действий с обобщенным, неопределенным объектом:

Ломать – не строить.

Live and learn.

(в приведенных выше примерах мы наблюдаем, что переходные глаголы могут употребляться как непереходные);

- движения и изменения:

*Но сейчас многое **изменилось**, не так ли?*

*Айртон резко **выпрыгнул**...*

*Advice on masks seems to have **shifted**.*

*My love for him has **changed**.*

Предложно-дополнительная модель, в свою очередь, выражает следующие семантические структуры:

- семантика речемыслительной деятельности:

*Она явно не привыкла **разговаривать** с незнакомцами в столь мягкой и приятной манере.*

*When was the last time I'd **spoken** to someone like this?*

- семантика различных физических и социальных действий:

*Я **столкнулся** с ним в дверях.*

*Он наконец **увиделся** с сестрой.*

*The two men **wrestled** with each other.*

*But while the Tatars are **grappling** with Novgorod, our army will come up and cut them off, and strike at them from behind.*

Важно отметить, что в рамках нулевой и предложно-дополнительной моделей выражаются категориальные значения **совместности** и **реципрокальности**.

Обстоятельственный вариант, в свою очередь, служит для выражения:

- бытия объектов с указанием места, а также возможным указанием определенного времени (местоположения). Например:

*Мы **два часа находились** в этой комнате.*

*Many of the amphoras **lay** in small craters.*

- **самостоятельных перемещений агента в пространстве** с указанием пространственных характеристик. Например:

Он шел на Одессу, а вышел к Херсону...

The next day they travelled north.

- **изменения объекта** с указанием характеристик данного изменения через обстоятельство меры и степени, например:

И тогда цены могут повыситься на 20-30 процентов в течение короткого промежутка времени.

But in those same two years, positive feelings about capitalism plummeted from 56 to 47 percent.

Разумеется, в русском языке будет наблюдаться большее синтаксическое разнообразие, чем в английском, поскольку на основе базовых двусоставных моделей образуются их односоставные трансформы типа *Ему думалось, что...*, чего не допускает синтаксический строй английского языка. При этом из приведенных примеров видно, что ряд смыслов в русском языке выражается отдельным лексико-грамматическим разрядом русских непереходных глаголов – возвратными глаголами. Аналогичного разряда нет в английском языке.

Что же касается сходства, то мы видим, что в разноструктурных языках – русском и английском – непереходные глаголы функционируют в одинаковых двусоставных моделях предложения, в рамках которых выражаются общие для обоих языков типовые семантические структуры.

Литература

1. Collins COBUILD English Grammar: Digital Edition. – 3rd ed. – HarperCollins Publishers: Glasgow, 2011.
2. Волохина Г. А., Попова З. Д. Синтаксические концепты русского простого предложения. – Воронеж: Истоки, 2003.
3. Копров В. Ю. Семантико-функциональная грамматика русского и английского языков – М.: ФЛИНТА: Наука, 2016.
4. Мустайки А. Теория функционального синтаксиса – М.: Языки славянской культуры, 2006.
5. Национальный корпус русского языка. – Электронный ресурс. – URL: <http://ruscorpora.ru>.
6. Распопов И. П. Спорные вопросы синтаксиса. – Ростов-на-Дону, 1981.
7. Чирко Т. М., Ломова Т. М. Активная грамматика: к содержанию понятия. – Воронеж: Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2002 . – № 3. – С. 51-55.

Е.В. Петрова

Особенности глагольно-наречных единиц расчленённой номинации в итальянском языке и их эквиваленты в русском языке

Аннотация: Исследование посвящено структурно-семантическому анализу итальянских глагольно-наречных единиц расчленённой номинации, являющихся важной частью словарного состава итальянского языка. Анализируются отличительные признаки и способы образования итальянских глагольно-наречных единиц расчленённой номинации, описываются их семантические свойства и ближайшие соответствия в русском языке.

Ключевые слова: лексически расчленённые наименования, фразеологизмы, перевод, итальянский язык, русский язык.

Abstract: The paper considers the structural-semantic analysis of Italian verbal-adverbial units of disjointed nomination, which constitute an important part of the Italian language vocabulary. The distinctive features and methods of formation of Italian verb-adverbial units of the disjointed nomination are analyzed, their semantic properties and closest correspondences in the Russian language are described

Key words: lexically disjointed names, idioms, translation, Italian, Russian.

Настоящее исследование посвящено анализу механизмов расчленённой номинации в итальянском языке, его предметом являются структурно-семантические, фонетические и функциональные особенности глагольно-наречных единиц расчленённой номинации в итальянском языке.

Материалом исследования послужили интересующие нас лексические единицы, отобранные методом сплошной выборки из материалов итальянских средств массовой информации, из словарей общеупотребительной лексики и словарей наиболее частотных сочетаний итальянского языка.

В качестве методов исследования в работе использованы структурно-семантический и сравнительно-описательный методы.

Среди единиц расчленённой номинации в итальянском языке особый класс составляют глагольно-наречные образования, получившие в итальянской лингвистике наименование *verbi sintagmatici* ‘сintагматические глаголы’ (Simone 1997, Ježek 2005). Итальянский термин указывает на тот факт, что значение таких глаголов формируется в значительной степени под влиянием линейного синтагматического вида связи между глаголом и соседними языковыми знаками.

С формальной точки зрения, рассматриваемые единицы представляют собой сочетания, в состав которых входят в качестве ядерного слова глагол с генерализированным значением, а в качестве зависимого – наречие, обозначающее направление движения, например, *andare* – ‘идти’, *andare via* – ‘уходить’, *volare* – ‘летать’, *volare via* – ‘улетать’.

Наречие может выполнять также усилительную функцию, интенсифицируя значение глагола, *uscire fuori* – ‘выходить’, *entrare dentro*

– ‘входить’, ср. с русским *идти прочь, выгнать вон, упасть вниз, поднять вверх* и т.п. Рассматриваемые сочетания могут включать как переходные глаголы, например, *portare fuori* – ‘выносить’, ‘выводить’, *tirare fuori* – ‘вынимать’, так и непереходные, в частности, глаголы движения *scappare via* – ‘скрыться’ и глаголы состояния *stare via* – ‘отствовать’. При этом наречия могут выполнять как дополнительную функцию, уточняющую основное семантическое значение глагола, как в следующих примерах *portare via* – ‘уносить’, *mettere fuori* – ‘высовывать’, *venire avanti* – ‘выступать вперёд, выдвигаться’, *saltare giù* – ‘прыгать вниз, спрыгивать’, имеющих прямые соответствия в русском языке в виде приставочных глаголов; так и полностью модифицировать его исходное значение, например, *mettere insieme* – ‘соединять’, *mettere su* – ‘основывать’ (*Ho messo su una piccola azienda* – ‘Я основал(а) небольшое предприятие); *mettere dentro* – ‘заключать под стражу’, ‘сажать в тюрьму’ (*L'hanno messo dentro* – ‘Его посадили в тюрьму’).

Как следует из вышеупомянутых примеров, с точки зрения семантики, подобные аналитические единицы не являются гипонимами входящих в их состав глаголов. Их значение – результат сложного взаимодействия единиц разного уровня и не сводится к сумме значений составляющих их компонентов.

Некоторым из рассматриваемых единиц свойственны характеристики, сближающие их с фразеологизмами, такие, как фиксированная структура и метафорическое значение, например, *tirare avanti* – ‘влечь тяжкое существование’, ‘едва сводить концы с концами’, ‘выживать’. В русском языке также имеются примеры подобных глагольно-наречных образований: *взять верх* (одолеть), *брать влево* (направить влево), *сдать назад* (отъехать назад), *скатиться вниз* (ухудшить результаты), *уйти далеко вперёд* (обогнать), *держаться подальше* (избегать), *высоко взлететь* (занять высокое положение) и т.п.

Нередко такие глаголы совмещают в себе оба значения, прямое и переносное, например, *venire fuori* 1) выходить, 2) всплывать, обнаруживаться; *fare fuori* 1) устранивать, 2) убивать; *tirare su* 1) поднимать, подбирать (с пола), 2) строить, возводить, 3) расти (поднимать) детей, 4) воодушевлять, подбадривать; *andare giù* 1) спускаться, снижаться, 2) (в отрицательной форме 3 л.) быть неугодным, не нравиться; *buttare giù* 1) бросать, сбрасывать, 2) набросать (написать), проронить (произнести) (несколько слов), 3) сносить (разрушать).

На русский язык рассматриваемые образования переводятся приставочными глаголами: *venire su* – ‘подняться’, *portare avanti* – ‘продвигать’, ‘развивать’, *lavare via (la macchia)* – ‘отстирать (пятно)’.

В отличие от русского языка, для которого характерен главным образом синтетический способ словообразования, итальянский язык отдаёт предпочтение аналитическому способу, и глагольно-наречные сочетания

составляют в нём довольно заметную, как в количественном, так и качественном, отношении часть словаря, поскольку некоторые семантические значения получают своё выражение через механизм расчленённой номинации. Интересно, что в других романских языках, например в испанском, количество подобных образований заметно меньше, например, *quedar atrás* – ‘отставать’, *echarse atrás* – ‘отступить, включить заднюю’, *salir adelante* – ‘обгонять’, ‘делать успехи’, *caer encima* – ‘обрушаться’, *venir abajo* – ‘рушиться’.

В качестве отличительных признаков итальянских глагольно-наречных единиц расчленённой номинации, позволяющих рассматривать их в качестве особого подкласса глаголов, можно выделить следующие:

1. Функционирование в потоке речи в виде единого фонетического слова с перемещением ударения с глагольной формы на наречную: *[Ho messosù] una piccola azienda*. Другим проявлением той же тенденции можно считать явление апокопы в форме инфинитива: *dobbiamo[andar via]*;

2. Наличие позиционных ограничений, не допускающих произвольного изменения порядка следования компонентов, входящих в структуру подобных образований: * *lei da sola ha tirato i bambini su* / *lei da sola ha tirato su i bambini*; * *sono venuti tutti i dettagli dell'accaduto fuori/sono venuti fuori tutti i dettagli dell'accaduto*;

3. Ограниченные деривационные возможности рассматриваемых глаголов по сравнению с обычными: *Siamo contenti che ci sia venuto incontro/ Siamo contenti della sua *venuta incontro a noi*. Cp.: *Siamo contenti che sia venuto/ Siamo contenti della sua venuta*.

4. Стилистическая маркированность – функционирование указанных единиц наблюдается преимущественно в устной речи, во многом по причине их большей семантической прозрачности.

Таким образом, глагольно-наречные единицы расчленённой номинации в итальянском языке представляют собой сочетания, которые обладают рядом свойством, семантического, фонетического, синтаксического и социолингвистического характера, позволяющих выделить их в особую категорию, с соответствующим подходом к их изучению и описанию.

Как следует из проведённого анализа, в структурном плане рассмотренные единицы представляют собой переходные и непереходные глаголы в сочетании с наречиями. С семантической точки зрения, данные образования передают значения, дополняющие, уточняющие основное значение глагола путём присоединения к нему наречия, указывающего направление или способ действия. В то же время отличительным свойством значительного количества данных единиц является несводимость общего семантического значения к сумме значений составляющих их компонентов.

Признаками завершения процесса лексикализации итальянских глагольно-наречных сочетаний могут служить некоторые их фонетические и синтаксические особенности, такие, как смещение ударения с ядерного слова на зависимое, то есть с глагола на наречие, регулярное появление апокопы в формах инфинитива, функционирование в речи в виде единого слова, а также высокая степень внутренней спаянности, не допускающая произвольного изменения порядка следования составляющих их компонентов, ограниченная деривация.

Данный подкласс глаголов в итальянском языке демонстрирует достаточно высокую продуктивность и по этой причине итальянский язык занимает особое место среди романских языков, в которых количество подобных глагольных образований невелико.

Сферой функционирования итальянских глагольно-наречных единиц расчленённой номинации является в основном устная речь.

В русском языке ближайшими соответствиями рассмотренным итальянским глаголам являются однословные глаголы, образованные приставочным способом. Данный факт указывает на то, что разные языки по-разному отражают характер и способ действия субъекта, что в свою очередь, оказывает влияние на выбор способа номинации: итальянский язык предпочтает аналитический способ вербализации концепта, русский язык, напротив, отдаёт предпочтение нерасчленённым лексическим образованиям.

Литература

1. Ježek E. Lessico. Classi di parole, strutture, combinazioni. – Il Mulino, Bologna, 2005.
2. Simone, R. Esistono verbi sintagmatici in italiano? //Fondamenti di Linguistica, a cura di De Mauro e Lo Cascio. – Laterza, Roma-Bari, 1997. – P. 155 – 169.

Использованные словари

1. Черданцева Т.З., Рецкер Я.И., Зорько Г.Ф. Итальянско-русский фразеологический словарь. Dizionario fraseologico italiano-russo. – Т.З. – М.: «Русский язык», 1982.
2. Mauro, T.de. GRADIT. Il grande dizionario dell'uso. – UTET, Torino, 1999-2000.
3. Kovalev, V. Il grande dizionario Russo-Italiano / Italiano-Russo. – Zanichelli, Bologna, 2014.
4. Lo Cascio, V. Il dizionario combinatorio Italiano. – Jhon Benjamin Publishing Company, 2013.
5. Tiberii, P. Dizionario delle collocazioni. Le combinazioni di parole in italiano. – Zanichelli, Bologna, 2017.
6. Urzì, F. Dizionario delle combinazioni lessicali. – Convivium, Luxembourg, 2009.
7. Vocabolario Treccani – versione elettronica <http://www.treccani.it>

Раздел 7. Сопоставительные исследования и перевод

Е.В. Дмитриенко

Комбинаторные девианты и причины их появления при переводе с английского языка на русский

Аннотация: В статье рассматривается понятие комбинаторных девиантов – речевых ошибок, возникающих при переводе и нарушающих сочетаемость языковых элементов. Предлагается ряд критериев, которые позволят определить принадлежность девианта к группе «комбинаторных».

Ключевые слова: речевые ошибки, комбинаторные девианты, перевод, комбинаторная лингвистика.

Abstract: The paper discusses the concept of combinatorial deviants – speech errors that occur during translation and violate the compatibility of linguistic elements. A number of criteria are proposed that will determine whether a deviant belongs to the «combinatorial» group.

Key words: speech errors, combinatorial deviants, translation, combinatory linguistics.

Данное исследование проводится в рамках комбинаторной лингвистики, изучающей синтагматические связи языковых единиц и их комбинаторный потенциал (Влавацкая 2017, с. 21). Комбинаторная девиатология – раздел комбинаторной лингвистики, изучающий комбинаторные девиации и девианты, возникающие по причине межъязыковой интерференции, связанной с нарушением синтагматических и парадигматических отношений слов при переводе.

Целью исследования является определение понятия «комбинаторные девианты» и критериев их выделения, используя сопоставление английского и русского языков. Для этого потребуется: определить термин «комбинаторный девиант» и установить связь между межъязыковой интерференцией и девиантами.

Межъязыковой девиацией называют отклонение от языковой нормы в процессе перевода, которое можно определить как когнитивный процесс, реализуемый в системе межъязычия – одной из когнитивных систем сознания, существующей с первичной языковой системой, в результате игнорирования (непреднамеренного, часто интерферентного) системно-коммуникативных свойств единиц системы второго языка на всех его уровнях (Дебренн 2006, с. 35). На появление таких отклонений могут влиять разные факторы, такие как сходства и различия между языками, уровень владения, ситуационный контекст и т.д. Эти отклонения (девиации) могут возникать на любом уровне языка – фонологическом, морфологическом, синтаксическом и лексико-семантическом.

Комбинаторная лингвистика исследует проблемы сочетаемости единиц языка, природу сочетаемости, комбинаторные свойства языковых единиц и т.д. (Влавацкая 2012). Исходя из этого, речевые ошибки, нарушающие сочетаемость языковых элементов мы называем термином «комбинаторные девианты», т.е. в основе этих типов ошибок лежит нарушение синтагматических или парадигматических связей слов. Комбинаторные девианты относятся к языковым выражениям или конструкциям, которые отклоняются от типичных или ожидаемых моделей сочетания слов в рамках данного языка. Они могут проявляться в различных формах, включая нарушения словосочетательных норм, выбор несоответствующего стиля или коннотаций, нарушения синтаксических норм. Эти отклонения часто приводят к нестандартным сочетаниям, которые отличаются от языковой нормы изучаемого языка.

Важно отметить, что комбинаторные девиации тесно связаны с изучением межъязыковой интерференции – явления отклонения от языковых норм из-за влияния первой языковой системы на усвоение и использование второй, что оказывает негативное влияние на овладение иностранными языками (Вайнрайх 1979, с. 27). Выявляя и анализируя эти девиантные комбинации, исследователи могут получить представление о процессах, лежащих в основе овладения языком и явления двуязычия. Понимание комбинаторных девиантов в контексте межъязыковой интерференции дает представление о проблемах, с которыми сталкиваются изучающие языки, и позволит найти способы решения этих проблем.

Что касается определения комбинаторных девиантов, то важно выделить несколько критерии для их отбора.

Нарушение норм сочетаемости. Комбинаторные девианты могут возникать, когда определенные слова или фразы сочетаются таким образом, который противоречит типичным коллокационным моделям языка. В качестве примеров приведем следующие переводы: *to do mistakes** вместо *to make mistakes*; *quick car** вместо *fast car* в значении «машина, которая может достичь очень высокой скорости»; *hard coffee** вместо *strong coffee*.

Семантическое несоответствие. Комбинаторные девианты могут включать слова, которые в словосочетании не сходятся по значениям или семантическим ассоциациям. Это может привести к образованию некорректных или даже бессмысленных сочетаний. Например, *cool wind** вместо *cool breeze* в значении «прохладный ветерок», *high cuisine** вместо *haute cuisine* в значении «высокая кухня».

Синтаксические нарушения. Нарушения в порядке слов, структуре фраз или синтаксических шаблонах также является признаком проявления комбинаторных девиантов. Они могут включать в себя неправильное расположение функциональных слов, неправильное согласование между словами или нарушения грамматических правил. Например, *He speaks on*

*English** по аналогии с русским вариантом «Он говорит **на** английском»; *In the garden bloom apple trees**, что является дословным переводом русского предложения «В саду цветут яблони» с сохранением порядка слов.

Использование неправильного стиля речи в словосочетаниях. Комбинаторные девианты могут возникать, когда слова или фразы используются в неподходящем для данного контекста стиле. Это может включать в себя использование чрезмерно формального или неформального языка, или слов с коннотациями, которые не соответствуют предполагаемому значению. Например, *to perform a purchase** в значении «произвести покупку», вместо *to make a purchase*; *He commenced weeping** вместо *He started weeping*, что является примером сочетания формального и неформального стиля в одном словосочетании; *to hoist up a question** вместо *to raise a question*.

Лексическое несоответствие во фразеологизмах или же неправильный их перевод. Например, перевод выражения «Break a leg» как «Сломай ногу»* вместо подбора аналога «Ни пуха, ни пера»; дословный перевод фразы «Держим кулачки» - «Keep your fists»* вместо эквивалентного «Keep your fingers crossed» и т.д.

Важно отметить, что эти критерии не являются исчерпывающими, и определение комбинаторных девиантов может также зависеть от конкретных лингвистических особенностей сопоставляемых языков. Кроме того, при определении того, является ли коллокация действительно девиантной или просто творческим использованием языка, должны приниматься во внимание контекст и коммуникативная задача.

Таким образом, термин «комбинаторный девиант» можно определить как речевую ошибку, нарушающую сочетаемость языковых элементов. В основе этих типов ошибок лежит нарушение синтагматических или парадигматических связей слов. Для того, чтобы определить, относится ли речевая ошибка к комбинаторным девиантам, необходимо учитывать несколько критериев, таких как нарушение норм сочетаемости, семантическое несоответствие, синтаксические нарушения, лексическое несоответствие во фразеологизмах, или использование неправильного стиля в словосочетаниях.

Литература

1. Вайнрайх У. Языковые контакты. Киев: «Вища школа», 1979.
2. Влавацкая М.В. Комбинаторная лингвистика: теоретико-методологические основы зарождения и развития // Научный диалог, 2012. – № 3. – С. 8-23.
3. Влавацкая М.В. Языковая комбинаторика: аспекты изучения // Научный диалог, 2017. – № 5. – С.21-32.
4. Дебренин М. Теоретические и прикладные аспекты межъязыковой девиатологии: дис. ... доктора филологических наук. – Новосибирск, 2006.

Г.С. Шарипова, У.Д. Камбаралиева

Гастрономическая лакунарная лексика и способы ее переводческой трансляции

Аннотация: В статье рассматриваются лингвокультурологические особенности гастрономических лакунарных лексических единиц в контрастивном аспекте и способы их переводческой трансляции.

Ключевые слова: гастрономическая лексика, языковое сознание, лакуна, перевод.

Abstract: The paper examines the linguistic and cultural features of gastronomic lacunary lexical units in a contrastive aspect and the ways of their translation.

Key words: gastronomic vocabulary, linguistic consciousness, lacuna, translation.

Испокон веков процессу питания уделялось пристальное внимание, поскольку культура питания, потребления и называние еды является важнейшей составляющей ментальности народов мира, которая, в свою очередь, является неотъемлемой частью повседневной жизни человека. Любое потребление пищи этнически обусловлено, отражает социально-религиозные и культурно-этнические особенности народов. Гастрономия (глюттония) как главный приоритет ментальности народов, может отражать религиозные воззрения, быт и уклад представителей различных национальностей, поэтому глюттоническая картина мира разных народов, описывая и показывая нравы разных представителей народностей, является одной из основ освоения иной культуры через язык.

Как отмечается еще со времен Ф. де Гумбольдта, основным атрибутом уникальности нации является ее язык, который выступает индикатором этнической идентификации населения. Языковая картина мира каждого народа уникальна, колоритна и разнообразна. Понимание идей, заключенных в значениях слов в одном языке воспринимается как должное представителями этой нации, но могут быть по-другому восприняты представителями другого народа, т.е. обнаруживаются расхождения значений, понятий, взглядов.

Как отмечают З.Д. Попова и И.А. Стернин: «Языковая картина мира – это совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определенном этапе развития народа, представление о действительности, отраженное в языковых знаках и их значениях – языковое членение мира, языковое упорядочение предметов и явлений, заложенная в системных значениях слов информация о мире» (Попова, Стернин 2007, с. 38).

При рассмотрении языковых картин мира разных народов особый интерес представляют языковые лакуны.

Языковая лакуна (от лат. *lacuna* – «углубление, впадина») – лексическое несоответствие между двумя языками. «В результате неполной эквивалентности денотативных семем разных языков создается такое явление, как лакуна: отсутствие в одном из языков, сопоставляемых между

собой, наименования того или иного понятия, имеющегося в другом языке» (Попова, Стернин 1984, с. 71). Лакуны являются «белыми пятнами» в системе эквивалентности единиц (Стернин 1999, с.15), а также в переводческой деятельности.

В трудах исследователей выделяются различные виды лакун: этнографические (отражающие быт и повседневную жизнь народа), лингвокультурологические (имеющие отношение к культуре и истории народа), и ментальные (отражающие мировосприятие, самосознание, способ мышления народа) (Байрамова 2011, с. 25).

Каждый из видов лакун требует изучения языковых фактов в динамике. К примеру, проведенное в диссертационном исследовании А.С. Шмунера анкетирование американцев, русских и японцев, выявило, что английское слово supermarket для американцев – это магазин, предлагающий товары повседневного спроса, а также продуктовый магазин; для русских супермаркет – это большой магазин с широким ассортиментом товаров для повседневной жизни и магазин, в котором покупатель выбирает понравившиеся ему товары и оплачивает в кассе, а для японцев, данный вид магазина считается: 1) магазином в непосредственной близости от района проживания; 2) магазином с низкими ценами на товары или магазином со скидками. Автор исследования доказывает, что, несмотря на одинаковость денотативного значения лексемы «супермаркет» в этих трех языках, сознания разнообразны в каждой нации и понимаются по-разному, и также отмечает наличие отличительных признаков в понимании исходного слова в языке оригинала и дополнительные сознания, имеющиеся в принимающих языках перевода (Шмунер 2011, с. 265). Как показал наш анализ результатов свободного ассоциативного эксперимента, в языковом сознании казахов у данной лексемы имеются еще такие значения: универсальный магазин (по аналогии с «гастрономом» и «универмагом» советского времени) с разнообразными продуктами и товарами, работающий круглые сутки; магазин, удовлетворяющий всем видам потребностей; магазин, имеющий все товары первой необходимости. Таким образом, иноязычные слова, заимствующиеся в другие языки, сохраняют свое исходное значение, а также могут быть дополнены новыми значениями, тем самым обогащая язык и придавая новые оттенки яркости, колоритности и художественности отдельным единицам лексики.

Гастрономическая картина мира проявляется по-разному в разных языках, поскольку она имеет ряд своих лакунарных, своеобразных и неповторимых этнических элементов культуры, которые понимаются полностью или не могут быть восприняты представителями других этнических общин в процессе межкультурной коммуникации. В лексике любого языка имеются сакральные глоттонические номинации, которые занимают особое место в лингвокультуре. Такие единицы,

относящиеся к бытовой лексике и отражающие особые отношения народа к различным явлениям жизни, становятся ядром традиций, обычаяев, нравов, сложившихся на протяжении исторического развития народа, сохранившего историко-культурное наследие. Примером таких языковых единиц может служить номинация хлеба в казахском, русском и немецком языках через призму этнокультурного сознания и восприятия лингвокультурологических особенностей (Капанова 2007).

Как свидетельствуют результаты исследований по глюттонической терминологии, этнические глюттонические наименования являются одними из устойчивых пластов культуры, которые могут сохраниться дольше, чем обозначения элементов других сфер национального быта народов (Камбаралиева, Шарипова 2023, с. 113).

Гастрономические лакуны отображают глюттоническую картину мира отдельного народа, сложившуюся под влиянием различных бытовых и культурно-исторических процессов. Например, для трансляции на другой язык таких единиц, являющихся этнографическими лакунами, как: *окрошка*, *щи*, *борщ* в русском; *қазы*, *қарта*, *ірімшік*, *жемт* в казахском; *пуддин* в англайском, а также для передачи значения их знаменитой традиции пить чай – «5 o'clock tea» следует отдельно пояснить их этнокультурное содержание и функциональные особенности, поскольку для заполнения «белых пятен» в переводе требуется наличие соответствующей информации как у реципиента, так и у самого переводчика.

На основе проведенного исследования можно заключить, что гастрономические номинации разных народов отражают их этнокультурную действительность и имеют особое имплицитное содержание, которое может быть эксплицировано в результате изучения их этнокультурной основы и особенностей функционирования всех элементов семантики в языковой картине мира народа.

Анализ передачи номинаций гастрономических лакун с одного языка на другой позволил сделать вывод о том, что основными способами, дающими возможность осуществить их межъязыковые трансляции, являются калькирование, описательное толкование и транскрипция. Используются также такие приемы, как замена, перестановка, добавление и опущение единиц.

Литература

1. Байрамова Л. К. Лингвистические лакунарные единицы и лакуны// Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 25 (240). – Вып. 58. – С. 22–27.
2. Камбаралиева У.Д., Шарипова Г.С. Экспликация языковой картины мира в русских и тюркских глюттонических номинациях // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка. – М.: Изд. «Ритм», 2023. – Вып. 9. – С. 110-115.

3. Капанова Д.Е. Нан/хлеб/Brot лексика-семантикалық өрісі казақ, орыс және неміс тілдерінің материалдары бойынша филол.ғыл.канд. ... дис. — Алматы, 2007.
4. Попова, З.Д., Стернин И.А. Лексическая система языка. — Воронеж: ВГУ, 1984.
5. Стернин, И.А. Лексическая лакунарность и понятийная эквивалентность. — Воронеж: ВГУ, 1999.
6. Шмунер А.С. Взаимодействие культурных картин мира как фактор, определяющий развитие значения и формы заимствованного слова: на материале английского, русского и японского языков: дисс. ...канд. филол.наук. — Рязань, 2011.

Содержание

Раздел 1.

Вопросы теории сопоставительных исследований

Стернина М.А. (<i>Воронеж</i>) Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований: 20 лет развития	3
Павловская Н.Ю. (<i>Минск, республика Беларусь</i>) Оценка и модальность в сопоставлении и языковой реализации	8
Шилихина К.М. (<i>Воронеж</i>) Корпусные данные во внутриязыковых и межъязыковых сопоставительных исследованиях	13
Козявина Е.П. (<i>Воронеж</i>) Лексическая типология славянских языков в современных лингвистических исследованиях	18
Лукина Л.В. (<i>Воронеж</i>) Методика контрастивного анализа национальной семантики слова	21

Раздел 2. Сопоставительная семасиология

Бабушкин А.П. (<i>Воронеж</i>) Метафорическая энтомосемиизация человека в русском и английском языках (сопоставительный аспект)	24
Бояркина А.А. (<i>Москва</i>) Негативная символика цветообозначений, выраженных прилагательными, в английских и немецких публицистических текстах	33
Гафарова М.Х. (<i>Воронеж</i>) Развитие коннотативных значений русских и английских субстантивных лексем	38
Донина О.В., Куренкова Е.В. (<i>Воронеж</i>) К вопросу о сопоставлении криптоклассов в русском и английском языках при помощи параллельных корпусов	43
Епифанова В.В. (<i>Москва</i>) Особенности семантики русских и немецких сочетаний с лексемой «зависть» в сопоставительном аспекте	48
Ермаков С.А. (<i>Воронеж</i>) Сопоставление наименований эмоции «печаль» в русском и французском языках	52
Колтакова С.В., Неровная Н.А. (<i>Воронеж</i>) Сопоставительное исследование терминосистемы «Пилотажно-навигационные приборы» в русском и английском языках	59
Меркулова И.А. (<i>Воронеж</i>) Прилагательные в лексических ядрах славянских языков в сопоставительном аспекте	65
Нагайцева Е.В. (<i>Москва</i>) Ненормативные этнонимы ксенофобского дискурса: сопоставительные аспекты словарного описания	70

Подтележникова Е.Н. (<i>Воронеж</i>) Сопоставительный анализ окказионализмов Е. Некрасовой	76
Попова Л.Г., Грязева Д.В. (<i>Москва</i>) Через культурную память слов к сопоставительному исследованию языковых единиц	79
Пороткова Н.А. (<i>Воронеж</i>) Национальная специфика семантического развития эквивалентных лексем (на примере лексем <i>роса</i> – <i>dew</i>)	81
Степанова С.А. (<i>Воронеж</i>) Пропаганда и агитация: разграничение понятий	86
Федосова В.И. (<i>Воронеж</i>) Контрастивный анализ национальной специфики наименований лиц по родственным связям в русском и английском языках	90
Черникова С.Н. (<i>Воронеж</i>) Национальная специфика фразеологизации наименований <i>млекопитающих</i> русском и английском языках	94

Раздел 3.

Сопоставительные исследования национальных концептосфер и коммуникативного поведения

Асадуллаева А.В., Рыкунова И.Ю. (<i>Волгоград</i>) Понятийные характеристики концепта «коучинг» в английской и русской лингвокультурах	99
Камбарилиева У.Д. (<i>г. Бишкек, Кыргызская Республика</i>) Особенности отношения к старшему поколению в русской и киргизской коммуникативных культурах	103
Попова Л.Г., Исаева Л.Ф. (<i>Москва</i>) Репрезентация ядерных концептуальных признаков женской верности в немецких и русских художественных текстах XX века	108
Семёнова Л.А. (<i>Москва</i>) Репрезентация концептуальной метафоры «счастье» в китайских и русских текстах эпохи постмодернизма	112

Раздел 4.

Сопоставительные исследования в психолингвистике

Барабушка И.А., Кривенко Л.А. (<i>Воронеж</i>) Астионимы <i>Москва</i> и <i>Moscow</i> во вторичном языковом сознании	115
Селезнева К.О. (<i>Краснодар</i>) Сопоставительный анализ психолингвистического и лексикографического значений слова <i>Учитель</i>	122

Утицких Д.В. (Воронеж) Межъязыковое сопоставление ассоциативных полей антонимов (на примере пар ДЕНЬ/DAY – НОЧЬ/ NIGHT) 128

Шапошникова Д.К. (Саратов) Временная и возрастная динамика русского языкового сознания (на материале ассоциативных полей «деньги» 2000-х и 2020-х гг.) 135

Раздел 5. Сопоставительные исследования текста

Дьякова Е.Ю., Шипилова В.В. (Воронеж) Прагмалистические особенности рекламных слоганов в сопоставительном аспекте 139

Исаева А.А., Исаева Е.Г. (Воронеж) Язык СМИ как инструмент формирования общественного мнения (сопоставительный анализ лексики на материале статей британской прессы о Кейт Миддлтон и Меган Маркл) 143

Мордвинова А.Р. (Казань) Сопоставительный анализ особенностей двуязычия в Татарстане и Канаде (по материалам татароязычной и франко-канадской прессы) 148

Раздел 6. Сопоставительные исследования в области грамматики

Калинин С.С. (Москва) Сопоставительный анализ неотенических черт в морфологии контактных идиомов 154

Картавцев В.Н. (Воронеж) Русские и английские конструкции с непереходными глаголами 158

Петрова Е.В. (Воронеж) Особенности глагольно-наречных единиц расчленённой номинации в итальянском языке и их эквиваленты в русском языке 164

Раздел 7. Сопоставительные исследования и перевод

Дмитриенко Е.В. (Новосибирск) Комбинаторные девианты и причины их появления при переводе с английского языка на русский 168

Шарипова Г.С. (Алматы, Республика Казахстан), Камбаралиева У.Д. (Бишкек, Кыргызская Республика) Гастрономическая лакунарная лексика и способы ее переводческой трансляции 171

Содержание 175

ИЗДАТЕЛЬСТВО «РИТМ»

Подписано в печать 01.02.2024. Формат 60x84 1/16 Бумага офсетная Ballet.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,3 Тираж 300 экз. Заказ № 166

Текст и иллюстрации предоставлены авторами

Текст печатается в авторской редакции.

115419, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Донской
ул. Шаболовка, д. 34, стр. 2, помещ. 1, ком. 14

Отпечатано ИП Богатырев В.И.

Липецкая обл., Усманский р-н, с. Пригородка, ул. Есенина, 7

<http://www.i-ritm.ru> Тел.: 8(473) 290-24-53

